Robin Skynner, John Cleese

FAMILLIES
and how to survive them

London
Mandarin
1983

Робин Скиннер, Джон Клииз

СЕМЬЯ И КАК В НЕЙ УЦЕЛЕТЬ

Перевод с английского Н.М.Падалко

Москва

Независимая фирма «Класс»

1994

Текст с 4-ой страницы обложки:

Робин Скиннер - один из первых специалистов в области групповой и семейной психотерапии в Великобритании, один из основателей Института группового анализа, а также Института семейной психотерапии, в котором преподает. Автор книг - «Единая плоть - разные лица», «Принципы семейной и супружеской терапии», «Исследование семьи - групп-анализ и семейная терапия» , «Организации и как в них выжить», «Профессиональная подготовка и практика целителя душ».

Джон Клииз родился в 1939 году в Уэстон-сьюпер-Мэр, с отличием окончил Спортивную школу Клифтонского колледжа, два года преподавал, затем изучал право в Кэмбридже, откуда... поступил на сцену. С тех пор он комик.

* * *

«Большинству знакомы чувства, которыми трудно владеть. Не долго думая, люди «суют их за ширму» – прячут от других, даже от себя. И часто вступают в брак с привыкшими прятать те же чувства. Привычка передается детям... из поколения в поколение....

Наше счастье, что мы влюбляемся в того, кто спрятал то же, что и мы! Удача, что у обоих партнеров одинаковые слабости... и не по их вине. Поэтому любимые кажутся «созданными для нас». Поэтому мы все равно им доверяем - хотя перед ними и беззащитны.

Но вот парадокс: ваш партнер именно тот человек, с которым вы быстрее всего подрастете, но также тот самый, с которым, всего вероятнее, зайдете в тупик. К тому же как его вы, возможно, возненавидите, как никого на свете.

Все зависит от того, насколько супружеская пара согласна допустить спрятанное у каждого за «ширмой», насколько готова заглянуть «за ширму». Чем больше у них желания и смелости допустить неприятный факт, что они далеки от воображаемых «автопортретов», тем больше вероятность, что с проблемами – если возникнут – они успешно справятся».

Робин Скиннер, Джон Клииз

Ничего название, правда? Этот бестселлер написан маститым английским психиатром (психоанализ, системная семейная и групповая психотерапия, академические заслуги и высочайший профессиональный авторитет) и его бывшим пациентом, юмористом и известным актером-комиком.

Диалог этих незаурядных джентльменов легок и обаятелен, а тема касается всех. Как говорилось в старой шутке, «хорошую вещь браком не назовут». Вот об этом они и беседуют: почему даже счастливой семье бывает так трудно, откуда вообще берутся семейные проблемы, как их «наследуют» дети, чтобы потом создать проблемы в собственной семье... и как все же можно остановить этот конвейер и что-то изменить к лучшему. А также: о семейной тирании и тиранах, пользе ссор (не любых), о психологическом «разводе» с родителями, о детских и взрослых сексуальных проблемах и еще о многом.

Нормальный человеческий язык ничуть не мешает книге быть глубоко и тонко профессиональной7 И все это густо приправленосуховатым и блестящим английским юмором.

В общем, такой книги никто на русском языке еще не читал: она может стать открытием и для профессионалов (врачей, психологов), и для «человека с улицы».

ISBN 0-7493-0254-2 (Great Britain)

ISBN 5-86375-008-1 (РФ)

НЕСЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Предисловий обычно никто не читает – судьба их такая. Для этого тоже исключение делать не следует. Хотя, если Вы уже добрались до третьей фразы, у автора появился шанс высказаться. Само собой, о книге, которая перед Вами,– во многих отношениях незаурядной. Необычной по форме. Забавной, печальной, умной. И очень профессиональной – как потому, что в ней просто и подробно излагаются идеи психоаналитически ориентированной семейной и групповой психотерапии, так и потому, что профессионально само видение семьи как системы. Или – как проблемы. Возможно, даже как драмы: одно название книги чего стоит.

Конечно, оно привлекает внимание: нетипичное, жесткое, заставляющее вспомнить "черные" анекдоты. Или, по меньшей мере, афоризм парадоксального классика семейной психотерапии Карла Виттекера: "Состоять в браке поистине ужасно. Хуже этого может быть только одно – в браке не состоять".

Но вот что интересно: глядя на это "неприятное" название, люди многозначительно кивают или хихикают, озорно ухмыляются и вообще как-то не кажутся ни шокированными, ни даже озадаченными. Скорее, заинтересованными и довольными. А одна американская коллега – немолодая мать семейства – так взревела "Oh, yes-s!!!",– что листки перевода посыпались. Если мы поймем, чем вызывается такая реакция на название книги, мы узнаем нечто важное и о том, зачем и как ее читать.

Что-то *такое* все знают о семье, о чем вроде бы не принято говорить, на что глухо намекают поговорки типа "В каждой избушке –свои игрушки"... Вот *это* авторы "цепляют" еще в названии. Они сразу нарушают некую норму, заставляющую умалчивать о проблемах, подавлять чувства, отгонять болезненные воспоминания. И тем самым дают читателю восхитительный, опасный шанс *тоже* ее нарушить. Например, вытащить на свет Божий многое из "само собой разумеющегося", что каждый из нас получил в родительской семье, и задать себе вопросы. В том числе и такие, которые наша семья не одобрила бы. (Например, о том, какие чувства принято было считать несуществующими, что было "засунуто за ширму", выражаясь языком Робина и Джона).

Более того, каждая глава дает нам новые возможности на эти вопросы себе отвечать – теряясь, сердясь, испытывая боль, пугаясь... Ведь одно дело – признать, что "секрет" *(бессознательное)* есть, а другое дело – его раскрыть, пусть и себе самому. Особенно себе самому...

Эту книгу даже сугубые профессионалы – врачи, психологи – будут читать *еще* и как чьи-то дети, родители, мужья и жены. Тем более, что авторы с самого начала показывают "на себе", что чувства можно испытывать – проживать – принимать и, наконец, понимать. И что человек (как и семья) от этого делается только здоровее.

Их профессионализм непривычного для нашего опыта "качественного состава". И если Робин-доктор больше знает о концепциях и фактах, а Джон-актер его расспрашивает, немного играя въедливого "человека с улицы", то в отношении опыта работы со своими переживаниями и семейным материалом они равны. *Почти* равны, потому что "работа психотерапевта над собой" (личная терапия) – это обязательное профессиональное требование. Доктор Скиннер, скорее всего, несколько лет проходил индивидуальный психоанализ, каждую неделю минута в минуту появляясь у психоаналитика, и непременно был участником психотерапевтических групп в "клиентской" роли. (Во всем мире диплом врача или психолога еще не "делают" сертифицированного психотерапевта.

А наблюдательная позиция может иногда становиться той самой "ширмой". Так что, когда при чтении будете ловить себя на реакции типа "ну, это-то ко мне отношения не имеет", стоит именно этот абзац перечитать. Тем более, что про механизмы, происхождение и скрытые цели этой – и многих других – реакций авторы рассказывают просто замечательно.

Так у них получается потому, что на человеческий эмоциональный опыт они не смотрят сверху, мол, я здоров, а у тебя проблемы; твои чувства ненормальнее моих. Их зрение объемно: есть взгляд "изнутри" (собственные чувства, воспоминания, отношения), есть – "сбоку" (сравнения, анализ). И есть постоянное установление *связей* между этими "точками зрения".

Кстати, о связях. Эксперимент с искусственным вскармливанием обезьянок проволочными и плюшевыми "мамками", равно как и другие жутковатые факты, доказывающие фатальный вред преждевременного отделения ребенка от матери, в нашей научно-популярной литературе время от времени встречались. Но никто никогда не слышал, скажем, о молодой неласковой мамаше, в той самой обезьянке вдруг узнавшей бы *себя.* Себя – девочку, которую ее собственная, вымотанная, мало с ней бывающая, жесткая – ну, почти что "проволочная" – мать ни обогреть, ни приласкать, ни – тем самым – научить, конечно же, не могла. Факты как таковые могут быть любой степени достоверности и популярности. Если они не *связываются* с собственным эмоциональным опытом, они так и остаются "фактами про обезьянку".

Мы не можем переписать свою историю – ни личную, ни какую-либо еще. Травмы и лишения существуют, и их последствия "звучат" не одно поколение. Но мы можем попытаться свою семейную историю *по-*

нять, и сам процесс, в котором пониманию всегда предшествует чувство, меняет многое. Почти все. Не удивительно, что такая психотерапия длится годами: ее цель – распутать уникальный рисунок петель и узлов, не "порвав" при этом "нити" – то есть не превысив предел переносимости понимания.

Многие страницы этой книги вызовут у читателя несогласие и даже неприятие: не может быть, это-то господа психоаналитики уж точно сочиняют... И вообще, у нас все не так. Но, уверяю Вас, дело совершенно не в том, правы авторы или нет. Хотя они, конечно, сплошь и рядом правы – то, о чем они толкуют, не вчера открыто, хорошо изучено и прочно укоренилось в науках о человеке. Модель, из которой они исходят, *очень* авторитетна, хотя есть и другие точки зрения, другие теории и другая психотерапия.

Так вот, дело *действительно* не в том, правы авторы или нет. А в тех реальных чувствах и воспоминаниях, которые у нас при чтении возникают. В установлении связей между прошлым и будущим; между ребенком, которым был каждый – "ребенком" внутри нас – и нашими реальными детьми. В возможности своего "взрослого" опыта сопереживать драме развития, уже понимая, что это именно драма – все "ружья, висящие на стене в первом акте", в свой черед стреляют. Наконец, в праве не соглашаться с авторами и даже сердиться на них – заметьте, они сами с первой страницы нам это "дарят"–тем, как непочтительна интонация вопросов непрофессионала к "ученому доктору". Так что можно принимать и по-настоящему "примерять" на себя и свою семью только то, с чем можно себе позволить согласиться. Почти как в *настоящей* психотерапии.

И тут стоит упомянуть об одном важном отличии "их" опыта от нашего: о самой обыденности и *нормальности* обращения к психотерапевту здоровых, в сущности, людей. Взгляните на рисунки: две дамы в кафе судачат о своих психотерапевтах... семья на приеме дружно морочит своего... Само жаргонное "shrink", которое пришлось перевести как "вед" (от "людовед"),– непереводимо: нет эквивалента в реальности, нет и слова. А чтобы термин "опустился" в слэнг, явление должно быть массовым. Да уже то, что в популярной книжке о психотерапии возможны такие "кусачие" рисунки, не оставляющие авторам – одному, во всяком случае – никакой возможности укрыться за профессиональным авторитетом, говорит об этом авторитете.

У нас – пока – ив самом деле все иначе. "Психотерапия относительно здоровых" – грамотная, профессиональная – не стала привычной частью здоровой жизни, "деталью пейзажа".

Зато, по счастью, еще сохраняется привычка читать. Читатель, Вас ожидает не легкая прогулка, а серьезный поход. Мы не можем переписать свою семейную историю, но лучше ее понимать – это, похоже, и есть путь к тому, чтобы "уцелеть". И это всегда трудно, но никогда не поздно.

Екатерина Михайлова

Пру и Барбаре посвящается

ЗАЧЕМ МЫ НАПИСАЛИ ЭТУ КНИГУ

Джон. Десять лет назад я попал в психотерапевтическую группу. По двум причинам. Во-первых, два года меня'исподтишка гробил грипп, а мой врач перед неприятелем пасовал, после трех полных обследований он, предложив усматривать суть моей проблемы в психосоматике, послал меня... к психиатру. Примерно тогда же дал опасную трещину мой первый брак, и я понял: в одиночку не справлюсь. Честно говоря, в то время, помню, думал, что умственных способностей мне не отмерено, чтобы разобраться в происходящем. Теперь ясно, что и эмоционального опыта – за который спасибо группе – мне недоставало, чтобы решить проблемы.

Конечно же, я не рвался в Чудо-страну "людоведов": ничто британское – а значит, и предубеждение против психиатрии – мне не чуждо. Но несмотря на скептицизм и – скажу откровеннее – недоверие, я пошел... Руководили группой психотерапевты Робин и Пру Скиннеры – работавшая вместе супружеская пара. В группе было еще семь человек, среди них – еще пары. И вот мы, вдесятером, усаживались в кружок на полтора часа каждый четверг вечерком и вели разговоры... три с половиной года подряд! Люди в группе за это время, разумеется, поменялись: те, кто "выговорился", уходили, на их место приходили другие.

Примерно через год я почувствовал, что со мной действительно творятся чудеса– за всю свою взрослую жизнь не припомню ничего подобного. Во-первых, после того, как мы немного разобрали "перегородки" между собой, я заметил, что мы стали держаться намного свободнее, чем обычно люди в обществе, ну, разве двое-трое самых близких друзей видят нас такими. Не хочу затасканных сравнений, но, правда, думал: вот где кино снимать. Хотя вы теперь решите, что я пытался больше наблюдать, а не участвовать. Ничего подобного. Я ушел в общение с головой и в течение нескольких месяцев "настаивался" настроениями и переполнялся чувствами самыми разными – иногда совершенно незнакомыми и неупра-вляемыми. Я приобрел новый эмоциональный опыт, я открыл кое-что о своей персоне, что даже противоречило сложившемуся в сознании "автопортрету", я – и это было самое поразительное – понял: беспочвенны некоторые укоренившиеся во мне представления. Начиная с элементарнейших... о мужчине и женщине. Отношения мужчины и женщины я увидел совсем другими, так что задумался: а не баснями ли меня тешили в Уэстон-сьюпер-Мэр?

Сегодня, через пять лет после терапии, с уверенностью скажу: то, что узнал в группе, помогло чрезвычайно. Теперь мне жизнь в радость. Конечно же, в группе от изводившего меня недомогания не осталось и следа, я постепенно расслабился. Думаю, группа научила меня глубже сопереживать другим, и теперь иногда я могу поддержать друзей, как раньше не умел. Кроме того, терапия принесла мне пользу в профессиональном занятии, ведь пройдя опыт группового "оздоровления", я стал тоньше видеть суть своих ролей на сцене и вообще по-новому взглянул на "роли", которые люди играют в общении друг с другом, то есть, кажется, разобрался в вещах, прежде совершенно непонятных. Но в чем главная польза, так это в том, что проблемы больше не загоняют в угол, с ними легче справиться – приемы, которые могут их "порешить", я выучил в группе, так что из столкновений с проблемами выхожу успешней.

За все я страшно благодарен не только Робину и Пру Скиннерам – это само собой разумеется,– я чувствую себя в долгу перед наукой, в последние годы ставшей богаче на десятки идей, разработок, методов по оздоровлению групповых и семейных отношений.

Я думаю, новые открытия "душеведения" увлекли бы многих. Но люди в о'сновном не видят необходимости, не находят времени, не проявляют желания обратиться к психотерапии. Популярной же книги, рассказывающей о новых подходах к душевному "оздоровлению", мне до сих пор не попадалось. Поэтому года два назад я и предложил Робину написать такую – для непосвященных.

Впрочем, сейчас, когда мы ее написали, я спрашиваю себя: так ли уж свежи и неожиданны высказанные идеи? Например, для меня теперь совершенно ясно, что наш характер, все особенности поведения объясняются нашим первоначальным опытом в родной семье. А вот некоторых такое утверждение, знаю, удивит, даже очень удивит. Теперь я также соглашусь, что большинство наших проблем на самом деле– "трудности роста", с которыми мы по тем или иным причинам не справились в ранние годы, а значит, потащили с собой во взрослую жизнь. Ну, а для вас это очевидное или же... невероятное? Как бы то ни было, утешусь тем, что анекдот с "бородой" нов для того, кто его не слышал. Да что там... пускай изложенные в книге идеи для вас окажутся в сто раз менее ценными, чем для меня, я *тем не менее* буду вознагражден, если вы книгу купили (я о гонораре от проданного тиража – для непонятливых).

Робин. Что касается меня, то впервые мысль написать подобную книгу пришла мне в голову в 1976 году за разговором с моим дядюшкой Фредом. Только что вышел мой научный труд "Единая плоть – отдельные лица", и я разослал всем родственникам по экземпляру. Я думал, судьба моего детища–пылиться, как обычно, у родных на книжных полках, и был приятно удивлен, когда дядюшка Фред, человек неподготовленный, без особого интереса к предмету, почти всю жизнь занимавшийся мелким предпринимательством в ры-

бацком поселке на Корнуолле, где они с моей матерью выросли, сказал, что не только прочел книгу» но что она его увлекла, что помогла разобраться и примириться с пережитым в семье в ранние годы. А потом, добавив, что не хотел бы меня обидеть тем, что скажет, он пропел на своем мелодичном корнуоллском английском: "И не сообразишь, пока черным по белому не увидишь, как в твоей книжке, но увидев, подумаешь: *тут оке просто-напросто здравый смысл"*.

Книгу очень хорошо встретила критика, но не было отзыва, который порадовал бы меня больше, чем дядюшкин. Слушая его рассуждения, я понял, что благодаря усвоенному из книги его взгляд на собственную жизнь переменился к лучшему. Мучительные переживания, которые ему довелось испытать по его же, как он прежде думал, вине, если не по вине других, проявивших к нему незаслуженную суровость, в которых, наконец, всегда можно винить судьбу, он принял как характерное проявление семейной истории, а над историей никто, конечно, не властен. И это не только освободило его в определенной мере от угрызений совести и необоснованного чувства вины, но помогло взять на себя ответственность за одну неурядицу в семье, где взаимные обвинения сторон отдаляли так желаемое им примирение. Потом мне стало известно, что перед смертью дядюшка сделал-таки шаги к тому, чтобы родственные отношения наладились.

Многие годы я повторял своим ученикам, что если мы и способны оказать профессиональную помощь другим, нечего надеяться, что разрешим проблемы в собственных семьях, ведь мы слишком вовлечены в них, чтобы взглянуть на эти проблемы объективно и беспристрастно. Однако, раз даже специальное издание по вопросу "семейного" здоровья помогло семье психиатра, какая же, рассуждал я, будет польза от книги, написанной для широкого читателя!

Почему я написал первую книгу? Почему вообще избрал свою профессию и занялся исследованием семейных отношений? Сейчас станет ясно. В ту поездку на Корнуолл я стремился разузнать о собственной семье как можно больше. Я и несколько собранных мною в Лондоне специалистов (позже группа дала начало Институту семейной психотерапии), следуя примеру психотерапевтов семейного профиля по всему свету, взялись изучать истории родных семей, чтобы квалифицированнее помогать чужим. А что касается моей... Уже известный вам дядюшка Фред слыл летописцем моей семьи, кладезем анекдотов буквально о каждом из родственников. Он-то и вспомнил, как моя мать однажды про меня, еще совсем кроху, сказала: "И не знаю, что делать с Робином, он или гением будет, или в Бодмине* кончит". Задним умом я понял: не дотянув до гения, жизнь потратил на то, чтобы избежать Бодмина и, в конечном счете, нашел компромисс – побывал во многих психиатрических клиниках... пользуясь служебным входом.

Но почему все это со мной случилось? И почему именно со мной, а не с одним из моих четверых братьев? Оглядьтаюсь назад, вооружившись знанием о своей семье, позаимствованным у дядюшки Фреда, у других, и вижу: я оказался в фокусе мощнейших эмоциональных токов семьи, которые нарушали мое равновесие в детстве. Их последствия я, взрослый, и стремился преодолеть. Мои родители были славные, добрые, благожелательные люди, все вокруг их любили и уважали. Родители жили, как могли, праведно. И не понимали, откуда у них такой ребенок – тревожный, не способный справляться с действительностью, вечно ускользающий в мечты, в уединение.

Теперь мне ясно, они мучились не меньше моего. Но тогда я скрывал от них все, что мучило, чтобы не разбивать их надежд. Помню, мечтал о какой-нибудь карте, каком-нибудь компасе, которые вывели бы меня к самопознанию... и из леса проблем.

Я не нашел путеводной нити в родной семье. Вне семьи искал – и тоже не нашел. В конце концов, когда служил в британских воздушных силах во время второй мировой войны, я решил, что займусь медициной и психиатрией. Потом понял: я хотел и себе помочь, и другим принести пользу. Хотел найти "правильный путь", то есть разобраться, что значит быть "нормальным", или "здоровым", чтобы и самому подвинуться к этому. Получив диплом врача, очутившись в Институте психиатрии, я жаждал углубиться в труды о "норме" и перерыл богатую библиотеку. Увы, я откопал только три тоненькие книжечки. Две были совсем неинтересные, третья оказалась увлекательной, хотя, в сущности – собранием анекдотов.

Тогда я сказал себе: "Значит, как и в родной семье, в "семье" ученых ищи в одиночку". Сделавшись психотерапевтом, я принялся изучать людей, группы, семьи, причем в группе, что и предполагает метод групповой психотерапии, раз за разом проводил самоисследование. И подбирался к ответу на вопрос: "Что же такое душевное здоровье и как семья может наделить им человека?"

Двадцать лет спустя то, что узнал, я изложил в книге, прочитав которую, увидев все "черным по белому", мой дядюшка Фред высказался: "Тут же просто-напросто здравый смысл". Тогда, наконец, стали появляться публикации о здоровой семье. Первая монография – исследование нормы, или "оптимально" здоровой психики – вышла в том же месяце, что и моя книга в американском издании, у того же издателя. Мне переслали обе книги, и, знакомясь с работой, проведенной в Тимберлоновском исследовательском центре в Далласе,

---

* Местный приют для душевнобольных.– *Здесь и далее примечания переводчика.*

штат Техас, я был приятно удивлен тем, что их выводы совпадали с моими, полученными на основе клинической практики. Я еще не дочитал книгу, а руководитель американской иссле-довательской группы (как раз читавший – о чем я не подозревал – *мою* книгу) прислал письмо, в котором комментировал сходство наших результатов.

Значит, порадовался я, кажется, я наконец-то кое-что прояснил... и не только для себя – для рядового читателя, взявшего в руки даже не популярное, но специальное, профессионалам адресованное издание.

Когда же Джон предложил вместе потрудиться над популярной книгой на эту тему, я, вначале засомневавшись в возможности такое множество сведений дать в доступнейшей форме, с удовольствием согласился. И если из нашей книги широкому читателю станет понятной захватывающая увлекательность и практическая полезность последних исследований семьи – чем она жива и как ей жить лучше,– то заслуга тут в той же мере Джона, с его живым оригинальным умом, ясностью мысли, в какой и моя как исследователя, раздобывшего фактический материал. Надеюсь, наш диалог будет дельным руководством для читателей. И еще хочется, чтобы от общения с Джоном вы получили удовольствие, какое, работая с ним, получил я.

ПОЧЕМУ МОЙ ВЫБОР – ТЫ?

Джон. Давайте начнем с вопроса попроще. Почему двое вступают в брак?

Робин. Потому что любят друг друга.

Джон. Да что Вы говорите?

Робин. Я серьезно.

Джон. Ну, может быть. Хотя эта самая любовь престранная вещь. Совершенно обыкновенные разумные люди, вроде программистов и бухгалтеров, сидят себе, довольные жизнью, вычисляют, подсчитывают и вдруг в дальнем углу битком набитой комнаты замечают кого-то."Ага,-говорит себе программист или бухгалтер,– вот кто для меня создан, а свяжу-ка я свою жизнь с этим человеком навек". Мистика какая-то!

Робин. А Вы бы предпочли, как триста лет назад, вступать в брак по расчету Ваших родителей, которые выгодно соединяли землю, деньги и звания? Они видели в любви худший из возможных повод для брака... прямую дорогу к несчастью.

Джон. Сэмюэл Джонсон* писал, что все браки следует устраивать лорду-канцлеру независимо от желания сторон.

Робин. Значит, ясно, о чем я: сегодня мы свободны вступать в брак с человеком, которого любим и который действительно сделает нас счастливым...

Джон. И по числу разводов мы сегодня какой угодно век превзойдем...

Робин. Раз оба мы в статистике разводов учтены, то уж лучше нам с критикой не спешить.

Джон. Да ведь я, наоборот, о том, что мы недооцениваем эту науку – развод. Разводясь, мы постигаем хитрейшие звенья, тончайшие сцепления брачного механизма, те, что для счастливцев, у которых брак тридцать лет не давал сбоя, так и останутся непонятными. Впрочем, разведенные или нет, вот мы, миллионы и миллионы, блаженно соединяемся, думая: "Моя половина". Хорошо, что же дальше, доктор?

Робин. Ну, а по-Вашему, что стоит за любовью?

Джон. Конечно, за любовью не просто взаимная сексуальная притягательность. И любимый человек дороже самого лучшего друга, какого только можно вообразить. Хотя, в чем этот "сверхэлемент", не представляю. Никто никогда не объяснял. Спросите – Вам, понимающе улыбаясь, скажут: "Химия" – и сменят тему. Так в чем же тут дело?

Робин. Я думаю, нас влечет друг к другу потому, что мы в своей сути похожи... похожи психологически.

Джон. Старая пословица утверждает: противоположности сходятся.

Робин. Нет. А если сходятся, так только потому, что кажутся противоположностями. В действительности люди сходятся из-за схожести, более того, из-за схожести главнейшего свойства – схожести происхождения, схожести семей, в которых выросли.

Джон. Значит, все, кто женится, кто выходит замуж, стремясь прочь из семей, все равно берут в брак свои семьи, говоря языком психологов?

Робин. Именно.

---

* Джонсон, Сэмюэл (1709–1784) – английский писатель и лексикограф.

Джон. Но послушайте, я же ничего не знал, к примеру, о семье моей первой жены, когда влюбился.

Робин. А ей о *своей* семье рассказывали?

Джон. Кажется, нет... Нет.

Робин. Может, в этом-то и заключалось ваше сходство.

Джон. Что-то я не пойму...

Робин. Может, Вы с первой женой не пускались в разговоры о своих семьях как раз потому, что Ваши и ее родители особенно не рассказывали о *своих* родителях. Иными словами, в этом смысле Вы с Вашей женой были схожи.

Джон. Уж так правдиво, что и не верится... Ладно, в любом случае вам, значит, "сигналят" еще *до того,* как начинается обмен семейными "тайнами".

Робин. В точку попали.

Джон. Да?

Робин. Сейчас объясню. Это, пожалуй, самое удивительное открытие, с которым я столкнулся за все годы моей "семейной" практики, и я долго удивлялся, прежде чем его принял. Наглядным доказательством служит упражнение "Семья как система". О нем я впервые узнал в 1973 году – его нам демонстрировали американские специалисты. Теперь мы используем упражнение для тренинга в Институте семейной психотерапии.

Джон. А зачем придумали это упражнение?

Робин. Показать, как же на самом деле в битком набитой комнате подбирается пара! Оно прояснило для меня механизм подсознательного "тяготения".

Джон. Вы хотите сказать, что упражнение – наглядный пример того, как и почему мы выбираем друг друга, ничего друг о друге не зная?

Робин. Да. Его лучше всего проводить, когда участники еще не познакомились. Участников объединяют в группу и каждого просят выбрать из группы человека либо напоминающего кого-то в собственной семье, либо, наоборот, восполняющего, по их мнению, недостающее "звено" в их семье. При этом, заметьте, участникам не разрешается разговаривать. Они встают и отправляются на поиск, оглядывая всех подряд. А когда группа разбилась на пары, всех просят коротко между собой выяснить, если смогут, почему же они объединились, то есть их побуждают определить сходство в происхождении. Далее каждую пару просят подобрать себе другую пару – объединиться в четверки. А затем каждой четверке предлагают разыграть семью, распределив соответственно роли. И они опять выясняют, как родные семьи у каждого "за спиной" повлияли на их нынешний выбор. Наконец, участники сообщают всей группе, что они обнаружили.

Джон. И что же они обнаружат?

Робин. А то, что каким-то образом каждый выбрал троих, чьи родные семьи функционировали сходно с его собственной.

Джон. Функционировали сходно?..

Робин. Ну, все четыре семьи, к примеру, обходили кого-то из своих вниманием и заботой или, возможно, похоже проявляли гнев, зависть; может быть, в этих семьях отношения приближались к инцесту, а может, от каждого ожидали неизменного оптимизма. Обнаружится, что отцы оставляли семьи как раз в самый "неподходящий" момент или что все четыре семьи понесли какую-то невосполнимую утрату, пережили какие-то испытания, когда представляющие эти семьи учасгники нашей группы были в одном возрасте.

Джон. А не оттого ли есть совпадения, что их потребовалось найти?

Робин. Находится *ряд связанных совпадений.* Произвольным толкованием факт едва ли объясним. Возможно, сказанное не слишком убедительно для постороннего, но поучаствуйте в таком эксперименте – Вы поразитесь.

Джон. Хорошо, ну а те, кто остался у стеночки... Что о "невыбран-ных" скажете?

Робин. Как ни странно, именно они, "невыбранные", решили дело – окончательно исключили для меня случайность в происходящем. Первый раз, когда я проводил это упражнение для двадцати, примерно, психотерапевтов, специализирующихся на семейных отношениях, я вдруг забеспокоился, что объединившиеся по "остаточному" принципу почувствуют себя отвергнутыми. И начав опрос четверок–какое семейное сходство они обнаружили,– я (теперь уже я) оставил "остаточную" четверку напоследок. Честно говоря, боялся– как отреагируют. Но они увлеклись экспериментом не меньше, чем другие участники. Они обнаружили, что все воспитывались либо у приемных родителей, либо в сиротских приютах. Они *все* с раннего возраста ощущали свою отверженность и каким-то непостижимым образом – но безошибочно – "нашли" друг друга в группе!

Джон. Значит, всякий раз участники этого упражнения выбирают друг друга по ряду удивительных соответствий в их происхождении – по сходству семейной истории, семейных отношений.

Робин. Совершенно верно.

Джон. А какая связь между *их* выбором и *нашим...* в любви?

Робин. Самая непосредственная. Есть много причин, по которым люди вступают в брак, в основном понятных. Один из пионеров семейной психотерапии 60-х годов, Хенри Дике, свел их в три главные категории. Во-первых, это факторы социального характера: классовая принадлежность, вероисповедание, уровень дохода. Во-вторых, осознаваемые причины, вроде внешней привлекательности, общих интересов, ну, и прочие обстоятельства, которые при выборе для вас *ясны.* В-третьих, это неосознанное "тяготение", про которое люди как раз и говорят: "Химия".

Джон. И описанное Вами упражнение иллюстрирует эту третью группу причин, откуда понятно, что люди выбирают друг друга неосознанно, из-за сходства в их семейной истории со всеми ее поворотами.

Робин. Именно. Не забыли – наши участники подбирают "двойника" кому-то из своей семьи либо – "замену" недостающему члену семьи? Но они же все чужие, никакого наследственного сходства во внешности, в облике у них нет! Тем удивительнее, что они, лишь "на глаз" прикинув, все равно выбирают людей с поразительно похожим детством или тем же набором семейных проблем.

Джон. Иными словами, свои семьи мы носим с собой, где-то в себе и "сигналим" об этом, так что другие, с подобной "ношей", уловят сходство?

Робин. Да, а соединяясь с такими людьми, мы, в определенном смысле, воспроизводим свои же семьи... Потрясены?

Джон. Спрашиваете! Для Вас, психиатра, наша всеобщая зависимость в действиях от неосознаваемых сил, наверное, профессиональное "общее место", но когда посторонний вдруг слышит, что же он вытворяет, знать не зная, почему, еще бы человеку не поразиться. Взять хотя бы то, сколько сведений мы "выуживаем" друг у друга даже не подозревая!

Робин. Да, мы получаем от окружающих чрезвычайно много сигналов, раскрывающих их характер, а значит, и их семейную историю.

Джон. Объясните, пожалуйста, что это за сигналы.

Сигналы

Робин. Мы постоянно "заявляем себя", сообщаем, кто мы и что мы – выражением лица, движениями, то есть "языком тела", о котором теперь все наслышаны.

Джон. Осанка, манера одеваться, походка, жесты...

Робин. Причем важно не только какие, например, жесты мы делаем, но как делаем и как часто...

Джон. Хорошо, но мне непонятно, каким образом по этим сигналам можно определить семейное прошлое человека.

Робин. Мы всегда угадаем чувства человека, который перед нами – так ведь? Скажем, дружелюбно он настроен или враждебно, бодр или подавлен, ну, и так далее. Помимо этих непрерывно меняющихся эмоциональных состояний, каждому, в общем, присуши некоторые *привычные* эмоции и реакции...

Джон. ...делающие человека индивидуальностью – да? То есть про одного скажем "мрачный тип", про другого – "весельчак", про третьего – "мученика из себя строит".

Робин. Верно. И эти привычные эмоции будут проявляться и в осанке, и в выражении лица, во всех свойственных человеку жестах, позах. Возьмите угнетенного субъекта. Он будет сутулым и неуклюжим, движения его будут вялыми. Из-за того, что годами "носил" кислое выражение, у него появятся морщины, которые нам сразу все откроют. Или же весельчак: у этого с лица не сходит улыбка – откуда лучистые морщинки, кроме того, его движения будут увереннее, энергичнее, осанка – прямее. У того, кто слегка не в себе, движения будут развинченными, он будет возбужденным, будет таращить глаза.

Джон. Ну, *этот* взгляд мне еще как знаком – у меня такой, когда я подавлен, а часто я сознательно "делаю" его на сцене. Глаза чуть навыкате, мышцы на висках, на лбу и на скулах напряжены...

Робин. И у меня нередко глаза выпучены – замечали?

Джон. Ни разу. Неужели?

Робин. Смешно, но когда я участвовал в упражнении "Семья как система", то выбрал человека, а потом мы вместе другую пару выбрали... прежде чем хоть *один* из нас осознал, что *все четверо* таращим глаза.

Джон. Вы думаете, мы "приглянулись" друг другу, потому что своими глазищами высмотрели похожее у нас с Вами семейное прошлое?

Робин. Наверняка. И уж теперь глаза не станем закрывать на наше сходство.

Джон. А знаете, я сейчас припоминаю, что несколько лет назад обнаружил: меня привлекают девушки с большими глазами, хотя их чары, что удивительно, ослабели, как только я разобрался, в чем секрет. Да и у одного моего родственника были такие глаза... Но опять не понимаю: Вы говорите, будто индивидуальные особенности человека, или привычные эмоции, как Вы выражаетесь, помогут нам увидеть групповой портрет его семьи. Но каким образом? Какая тут связь?

Робин. Дело в том, что каждая семья по-своему обходится с эмоциями. В каждой одни считаются "хорошими", другие "плохими". "Хорошие" эмоции будут выражаться свободно, от "плохих" же все будут воздерживаться по мере сил. Или вообще эмоции в семье окажутся под запретом, а может, наоборот, будут совершенно неконтролируемыми. В результате у каждой семьи вырабатывается набор эмоциональных реакций, которым привыкают пользоваться все члены этой семьи.

Джон. Поэтому они все будут посылать одинаковые сигналы и все будут казаться похожими?

Робин. Да. Не только наследственность обеспечивает семейное сходство. Даже приемные дети становятся в некоторых отношениях схожи с принявшей их семьей.

Джон. А собаки на хозяев похожи тоже по этой причине?

Робин. Наверняка. К домашним любимцам в семье "семейное" отношение. Значит, в тех семьях, где ценится владение собой, будут послушные собаки, там же, где не держат себя в руках, нет сладу ни с детьми, ни с собаками.

Джон. Хорошо, делаем вывод: выражением лица, позами, телодвижениями мы "сигналим" о привычных нам эмоциональных реакциях, которые приняты в нашей семье. А люди из похожих семей "ловят" эти сигналы и отвечают на них.

Робин. Совершенно верно. Именно это и демонстрирует упражнение "Семья как система".

Джон. Так. Но все же я не понимаю кое-чего. Прежде Вы говорили, что участники упражнения часто выбирают тех, кто в одном с ними возрасте пережил одинаковые события, говорили об отсутствии отца в семье, о чьей-то смерти. И как все это увязать с последним выводом?

Робин. Давайте вывод из упражнения сформулируем иначе. Давайте скажем, что человек, испытавший трудности на одной ступени развития, потянется к другому, узнавшему те же трудности на той же ступени.

Джон. Вы новую и совершенно не связанную тему задаете!

Робин. Нет, связь очевидная. Поверьте мне пока на слово, потом сами увидите.

Джон. Ладно. Что там про... трудности на одной из ступеней развития?

Робин. Если человек пропустил какую-то ступень в своем развитии, то тот, к кому он потянется, другой человек с похожей семейной историей, вероятно, пропустил ту же ступень.

Джон. Ой, дальше и шагу не сделаю... Объясните же, что такое "ступень развития"! Тогда я, может, соображу, как ее пропускают.

Ступени развития

Робин. На жизнь можно смотреть как на ряд ступеней, которые нам надо преодолеть. И преодолевая каждую, мы чему-то учимся. Фактически, не усвоив науку одной, мы не перейдем успешно на следующую ступень.

Джон. И что же это за ступени – ранние, например?

Робин. Нам всем положено узнать неизменную, преданную любовь и заботу в детском возрасте. Обычно мать играет главную роль в этот период – когда мы совсем малы, разумеется.

Джон. И каков для нас урок?

Робин. Если мать не сумеет заботиться о нас как нужно, мы не научимся заботиться о других.

Джон. Неужели?

Робин. Да. Если мать не напитает нас добрыми, нежными чувствами, рядом с ближними мы будем неучами.

Джон. Ясно. Однако при чем тут слово "неуч"?

Робин. Известно, что наука часто усваивается неосознанно. Особенно в детском возрасте, когда обучение сводится в основном к копированию, к подражанию окружающим, и прежде всего – родителям. Поэтому, не покажи они нам примера, позже нам будет труднее даваться общение, будет труднее оценивать свой опыт.

Джон. Так. А следующая ступень?

Робин. Когда в нас пробуждается тяга к независимости, к свободе воли, рядом с родительской любовью необходим контроль. На этой ступени особо важен вклад отца.

Джон. И чему мы учимся благодаря отцу?

Робин. Самодисциплине. Без самодисциплины мы не сумеем принять власть как таковую. Нас будет возмущать любое ее проявление и даже – мысль о ее необходимости. Кроме того, попади мы сами в положение, требующее проявления власти, растеряемся. Мы "зависнем" между привычной нам мягкостью, нерешительностью и неожиданной необходимостью действовать жестко, чтобы на деле доказать, что сильны.

Джон. Вы хотите сказать, что "мятежный" политик, получив власть, не сможет ее употребить?

Робин. Именно. А возможно, он введет авторитарный режим, притворяясь, что его решения приняты волею демократии: к примеру, он действует от имени молчаливого большинства или же – от имени пролетариата.

Джон. А вот если бы его родители проявляли власть, любя, но твердо...

Робин. ...тогда бы этот человек, повзрослев, мог принимать решения, учитывая интересы всех, и придерживаться своих решений, впрочем, был бы также способен и менять их, если обнаружится, что решения ошибочны.

Джон. Мы свернули в сторону. Какова же следующая ступень развития?

Робин. Дальше нам необходимы братья, сестры или друзья, чтобы играть и узнавать, что такое "делиться", как с честью выйти из жизненной неразберихи, когда дразнят, иногда – "не водятся", чтобы научиться постоять за себя и так далее. Единственные или старшие дети в семье, которые несколько лет не знают соперничества, часто не усваивают этих уроков и позже сталкиваются с трудностями.

Джон. Да, знаю, я был единственным ребенком и, конечно же, перескочил эту ступень, ведь и друзей моего возраста у меня было мало. И когда я пошел в восемь лет в школу, то натерпелся, меня здорово задирали. Впрочем, скоро перестали.

Робин. Значит, Вы усвоили этот урок, хоть и поздновато. Хорошо, потом идет ступень, когда происходит узнавание противоположного пола. Дети, лишенные таких знаний, например, девочка, выросшая без отца или братьев, или мальчик, который провел отроче-

ские годы в интернате с раздельным обучением, будут испытывать неуверенность, общаясь с противоположным полом.

Джон. С Вами пора излагать автобиографию... Я обучался в типично английском закрытом учебном заведении для мальчиков, в восемнадцать же обнаружил существ из другой галактики – девушек. И потом несколько лет преодолевал тяготившую неуклюжесть, каковой обязан английской системе образования. Ну, известно: сидите за обеденным столом в женском обществе, стараетесь произвести на них впечатление, объясняя, как функционирует фондовая биржа непостоянно суете локоть в масленку.

Робин. Да-да, недостаток общения с иным полом в детстве позже приведет не только к страху и неловкости в общении, но и к необоснованным ожиданиям, так что люди рискуют испытать сильное разочарование, завязав близкое знакомство. Хорошо, следующая ступень – обретение независимости от родителей, а эту науку нельзя усвоить, не узнав в юные годы, чем живет компания ваших сверстников. Те, кому не довелось приобрести подобный опыт, обычно крепко цепляются за родителей. Но даже вступив в брак, они обращают в "родителя" мужа или жену и "прилипают" к нему, вместо того, чтобы завести круг друзей своего же пола, откуда можно черпать поддержку.

Джон. Так, ясно, что Вы имеете в виду, говоря "ступени развития". Ясно, что каждая предполагает свою науку. Ну а если пропустим ступеньку? На всю жизнь обеспечены проблемой в соответствующих обстоятельствах?

Робин. Не обязательно. Если Вы пропустили ступень, можете позже догнать и позже усвоить урок. Научились же Вы общению и умению постоять за себя в школе. Так, рано потерявший отца будет искать ему замену в дяде, учителе, в руководителе молодежного клуба, в шефе на службе – в том, в ком увидит личный интерес к себе, подобие отеческого участия. А юноша, чьи родители с малолетства "привязывали" его к себе и препятствовали его общению с другими – неподходящими, якобы, детьми, может наверстать упущенное в общении, когда начнет работать или пойдет учиться.

Джон. На этой, более поздней ступени, поддержка группы сверстников поможет ему в обретении независимости.

Робин. Именно. Значит, Вам ясно: пропусти мы ступень, всегда "подтянемся" позже, обретем опыт, близкий тому, какой не усвоили вовремя.

Джон. Но люди не планируют это "приобретение" нет?

Робин. Нет, разумеется. Люди обычно не обдумывают и не планируют пережить то-то и то-то, особенно молодые. Но им случается попадать в определенную ситуацию, ведь они стремятся ее испытать, они ощущают потребность в ее переживании так же, как все мы ощущаем потребность в пище, когда голодны. И, обнаружив "замену" опыту, они извлекут из нее пользы больше иных. Я хорошо помню, как одиннадцатилетним мальчиком сознательно и настойчиво стремился сойтись со сверстниками, сменив школу, потому что в прежней мне это не удавалось.

Джон. А еще какие ступени Вы, по-Вашему, пропустили?

Робин. Ну, прежде всего мой отец никогда не был со мной достаточно тверд, потому что он плохо ладил со *своим* отцом, когда сам был мальчишкой. Откуда передо мной встала проблема "власти". Но позже мне помогла разделаться с ней – и дисциплинировала – служба в воздушных силах во время войны.

Джон. А мой отец был прямо-таки слишком добрым со мной, я даже не знал, что такое жесткость, сердитый голос и, когда позже случилось узнать, то я по-настоящему испугался.

Робин. Считаете, усвоили урок позже?

Джон. Только отчасти. Смешно, но меня, наверное, "выдрессировала" подготовка передач на телевидении, просто потому, что если не подготовите в срок, экран не загорится. А фильмы в помощь обучающимся менеджменту меня "перевернули"... Например, фильм, посвященный такому моменту, как принятие решения, заставил пересмотреть представление о власти. Но все это слабые заменители реального опыта. Впрочем, кое-чему я все-таки научился, ведь уже могу, стоит только захотеть, продемонстрировать жесткость и рассердиться на дочь... чтобы она своевременно набралась опыта и впредь не боялась. Она же урок усвоила и не впадает, как я, в панику от раздраженного тона. Наверное, поэтому она тверже характером, чем я был в ее возрасте.

Робин. Жалеете, что не прошли воинской службы?

Джон. Да, в общем, но скорее потому, что теперь-то мне нечего опасаться... А Вы, наверное, "прописали" бы мне недельку-другую отслужить в десантниках?

Робин. Никогда не поздно, мой мальчик, попробовать чего-нибудь взамен необретенного опыта.

Джон. Да, пускай и так, но ответьте мне: почему, если мы стремимся обрести недостающий опыт и, усвоив пропущенный урок, догнать остальных, почему же у некоторых из нас действительно бывают проблемы?

"Спрятанная" ступень

Робин. Пропусти мы ступень, у нас есть возможность усвоить "науку", найдя замену непережитому опыту – так?

Джон. Так.

Робин. Кое-что может и помешать – мы не наверстаем упущенное. Не наверстаем, если *притворимся, что ступень не пропускали,* то есть скроем факт, что в некотором смысле еще не повзрослели.

Джон. Скроем, потому что будем стесняться нашей незрелости?

Робин. Да. Взрослея, будем испытывать неловкость, что пропустили какую-то раннюю ступень. И чем будем старше, тем больше стыд – обнаружить, что с чем-то важным не справились, ведь если это откроется, мы даже в собственных глазах – несмышленыш-ребенок.

Джон. Значит, обманем других...

Робин. Сначала – других, потом привыкнем и кончим тем, что станем скрывать факт *от самих себя.*

Джон. Вы хотите сказать, даже не заметим, как обзавелись проблемой?

Робин. Именно. А раз человек не признается себе, что чего-то важного не пережил, он и *не стремится* компенсировать упущенное. Решает же проблему компенсаторный опыт.

Джон. Да, но мне непонятно, почему, скрывая факт от других, мы в результате "засекретим" его для себя.

Робин. Мы стыдимся чувства – верно?

Джон. Да.

Робин. Уж лучше бы от него отделаться! Хорошо, мы замечаем что-то вокруг нас или не замечаем – как захотим. *Так же* и с тем, что внутри нас, с мыслями, чувствами. Не хотим замечать каких-то мыслей и чувств, вот и учимся "отводить взгляд" от них. Раз за разом вырабатывается привычка, и мы уже инстинктивно "отворачиваемся" от какой-то эмоции. Американский психиатр Харри Стак Салливан назвал это "выборочным невниманием".

Джон. Значит, если мы не обращаем внимания на какую-то эмоцию...

Робин. ...то скоро *вообще* про нее забудем, так сказать, отгородим "ширмой" эту эмоцию в сознании, спрячем ее.

Джон. Стыдно из-за нее, стыдно быть слабым?

Робин. Да. А к тому же – плохим.

Джон. В каком смысле? Вы о морали?

Робин. В конечном счете все сводится к морали, но главное – очень неприятно, мучительно ощущать себя отвергнутым, нелюбимым из-за этой злополучной эмоции.

Джон. Эта эмоция, значит, делает человека "плохим" уже в его собственных глазах, и он ее прячет.

Робин. Именно.

Джон. Давайте возьмем какую-то определенную эмоцию, гнев, например. Как ребенок учится его прятать?

Робин. В нормальной здоровой семье каждый временами бывает сердит, что не считается за ужасное преступление. Ребенку позволят немного позлиться, и родители не станут всякий раз устраивать из-за этого разбирательство. Ребенок усвоит, что гнев – естественная эмоция, что она допустима и не ведет к карательным мерам со стороны родителей. Если в семье именно так – без лишней строгости – принимают гнев, ребенок, не опасаясь, научится выражать эту эмоцию и при поддержке старших – справляться с ней соответственно социальным нормам поведения.

Джон. Ну, а каким образом случается сбой?

Робин. Есть *два* объяснения. Первое – традиционное, предлагаемое Фрейдом и ранними психоаналитиками. Они считают, что эмоция "прячется" – вытесняется – в результате "травмы".

Джон. То есть какого-то отдельного, но чрезвычайно болезненного события.

Робин. Верно. Например, начинающий ходить малыш переживает чрезвычайный испуг, связанный с гневом: он разбушевался, а мать, не дожидаясь "финала" сцены, исчезает из дома, ей надо в больницу. Он слишком мал и не понимает, что одно с другим не связано; наоборот, может подумать, что мать оставила его, потому что он злился, потому что – "плохой". И дальше: вместо того, чтобы справиться с этой эмоцией, научиться ее контролировать, чувствуя себя под защитой и любимым в семье, даже когда он "злючка", теперь всякий раз пугается своего раздражения. Любое следующее переживание в его жизни усугубляет ситуацию, усиливает страх. Например, он подерется с мальчиком, который, неудачно упав, серьезно пострадает. Но наш бедняга опять будет винить только себя и еще больше будет пугаться гнева. В конце концов эта эмоция покажется ему настолько "плохой", что он попробует притвориться, будто ее не существует, он спрячет эмоцию от себя.

Джон. Так. Знаем фрейдистское толкование. Но еще я слышал, Вы говорили в связи с такой ситуацией: "Голливудская мелодрама".

Робин. И какая! Впрочем, теперь ясно, что "упрятывание" эмоций может происходить и не столь очевидным, не столь драматичным образом. Процесс может протекать мягче... если определенная эмоция смущает или же пугает родителей ребенка. Наш малыш, делающий первые шаги, постепенно усвоит, что гнев – это "плохо", потому что все в его *семье* стыдятся гнева.

Джон. То есть *вся* семья воспринимает гнев как "плохую" эмоцию?

Робин. Именно. Ребенок получает соответствующий урок снова и снова; он видит, как гнев расстраивает его родителей, видит, что они просто не способны справиться с эмоцией, а как только он сам попробует рассердиться, его или не замечают, или изолируют, или даже отчитывают. Очень скоро он, разозлившись, чувствует себя страшным "бякой". А поскольку все дети хотят, чтобы родители их любили, хотят в ответ любить и радовать родителей, то ребенок начинает прятать от них свой гнев.

Джон. У ребенка гнев соединяется со страхом быть отвергнутым родителями, а страшнее для него ничего нет.

Робин. Да, об этом я только что сказал: он чувствует себя страшно "плохим". Еще он чувствует, что *притворяется,* ведь он не может оставаться самим собой. Он ощущает отторгнутость от родителей, потому что его *не всего* принимают: он же притворился, будто гнева в нем нет. Притворяться – плохо, но еще хуже, если родители совсем его отвергнут, и он, вероятно, предпочтет притворяться и оставаться любимым, чем быть самим собой, но – отвергнутым.

Джон. И теперь в том случае, когда бы нормальный ребенок разозлился, "наш" сдержится.

Робин. Сдержится и скроет свое раздражение от родителей. Но затем он научится прятать эмоцию от самого себя, ведь только так можно чувствовать, что *любим.* Сердиться – очень "плохо", а он – он даже себе будет внушать: он ничего "плохого" не делает. Так и привыкнет не замечать свою злость, привыкнет прятать ее и придет к тому, что решит: нет такой эмоции.

Джон. Ладно, теперь мне понятно, как ребенок учится этому, но неужели вся семья может прятать *одну и ту же* эмоцию?

Робин. Да, семья склонна к подобному поведению. В каждой – одни эмоции считаются "хорошими", другие – "плохими". "Плохие" прячутся, и вся семья по молчаливому, но нерушимому соглашению намеренно не принимает их во внимание. Все в семье притворяются, что такого просто не существует. И появляющийся в семье очередной ребенок усваивает "семейный" – выборочный – взгляд на вещи. Привычка прятать эмоции передается как корь, ее маленький человечек "подхватывает" нечаянно... не зная об этом.

Джон. Хорошо, мне давно уже ясно, как дети следуют семейной модели поведения. Не пойму, как возникает эта самая модель. Почему *родители* прячут одно и то же? Они-то не из одной семьи!

Робин. Да, верно. Но Вы помните, о чем я говорил? Людей тянет друг к другу, потому что они пропустили одну и ту же ступень развития.

Джон. Ага, так я и думал, что последние рассуждения должны объяснить этот "закон тяготения".

Робин. Угадали... Вот Вам и причина, почему оба супруга будут склонны прятать одно и то же. Впрочем, есть кое-какие детали, без которых все равно не решить головоломку, но я Вам о них скажу чуть позже. А пока оставим это.

Джон. Вряд ли бы Вы убедили сэра Робина Дея*.

Робин. Согласен. К счастью для меня, у него своих дел полно.

Джон. Благодарствую... Ну, ладно, если родителям некуда деться и они действительно *склонятся* к тому, чтобы спрятать кое-что одинаково нужное обоим, мне ясно, почему их дети усвоят этот прием. А в результате что тоже ясно семья в полном составе спрятала с глаз подальше... нечто и обзавелась семейным "бельмом".

Робин. Или "бельмами". Возможно, что спрятанной окажется не одна эмоция...

Джон. И у разных семей разные... "бельма в семейном глазу"?

Робин. Да. Каждая семья прячет разные эмоции или разные пучки эмоций.

Джон. А как психотерапевт узнает, какие эмоции семья спрятала? Как Вы различаете " бельмо"?

Робин. Семья выдает себя тем, что *все* в ней *отрицают* ту эмоцию, которую спрятали. Если они говорят: "В нашей семье не ревнуют", так и знайте, ревность проблема этой семьи, и тут она *табуирована.*

Джон. Все так просто?

Робин. Ну, это главная "улика". Но найдется и много других. Психотерапевт вскоре отметит, что семья обходит молчанием свое "бельмо", меняет тему разговора, приближаясь к запрету, в общем, не замечает у себя дефекта. И самое удивительное, что это "бельмо", или табу передается из поколения в поколение.

Джон. И никто об этом не знает?

Робин. Нет. *Нельзя* же помнить, что позабыто.

Джон. А откуда Вам известно, что "бельмо" передается из поколения в поколение?

Робин. Психотерапевт постоянно на него натыкается, изучая семейную историю пациентов, когда хочет представить себе "групповой портрет" их семей. Или при работе с несколькими поколениями одной семьи... Да и в собственной семье она отыщется, если присмотреться внимательнее... Специальные исследования подтверждают мой вывод.

Джон. Прекрасно. Дайте-ка я проверю себя. Значит, по мере взросления мы преодолеваем разные ступени развития и усваиваем урок каждой. Главное научиться справляться с эмоциями. Мы учимся, к примеру, "обхождению" с теми чувствами, которые у нас вызывают "фигуры власти" или противоположный пол, постигаем чувство независимости от родителей.

Впрочем, можем и пропустить ступень. В таком случае позже догоним остальных, найдя замену непережитому опыту. И вновь будем двигаться, так сказать, по расписанию.

Но возможна и заминка. Пропусти мы ступень и не восполни; упущенный опыт, эмоции, с которыми не научились справляться, посчитаем для себя "неудобными". Начнем с того, что попробуем скрыть их от окружающих, а кончим – запрятав подальше с собственных глаз. И притворимся, что их нет вообще.

В основном по двум причинам человек не учится справляться с чувствами и будет вынужден прятать их. Во-первых, если перенесет травму, то есть переживет какое-то отдельное драматическое и очень болезненное событие. Во-вторых, что случается чаще всего, мы постепенно "отказываемся" от определенной эмоции и прячем ее с глаз подальше, если она табуирована в нашей семье.

---

* Известный английский теле- и радиожурналист.

Каждая семья относит некоторые эмоции к "плохим" и прячет их. Ребенок следует семейным "правилам", потому что боится быть отвергнутым родителями, если обнаружит запрещенные эмоции... ведь "плохого" делать нельзя. Таким образом модель становится наследственной.

Робин. И передается из поколения в поколение, не забывайте. Если в детстве человек не научился справляться с какой-то эмоцией, он не сумеет, повзрослев, помочь в этом собственным детям.

Джон. Так. Ну и что плохого – парочку табу наложить?

Робин. О чем Вы?

Джон. Что плохого, если плохую эмоцию, с которой человек не научился справляться, от которой ему каждый раз плохо, он возьмет и тихонечко сунет в темный угол, за "ширму". Избавиться, наконец, от нее!

Робин. Вот Вы о чем. "Ширма" подводит, и эта игра "в прятки" больше проблем порождает, чем решает.

Негодная "ширма"

Джон. Как же "ширма" подводит?

Робин. Ну, во-первых, иногда валится и выставляет спрятанные чувства на обозрение. Во-вторых, с ней не так, что поставил и из головы вон – надо ее держать, тратить энергию. А в-третьих, просто невозможно отсечь какой-то "кусок" индивидуальности, не нарушив равновесие всей системы... равновесие человеческого организма.

Джон. Я не поспеваю за Вами, доктор. Давайте по порядку. "Ширма" валится, говорите...

Робин. Да, если человек переутомлен, или болен или же выпил лишнего. Тогда эмоция может выскользнуть. А раз мы потеряли с ней связь, то она застанет нас врасплох, и справиться с ней будет нелегко. Мы вдруг ляпнем или выкинем что-нибудь вроде бы не из нашего "репертуара".

Джон. Да уж, никогда не забуду один случай со мной в Вашей группе. Будто кто-то чужой заговорил – я был потрясен, когда понял, что это *я*! Чуть со стыда не умер, ведь "выступление" абсолютно не вязалось с образом человека, который ни за что не сфальшивит, а я себя таким представлял.

Робин. Я как раз **о** том и толкую. Обычно спрятанное за "ширмой", конечно же, кажется "не вашим". Но случается, эмоция вдруг прорвется из-за пустяка. Копилось что-то за "ширмой", и вдруг – бах! Случай пустячный, скорее смешит, а нам стыдно, и тем больше причин засунуть то, что обнаружили, обратно. Эмоция может прорваться и замаскированной. Если мы кого-то не терпим, но "спрятали" свою антипатию, мы забудем имя человека, его день рождения или же допустим "случайную" бестактность в его адрес. Можем вообразить, что с ним произошло несчастье. Впрочем, *такая фантазия* иногда выдает и беспокойство о нем.

Джон. Беспокойство?..

Робин. Да. Если жена возмущена, что муж опаздывает на обед и не звонит, она может нафантазировать – таким образом маскируя свое естественное раздражение, что муж попал в

автомобильную катастрофу. Причем представит, как к месту события мчится, оглушая сиреной, "скорая". Ее желание, чтобы "скорая" прибыла вовремя,– уже свидетельство добрых чувств к мужу... Подавленная эмоция способна прорваться во всех этих формах, потому что мы утратили связь с ней. "Отбившись от рук", она готова напасть на нас "из-за угла".

Джон. Хорошо, дальше Вы говорили: держать "ширму", чтобы не повалилась, стоит нам сил.

Робин. Да, ведь и спрятав эмоции – гнев, ревность, страх... что угодно – мы все равно опасаемся, что они обнаружатся, если не будем настороже. Поэтому мы какой-то частью мобилизованы вести наблюдение за невидимым противником. Даже не отдавая себе отчета, никогда не расслабляемся полностью, отсюда напряжение и усталость. Эмоции вечно в засаде – там, за "ширмой", а усилие, которое требуется на то, чтобы убрать их с глаз долой, из сердца вон, "награждается" разного рода психосоматическими нарушениями: головными болями, болями в желудке и несварением, повышенным кровяным давлением, разнообразными ревматическими болями и так далее.

Джон. Да-да, я впервые обратился к психотерапии как раз потому, что мой врач просто не мог найти "соматического" объяснения моему вяло выраженному, но неотвязному гриппу и еще потому, что я не понимал, откуда мое чудовищное напряжение.

Робин. И что же дала психотерапия – помните?

Джон. Я почти моментально вышел из гриппозного состояния, оно больше не возвращалось. Напряжение снижалось постепенно, и чрезвычайно медленно, наверное, года три я приходил в норму. Это потрясающе – поговорите с физиотерапевтом, с массажистом и узнаете: сколько же людей заблуждаются, считая "нормальным" крайне высокий уровень напряжения!

Робин. Для семей, как я сказал, обычное дело – много чего "засунуть за ширму"...

Джон. Так. Ну, а что Вы говорили про третью причину, из-за которой "ширма" подводит? Что-то про нарушение равновесия человеческой личности...

Робин. Да, ведь все наши эмоции нам полезны.

Джон. Все?

Робин. Именно, даже те, которые мы обычно считаем отрицательными,– конечно, *при условии,* что мы способны их контролировать. Поэтому у здоровой личности все эмоции уравновешивают одна другую. Но спрячь мы какую-то за "ширму" – равновесие нарушается. Иными словами, спрятанная эмоция *недоступна* для нас в случае *необходимости.*

Джон. Ну, я способен допустить такое, но все же мне трудно вообразить, как гнев, зависть, жестокость и прочие эмоции из "злодейского" набора могут оказаться полезными.

Робин. Если они за "ширмой", то от них нам пользы нет. В этом случае мы потеряли связь с ними, так и не научившись с ними справляться. Поэтому, прорываясь, они будут неконтролируемыми и разрушительными. Но если мы их *не прятали,* если держим в *сознании* и миримся с ними, то способны распоряжаться ими в какой-то мере.

Джон. Ну, ладно, теперь они не разрушительны для нас, но почему же полезны? К примеру, гнев...

Робин. Вы воспользуетесь им, чтобы постоять за себя, если кто-то вас притесняет, хочет взять над вами верх. Без этой эмоции Вы не сможете защищаться в случае необходимости. А спрятавший эмоцию за "ширму" будет казаться пассивным, робким, им будут помыкать, потому что его гнев ему *недоступен.* Такой человек не сможет постоять за себя.

Джон. Он слишком хорош, и потому ему самому хуже некуда?

Робин. А к тому же – слишком хорош, чтобы быть самим собой. Люди ему не доверяют, чувствуют, что гнев у него где-то поблизости. Верно – за "ширмой" спрятан.

Джон. Ну, ладно. А какая польза от зависти?

Робин. Она тоже в порядке вещей, если мы знаем о ней, можем ее контролировать, если она уравновешена другими эмоциями. Она сослужит нам службу – пригодится, когда хотим превзойти кого-то в работе, победить в игре, когда стремимся подражать какому-то своему кумиру.

Джон. Точно. Я завидую белой завистью Тому Стоппарду, Майклу Фрейну, Алану Эйкборну* – в том смысле, что хочу когда-нибудь попасть с ними "в струю". Но ведь зависть легко "чернеет": сел человек и давай возмущаться чужими успехами...

Робин. Зависть "чернеет", если мы чего-то страшно хотим, но пропасть между нашими возможностями и возможностями других слишком велика, так что нет никакой надежды ее преодолеть и завладеть желаемым.

Джон. Именно по этой причине я не выношу мать Терезу. Всякого, кто святее нас чуть не всех вместе взятых, надо бы осадить, чтобы не залетал так высоко. Пускай бы фельетонисты взялись...

Робин. Впустую потратят время.

Джон. Думаете, такого не остановить? Да, волей-неволей о жестокости пора вспомнить. Так что – и жестокость полезна?

Робин. Иногда необходимо "шлепнуть" кого-то для его же пользы. Даже того, кого больше всех любим. Может быть, его в особенности. К примеру, родители должны учить детей постепенно становиться независимыми от их родительской опеки. Но ребенок всегда этому мало радуется, потому что вначале свобода "на вкус" вещь опасная, пугает. Впрочем, если родители действуют правильно, с правильной жесткостью, ребенок у них, перетерпев огорчение, научится постепенно преодолевать страх и обретет уверенность.

Джон. Иными словами, их "бессердечие" от доброты сердца...

Робин. А спрячь они жесткость, они бы не справились с задачей и их ребенок никогда бы не обрел независимости. Ну, а хирург, который должен резать "по живому"? При излишней чувствительности он не смог бы. Как психиатр я иногда вынужден вызвать у человека мучительное переживание, чтобы он осознал свои проблемы и сумел разрешить их, анестезии же я предложить не вправе. Прежде мне это давалось куда труднее, чем сейчас: неприятно было, что люди считали жестоким, неприятно было чувствовать себя жестоким.

Джон. Вы хотите сказать, что в какой-то степени жестокость за "ширмой", но "выпустив" ее оттуда, смогли успешнее помогать людям как психотерапевт?

Робин. Да, наверное, так. Если пациенту действительно необходимо осознать что-то мучительное, теперь я не уклоняюсь и подталкиваю его. Разумеется, жестокость жестокости рознь, и если за ней стоит желание истязать, этому оправдания нет.

Джон. Ну, а как с тревогой?

Робин. *Жизненно* необходима!

Джон. Да ну?

Робин. А Вы сядьте в машину, которую ведет лихач,– разберетесь!

---

* Известные современные английские драматурги, по одной-двум пьесам знакомые русскоязычному читателю и зрителю.

Джон. Убедили. Значит, все наши эмоции полезны, если мы осознаем их и "ладим" с ними, ведь тогда мы сможем ими управлять. Но если мы прячем их за "ширму", они, во-первых, будут недоступны, когда понадобятся, а во-вторых, подведи "ширма", прорвись они – нам же и повредят, ведь мы их не одолеем.

Робин. Примерно так.

Джон. Вы говорите, в каждом – эмоций полный "набор"?

Робин. Да, я думаю, человеческая природа везде, в общем, одинакова, то есть люди "сложены" из одного "ассортимента" эмоций, так же, как у *всех* – один химический состав организма. У всех "водятся" любовь, ревность, смелость, грусть, решительность, радость, малодушие, доброта, жестокость, сексуальность, робость и так далее и тому подобное.

Джон. И у *всех* у нас кое-что спрятано за "ширмой".

Робин. Да. Но тут надо разбираться конкретно. Разные люди прячут "связку" разных эмоций.

Джон. И Вы думаете, наша индивидуальность в каждом случае – результат игры в прятки с определенными эмоциями?

Робин. Именно. Тот, кто отказался от любви, будет недружелюбен. Не следует доверять тому, кто "спрятал" раздражение. Без смелости мы робки, без зависти не способны состязаться. Лишившись сексуальности, "зашнуруемся". Не умея грустить, сойдем за чуть тронутых. Без тревоги мы очень опасны!

Джон. Последний вопрос. Совпадает ли Ваше "упрятывание" эмоций с "вытеснением" Фрейда, то есть за "ширмой" – бессознательное?

Робин. Приблизительно так. У нас одни и те же идеи сформулированы по-разному.

Джон. Да?..

Робин. Я пытаюсь увязать выводы Фрейда, других аналитиков и психологов со многими новейшими исследованиями в области семейной психотерапии и поведенческой коррекции. Выводы из этих последних исследований еще не "отшлифованы", но смысл их сводится к тому, что удерживание какой-то части нас самих "вне" сознания – *активнейший* процесс, что его начало – в намеренном *упрятывании* определенных эмоций от наших близких, а уже потом – от самих себя, при этом эмоции остаются все равно "за углом", угрожая одолеть нас в любую минуту.

Джон. А значит, "ширма" – вытеснение – подводит.

Притяжение...

Робин. Наверное, мы уже "зарядились" разными идеями и пора возвращаться к исходному вопросу: как получается, что двое, потянувшиеся к супружеству, имеют похожую семейную историю, то есть, вероятно, пропустили ту же самую ступень развития.

Джон. Но ведь если они оба пропустили ту же ступень, у обоих проблемы с теми же эмоциями – верно? С эмоциями, которые они не научились контролировать на пропущенной ступени.

Робин. Да. И если у обоих трудности с теми же эмоциями...

Джон. ...оба то же самое спрячут за "ширму".

Робин. Эврика! Потому-то они и тянутся друг к другу. Ведь у них одно и то же за "ширмой" и на "витрине".

Джон. А на "витрине"... человеческая природа минус то, от чего отгородились, Вы хотите сказать?

Робин. Именно. Посмотрели друг на друга и... готова пара! Они созданы друг для друга! Удивительно, как же много у них общего. И действительно у них *есть* общее. Они "перегорожены" так, что подходят друг другу идеально! Идеальная пара!

Джон. Постойте. Их привлекает не "спрятанное" – так ведь? Это бы их отталкивало, это – ненужный "хлам".

Робин. Да, Вы правы. Их привлекает *"витрина".* Но на "витрину" вынесено то, что не спрятано в *заднем* помещении.

Джон. Ясно. Их притягивает то, что они выставили на обозрение.

Робин. Да, тут они видят все качества, эмоции, которые их семьи поощряли в них с малых лет, которыми полагалось любоваться. И больше того, в партнере, на взгляд каждого, *нет* эмоций, которые прятались в их семьях и спрятаны у них самих. Самое же замечательное – партнер тоже совершенно не одобряет подобные эмоции!

Джон. Ну, что касается спрятанного... Они же научены своими семьями *не замечать* того, что за "ширмой". Поэтому и не видят недостатки друг друга.

Робин. Да, верно. Но надо кое-что добавить. Обычно людей отчасти завораживают – интересуют и ужасают – все эмоции, спрятанные от глаз. Если это жестокость, их тянет перечитать сообщение в газете о пытках, хотя они чувствуют, что поступают "дурно", беря в руки газету, да еще скрывая от партнера свое любопытство к подобной теме. Если за "ширму" сунули неуемную сексуальность, будут упиваться соответствующими репортажами в "Ньюз оф зе Уорлд". А потом между собой согласятся: отвратительная газетенка – публикует такую мерзость! Забудьте в данном случае о логике, тут речь не о мыслительном процессе, а об эмоциях, эмоции же – вещь противоречивая.

Джон. Вы хотите сказать, что если им на мгновение откроется спрятанное у партнера за "ширмой", это только *добавит* силы чарам?

Робин. Да, но лишь *намек* на скрытые эмоции приятно возбуждает, щекочет нервы. Открывшиеся полностью запретные эмоции неминуемо оттолкнут. Есть разница между "каплей" дурного запаха и волной вони. Впрочем, разобраться во всем этом трудно из-за "раздвоенности" человека, желающего, чтобы его правая рука не знала, что делает левая.

Джон. Однако же... почему в "дуновении" от табу такой соблазн?

Робин. Ну, все мы хотим быть любимыми в семье и стремимся не обнаруживать чувств, неприятных для близких, но мы также страстно жаждем оставаться целостными – с полным "набором" эмоций. И когда мы, "нащупав" их, тянемся к запрещенным, запрятанным сторонам партнера, мы где-то "на глубине" надеемся вернуть утраченное в себе самих.

Джон. Поэзия потеряла – психиатрия приобрела... Вас, Робин. Хорошо, вот перед нами молодая любящая пара, они пылко восторгаются выставленным у каждого на "витрину", великодушно закрывают глаза на припрятанное и приходят в легкое возбуждение, когда повеет тем, что за "ширмой". Почему эта идиллия не навсегда?

Робин. Потому что мы "ширму" не удержим. Ну, на вечер, на неделю сил хватит, но когда заживем под одной крышей, спрятанное обнаружится. Постепенно наш партнер предстанет совершенно не тем человеком, с которым вступали в брак.

Джон. Значит, доктор, наше *счастье,* что влюбляемся в того, кто спрятал то же, что и мы? Или лучше нам всем родиться триста лет назад, и пускай родители решают за нас, с кем нам... сочетаться?

Робин. Да, удача, что у обоих партнеров одинаковые слабости... и не по их вине. Они *могут* с большим пониманием отнестись друг к другу.

Джон. Поэтому-то любимые кажутся "созданными" для нас? Поэтому – хотя перед ними и беззащитны – мы все равно им доверяем?

Робин. Да, нам кажется, они нас понимают, понимают наши слабости и *все равно* нас принимают. Они – чего мы боимся – не жаждут пригвоздить нас к позорному столбу, если обнаруживаются наши "потаенные" чувства. Чутье подсказывает, что человек нас поймет, поможет нам, возможно, сделает нас "целостнее".

Джон. Хорошо, если так... Но – и вот же она, загвоздка – как мы способны помочь и повести друг друга, если у каждого... "родимое бельмо" *на том же* месте?

Робин. Вопрос на засыпку! Тут парадокс: Ваш партнер *именно* тот человек, с которым Вы быстрее всего подрастете, но *также* тот самый, с которым, всего вероятнее, зайдете в тупик. К тому же как раз его вы, возможно, возненавидите, как никого на свете.

Джон. Ну, а теперь, ученейший из мужей, еще вопрос: за правильный ответ на такой американцы в своей чудо-викторине 64 тысячи долларов платят. От чего зависит, как дело пойдет?

Робин. Все зависит от того, *насколько* супружеская пара согласна допустить спрятанное у каждого за "ширмой", *насколько* готова заглянуть за "ширму". Чем больше у них желания и смелости принять неприятный факт, что они далеки от воображаемых "автопортретов", тем больше вероятность, что с проблемами – если возникнут – они успешно справятся.

Джон. Почему Вы говорите о проблемах "если возникнут"?

Робин. Потому что существует брак "среднего" образца, вполне устойчивый, хотя не слишком волнующий, когда партнеры способны притереться друг к другу, не имея нужды заглядывать к каждому за "ширму".

Образцы брака

Джон. Давайте теперь поговорим о том, какие браки бывают. Зависит ли, по-Вашему, счастье двоих в браке от *количества* "припрятанного" партнерами?

Робин. Да. Но важно и их отношение к "припрятанному", а не только его размеры.

Джон. И как бы Вы определили самый счастливый брак?

Робин. Это тот брак, когда оба партнера максимально терпимы к спрятанному друг у друга за "ширмой" и готовы заглянуть за "ширму", неизбежно пережив временное разочарование. В результате они – свободнее, в их жизни меньше ограничений, больше удовольствий, они не погрязнут в привычках и смогут расти, развиваться как личности.

Джон. А что на другом полюсе?

Робин. Самый несчастливый брак – это тот, когда у обоих партнеров много чего свалено за "ширму", но они категорически отказываются допустить, что с ними что-то не так,

они обижаются на незначительнейшее замечание, на безобиднейшую критику своих недостатков.

Джон. А значит – постоянный конфликт?

Робин. Они живут как кошка с собакой... в вечной драке.

Джон. Ну, а между этими полюсами?

Робин. В браке "среднего" образца, как мы его называем, партнеры вполне счастливы, их отношения ровны. Но они не особенно стремятся заглядывать за "ширму". Скорее удерживают друг друга от подобных попыток. Такой брак устойчив, но цена устойчивости – обыденность брака. Взгляд партнеров, в общем-то, ограничен. Можно даже сказать, что они слишком оберегают друг друга от критики, которая пошла бы им на пользу, избавила бы брак от рутины.

Джон. А нельзя ли узнать подробнее обо всем?

Робин. Почему же – давайте посмотрим на типичный брак каждого образца. Вам что получше или что похуже сначала?

Джон. Начнем с того, что похуже.

Кто боится Вирджинии Вульф

Робин. Чтобы Вы представили наихудший образец брака, я предлагаю Вам прочесть отрывок из пьесы Эдварда Олби "Кто боится Вирджинии Вульф"* Джордж и Марта – средних лет супруги, сцепившиеся, как обычно в словесной схватке.

Марта. У-у... от тебя тянет блевать!

Джордж. Не слишком прилично так говорить, Марта.

Марта. Что... не слишком прилично?

Джордж. Так говорить.

Марта. Люблю, когда ты злишься. Больше всего, кажется, я люблю в тебе... твою злость. Ты же... ты же слюнтяй! У тебя же эта... как ее... тонка...

Джордж. ...кишка?

Марта. Фразер! Положи мне еще льда в стакан. Никогда не кладешь мне льда. Почему это, а?

Джордж. Всегда кладу тебе лед. Просто ты его сразу сгрызаешь. У

тебя такая привычка... грызть... Как коккер-спаниель грызешь.

Сломаешь себе свои зубищи.

Марта. Зубищи... они у меня свои...

Джордж. Некоторые, да... некоторые свои.

Марта. У меня своих зубов больше, чем у тебя.

Джордж. Больше на два.

Марта. На два - значит, намного больше.

* Пьеса (1962) американского драматурга Эдварда Олби (р. 1928).

Джордж. Пожалуй. И, пожалуй, есть чему удивляться... учитывая твой возраст.

Марта. Прекрати сейчас же! Сам не молоденький.

Джордж. Я на шесть лет моложе тебя. Всегда был моложе и буду.

Марта. А ведь ты... ты лысеешь.

Джордж. И ты тоже.

Пауза... Оба смеются.

Эй, лапуля!

Марта. Эй! Поди ко мне, подари своей мамочке крепкий сочный поцелуй.

Джордж. Ты что? Сейчас?

Марта. Хочу крепкий сочный поцелуй!

Джордж. *А я не хочу* с тобой целоваться, Марта. Куда они девались? Куда пропали твои гости?

Марта. С папой остались поговорить... Появятся... Это почему ж ты не хочешь поцеловать меня?

Джордж. Ну, дорогая, я поцелую тебя и приду в возбуждение... я потеряю контроль над собой и возьму тебя силой прямо здесь, в гостиной, на ковре. Конечно же, тогда появятся наши долгожданные гости и... сама подумай, что твой отец скажет об этом.

Марта. Свинья!

Джордж. Хрю-хрю!

Марта. Ха-ха-ха! Налей мне еще... любовь моя.

Джордж. Господи! Неужели ты способна столько в себя влить!

Марта. *(Голоском маленькой девочки).* Пить хацю.

Джордж. Черт побери!

Марта. Слушай, дорогой, ты у меня под стол свалишься, а я буду ни в одном глазу... так что обо мне не беспокойся.

Джордж. Я тебя, Марта, давно оценил... Нет такой премии за мерзость, которую бы ты не...

Марта. Честное слово! Существуй ты на самом деле, я бы с тобой разделалась!

Джордж. Ну, ты только на ногах держись... Люди же – твои гости... сама понимаешь...

Марта. Я просто тебя не вижу... Я тебя уже много лет не вижу...

Джордж. ...если свалишься, или тебя начнет рвать, или...

Марта. ...я хочу сказать, ты пустое место, ничтожество...

Джордж. ...и прошу тебя, не заголяйся. Нет отвратительнее зрелища, чем когда ты напьешься и задерешь юбку на голову...

Марта. ...ты ноль без палочки...

Джордж. ...хотя правильнее сказать... на *головы..."*

Джон. На минуту перемирие, "капелька" любви, когда можно вместе посмеяться, а так одно желание: стереть друг друга в порошок. Верно?

Робин. Да. Это не просто первоклассная пьеса, это фактически хрестоматийный пример по нашей теме.

Джон. И часто Вы сталкиваетесь с "губительным" браком наподобие описанного?

Робин. Часто. Иногда бывают "образчики" похуже, хотя чувства – "запрятаннее", а нападки – замаскированнее, впрочем, не менее злые.

Джон. И что же такое, по-Вашему, эта пара?

Робин. Ну, оба, и Джордж, и Марта ужасно ранимы. Каждый, почти как ребенок, жаждет любви. Но они "спрятали" это желание. Они категорически отрицают его, теперь они совершенно не осознают его, они прикрыли его замысловатым фасадом.

Джон. Причем очень хрупким... А не потому ли прикрыли, что "ребенок" в них никогда не получал своей доли любви?

Робин. Именно поэтому. В них живет "ребенок" – несостоявшийся, злой, обиженный. Злость копится, пока взбешенный "ребенок" не вырывается на волю, опрокинув "ширму". Вот они и проводят половину жизни в ребячьих ссорах друг с другом.

Джон. И это из-за того, что не сознают причину своей ярости? Не сознают, что не получают так необходимой им любви?

Робин. Да. А не получают любви, потому что категорически отрицают свою потребность в ней, и поэтому не способны попросить любви просто, открыто.

Джон. Марта, изощряясь, говорит: "Подари своей мамочке поцелуй!" А скажи она: "Поцелуй меня!" – почувствует, как уязвима?

Робин. Именно.

Джон. Так что же прежде всего притянуло их друг к другу?

Робин. Подобие выставленного на "витрину", того, что *перед* "ширмой". Они увидят друг в друге утонченных, интеллигентных, остроумных, "очень" взрослых, опытных, искушенных людей. И, кроме того, интуитивно постигнут, что скрывается за "ширмой" у каждого, подсмотрят, так сказать, за отчаявшимся, одичавшим "ребенком", который их ужаснет, но покажется странным образом притягательным и знакомым.

Джон. *Знакомым* – в буквальном смысле? Они помнят его по своей семейной истории?

Робин. Точно. Поэтому, как и научены своими семьями, они тут же отведут взгляд от ужасной тени, которая им представится демоном. Не заметят его. Но потом, пожив бок о бок, обнаружат, что демоны вырываются на волю все чаще, от них уже не отделаться. Поэтому, когда появляется демон, партнер ужасается и бросается в схватку с чудовищем.

Джон. Подождите, какой "демон"? Разве "демон"? Это же отчаянно несчастный, капризничающий ребенок!

Робин. Конечно, но он кажется партнеру демоном. Такой знакомый и ужасный для них обоих... потому что у обоих он связывается с их родителями, не нашедшими для Джорджа, для Марты любви. Вот откуда в *них самих,* в каждом, поселился злобный "ребенок".

Джон. Их родители – еще раньше – отказались от "ребенка" в себе. Так "бельмо" унаследовали Джордж и Марта.

Робин. Поэтому, когда кто-то из них двоих видит "демона", другой выпускает на него своего. И завязалась битва!

Джон. Но почти у всех случаются время от времени такие жуткие ссоры, верно? Значит, если все спрятали много чего за "ширму" эта сцена из "Вирджинии Вульф" "играется" во всех семьях?

Робин. В каком-то смысле – да. Может быть, в смягченной форме. Более замаскированной. Но что касается описанного типа семьи, то у нее слишком много за "ширмой", а *боязнь* "спрятанного" слишком *велика,* поэтому согласия ей не достичь. Партнеры совершенно не терпимы друг к другу, что замыкает порочный круг растущей между ними ненависти и злобы. Часто перепалки кончаются физической расправой. В большинстве случаев до убийства дело не доходит – иссякают силы, двое буквально вымотаны. Потом же, через какое-то время, напряжение накапливается, и сцена "играется" вновь.

Джон. Но если у них столько конфликтов, почему они не разводятся?

Робин. Непросто, наверное, понять, но такой паре трудно расстаться. Их отношения со стороны кажутся чудовищными. Но, несмотря на все наносимые друг другу увечья, в браке им в *каком-то смысле* лучше, чем порознь.

Джон. Не потому ли, что пока человек воюет с "демоном" партнера, можно не обращать внимание на своего собственного?

Робин. Именно. И он может рисовать себе свой облик красками посветлее. Более "ангельским", если хотите. Он вознагражден в этом браке еще кое-чем. Оправдываясь чудовищными "демоническими" выходками партнера, он позволит прорваться "спрятанному" у него за "ширмой" и не будет чувствовать себя виноватым. Каждый из двоих, конечно же, свалит вину на другого. Завопят: "Это ты первый начал!.. Ты первая!"

Джон. "Я только и сказал..."

Робин. Да. Или: "Я терплю, но всему есть предел..." Значит, каждый может верить, что уж у него-то (у нее-то) с этим "демоном" *никакого сходства.* Каждый поверит, что их собственный "демонизм"– всего лишь отпор партнеру, что *на самом деле* в них ничего "такого" не водится и *с кем-то другим* у них ничего подобного не происходило бы.

Джон. А раз они постоянно чувствуют себя обиженными партнером, то считают, что правы, не проявляя к партнеру любви.

Робин. Да, и остаются где были, ничуть не продвинувшись к тому, чтобы осознать, что же спрятали за "ширму".

Джон. Что случится, если они все-таки *расстанутся!* Или кто-то из двоих умрет?

Робин. Тогда человек в опасности, ведь он не сможет больше сваливать на партнера вину за свои ужасные эмоции, за своего "демона". Часто у такого человека сдает психика, иногда люди кончают самоубийством.

Джон. Я знал одну старую пару, они не разговаривали друг с другом целых десять лет. Жили в одном доме, но поделили его, перегородили даже вход. В конце концов, старая женщина покончила с собой. Через четыре дня старик сделал то же.

Робин. Да, потому-то такие браки прочны. Они могут неоднократно прерываться на короткое время, но двоим порознь так плохо, что они опять соединяются.

Джон. Подождите, вот еще что. Джордж и Марта в перерывах между схваткой прямо-таки сюсюкают друг с другом...

Робин. Я не сказал о смене настроений. Иногда отчаявшийся, пришедший в ярость "ребенок" неуправляем, и ему проще вырваться из-за "ширмы", в другие моменты он спокойнее, его легче держать "спрятанным". Поэтому временами из-за "ширмы" вырывается "демон", и ему навстречу спешит другой. Временами же "на дежурство" заступают "ангелы", то есть партнеры поворачиваются друг к другу "витриной". В последнем случае партнеры будут ощущать себя – да и со стороны покажутся – даже ближе и нежнее друг к другу, чем партнеры в "нормальном" браке, у которых все идет хорошо. Они решат и пообещают друг другу, что никогда больше не станут ссориться. И они *искренне* верят своим словам. Вчерашняя жестокая драка представляется им дурным сном. Они не понимают, почему такое произошло, и действительно верят, что больше это не повторится.

Джон. А проблема-то задвинута за "ширму" – вот в чем все дело. И раз она опять спрятана, двое не догадываются, что проблема существует, ведь им в эту минуту значительно легче дышится. Значит, брак по-настоящему не управляем – так? Потому что партнеры утратили связь с действительностью...

Робин. Да, так. Положительное здесь только то, что о таких партнерах можно сказать, вспомнив язвительную шутку о писателе Карлайле* и его жене: они, по крайней мере, соединились друг с другом и не сделали несчастными двух других людей. Впрочем, Вы, наверное, не забыли, подобный брак составляет лишь незначительный процент от всех возможных и является примером худшего из возможных.

Джон. И все равно мне приходят на память ссоры, в которых я не был сторонним наблюдателем. Очень похожие на описанную...

Робин. А кто же их не припомнит! Но Вы *способны* признать факт, значит, он для Вас не за "ширмой". Будь он спрятан, Вы бы *не увидели* ничего похожего на свой брак в нашем примере! И каждый, кто признает, что "играл" в подобной сцене, сразу же оказывается за много-много миль от "отрицательного" полюса брака. Раз проблема не упрятана за "ширму", такой человек уже на пути к ее разрешению, пускай пока еще и не справился с ней.

Джон. Хорошо, ну а как складываются отношения ближе к норме? То есть в браке "среднего" образца?

"Кукольный дом" и муж – подкаблучник

Робин. Разных семей "среднего" образца больше, чем семейств в растительном мире, поэтому давайте отберем одну-две для примера. Очень распространен "семейный" дом, который по драме Ибсена** получил название "кукольный дом". В этом браке за партнерами закреплены стереотипные мужская и женская роли. Он – большой, сильный мужчина, "законченный" взрослый, "завершенный" родитель, она – слабая, беспомощная маленькая женщина, инфантильная и несамостоятельная.

Джон. Да, вспомнил историю. Муж тяжело заболел, а жена спасла ему жизнь, увезя за границу...

Робин. И многим пожертвовала, чтобы собрать на поездку деньги. Но соль истории в том, что она должна была скрывать свои жертвы от мужа, потому что боялась: это его убьет.

* Карлайл, Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ.
** "Кукольный дом" (1879) – пьеса норвежского драматурга Генрика Ибсена (1828–1906).

Его мужская гордость будет смертельно ранена, узнай он, скольким обязан ей. Иными словами, узнай он, как в действительности *он* зависим от *нее.*

Джон. Значит, брак, называемый "кукольный дом",– это тот, где жена очевидным образом эмоционально зависима от мужа, муж от жены тоже зависим, о чем даже не подозревает. Причем оба партнера в своих отношениях руководствуются мнимой полной самостоятельностью мужа.

Робин. Совершенно верно. Ему внушали, что мужчина должен быть сильным и независимым. Мужчина никогда не плачет, с ним незачем нянчиться. Его вынудили повзрослеть слишком быстро. И поэтому ему пришлось скорее подавить в себе, чем *перерасти* детскую потребность в заботе. Отсюда в нем прячется неудовлетворенный "ребенок", хотя и не столь изголодавшийся по вниманию, как отчаявшийся злючка из брака, в котором "боятся Вирджинию Вульф".

Джон. Значит, у этого мужчины за "ширмой" – "ребенок", которому нужны любовь и внимание, но мужчина не допускает такой нужды и не может *попросить* того, в чем нуждается.

Робин. Да, но ему необходимо получить эмоциональную поддержку, пускай в замаскированном виде. Самый простой выход – заболеть, ведь за больным, даже если он "большой, сильный мужчина", ухаживают, вокруг него суетятся.

Джон. И вот вам внимание и любовь, хотя вы и не допускаете, что именно этого добивались!

Робин. Верно. А если вам требуется уход "по высшему разряду", вы можете "затеять" нервный срыв. Во всяком случае, "большой, сильный мужчина" получит необходимую заботу, но будет думать, что тревожатся из-за его болезни, но *не о нем.*

Джон. Будет верить, будто его тело одолела случайная хворь. Но *не поверит,* что его "подвел" дух... Он бы посчитал такое непростительной слабостью.

Робин. Совершенно верно.

Джон. Ну, а что жена в "кукольном доме"?

Робин. Она вышколена и знает, "из чего сделаны девочки... из конфет, и пирожных, и сластей всевозможных". Ей позволены непосредственность, нежность, чувствительность, слезы, ей разрешили, сколько захочет, "играть" с эмоциями, чтобы не тянулась к логической мысли. Но ей строго-настрого запретили напористость, самоуверенность, и пускай только посмеет превзойти мужчину, чтобы он почувствовал свою неполноценность!

Джон. И она уцепилась за детскость. Вместо "ребенка" она сунула за "ширму"... себя "зрелую".

Робин. Да, она спрятала свою сильную, деятельную, зрелую сторону.

Джон. И особенно, как мне кажется, любые намеки на решительность.

Робин. Да-да, конечно. А если и проявляет уверенность, силу, агрессивность, то всячески их маскируя. Достигая чего-то, должна притворяться, что *даже* не знает, *как* это получилось. Гнев на мужа может "обрушить" только в форме деструктивных фантазий.

Джон. Представит, что он попал в автомобильную катастрофу.

Робин. Да, что "размазан" по всему шоссе... Или примется пылесосить пол без пылинки у него под ногами, когда он хочет поскорее "уйти" в воскресную газету.

Джон. Или же начнет "зачитывать" жалобы на продавцов в магазине, на мать, погоду, детей, на неприемлемую форму земного шара, пока муж, наконец, не задумается: а не он ли причина причин всех этих безобразий.

Робин. Ну, это немного в сторону... Суть в том, что она не отдает себе отчета в своем раздражении и *не понимает,* что способна быть сильной, взять на себя ответственность. Она *такая* – за "ширмой".

Джон. Хорошо, что же их потянуло друг к другу?

Робин. Они обнаружили, что прекрасно друг другу подходят, как верный ключ к замку. Отличная пара, ведь она – как раз того сорта женщина, какую считали за достойный восхищения образец в его семье, а он – именно того типа мужчина, какой был одобрен в ее семье. Это они оба осознали. Вдобавок они нашли друг друга подходящими на бессознательном уровне, где "сделка" в действительности и заключается. Он доверил ей свою "ребячью" долю, она ему взамен – свою силу и взрослость.

Джон. Что значит – "он доверил ей свою "ребячью" долю"?

Робин. У каждого из них есть незрелая, детская сторона. Она может притвориться, что возьмет на себя *всю* эту детскость, то есть будет "ребенком" за двоих, он же – что взвалит на себя их *зрелость,* то есть решительность, опыт, настойчивость. И их семейный "механизм" будет неплохо работать: ведь спрятанное у каждого партнера за "ширмой" не будет их слишком тревожить, прорываясь в замаскированном виде. В паре двоим в каком-то смысле будет лучше, чем порознь.

Джон. Лишь в *каком-то* смысле?.. Что же им будет мешать?

Робин. Ну, она теперь несет, так сказать, двойную "нагрузку" детскости, он – полной ответственности, поэтому они могут *"зациклиться"* на расчете: "Я – Тарзан, ты – просто Джейн" с риском впасть в крайность. Ему будет все труднее даваться непосредственность, игра, все меньше ему будет отдыха, удовольствий, и где-то в глубине себя он ощутит неудовлетворенность, хотя не поймет ее причины.

Джон. А она все больше времени проводит в четырех стенах и уже с опаской воспринимает любой предстоящий выход из дома?

Робин. Да, она только варит варенье да строит замки на песке вместе с детьми. Часть ее жаждет более взрослых занятий, но в ней все меньше остается решимости даже попробовать.

Джон. Однако соглашение действует в известных пределах – несмотря на ограничения для обеих сторон.

Робин. Да, конечно, В конце концов, эта модель покорила весь Запад, Британскую империю создала. Она до сих пор функционирует в Далласе*

Джон. И при каких же обстоятельствах такой брак дает сбой?

Робин. Устав от своей роли "Тарзана" или "Джейн" – а эта усталость может ощущаться преимущественно на уровне подсознания – кто-то из партнеров попробует нарушить равномерный ход "механизма". Но в тот же момент другой яростно бросится его налаживать. А поскольку одному сломать махину не под силу, то модель "Тарзан – Джейн" опять покатила по наезженной колее.

Джон. А что же случается, если один из партнеров пробует нарушить равновесие?

---

* Город на юге Соединенных Штатов; юг считается средоточием патриархальных традиций и пережитков.

Робин. Ну, давайте сначала возьмем "большого, сильного" мужа – Тарзана. Предположим, на службе у него "напряженка", с которой он не справляется. Тогда его "ребенок" за "ширмой" станет капризничать, требовать к себе внимания, и чувство какой-то детской беспомощности, обычно спрятанное, начнет рваться наружу и беспокоить его. Он хандрит, избегает своих обязанностей, норовит опереться на жену. Но эта "игра" совсем не по сценарию "Я – Тарзан, а ты – просто Джейн", и жену охватывает страх.

Джон. Потому что, если она "подыграет", ей надо становиться ответственной, что означает – вытащить кое-что из-за "ширмы".

Робин. Да, но это нарушает их первоначальный договор. И крайне пугает обоих. Он чувствует себя "плохим", обнаружив свою потребность быть "слабым", она страшится принять на себя ответственность. И она пробует восстановить нарушенное равновесие, сопротивляется перемене.

Она может еще сильнее его захандрить или даже серьезнее его заболеть. Очень часто, несмотря на то, что у мужа обнаружилось стрессовое состояние и депрессия, к врачу отправляется жена. Врач, конечно же, удивляется, почему его пилюли не помогают...

Джон. А что муж?

Робин. Жена вынуждает его вернуться в роль "большого, сильного мужчины", становясь беспомощнее обычного. Он должен смотреть *за ней.* И этим тонким маневром, даже не осознавая, что делает, она поддерживает его на ходу. Он *должен* быть "сильным", чтобы позаботиться *о ней*! Солдат, как ни измучен, а тащит раненого товарища и преодолевает рубеж, на котором сдался бы, будь он один. А может, это и не он, может, его самого кто-то за собой тащит...

Джон. Да, ну, а депрессия мужа, болезнь?

Робин. Стресс отступит, или он найдет способ с ним "покончить" – сменит работу, еще что-то придумает. И рано или поздно его "ребенок" за "ширмой" угомонится, перестанет угрожать семейному соглашению.

Джон. Тогда-то можно и *ей* выздоравливать?

Робин. Да, болезнь сослужила службу. А ее врач, возможно, наконец вздохнет с облегчением: нашел-таки пилюли, которые действуют!

Джон. Значит, "кукольный дом" выстоит. И хотя каждый из партнеров временами может переживать неудовлетворенность браком, другая сторона всегда воспротивится переменам, защищаясь, доставит "бунтовщику" неприятности.

Робин. Да, этот брак стоек, хотя немного "душит".

Джон. Ну, а если все-таки кто-то из двоих сознательно решился на перемены? Жена, например, вступила в феминистское движение, муж наотрез отказывается участвовать в "крысиных гонках".

Робин. Это создаст напряжение в супружеских отношениях, которое может повлечь к разводу.

Джон. И они *не сохранят* соглашение?

Робин. Брак окажется под угрозой, если партнер, который противится переменам, не получит помощь со стороны.

Джон. Так. Теперь давайте поговорим о "кукольном доме" наоборот, где роли поменялись, где женщина играет "сильную, взрослую" роль. *"Я* – Тарзан, ты будешь Джонни".

Робин. Тут на память сразу приходит известный образ со старинной "курортной" открытки: муж – подкаблучник. Подобно жене из "кукольного дома" он не принимает ответственности, не способен защитить, только и делает, что смотрит за своей половиной. Фактически ведет себя как ребенок. Но кто-то же должен в семье быть "за взрослого", "делать дело". И кончается тем, что жена берется нести семейную "ношу". Становится, так сказать, "матерью" своему муженьку. Но часть ее возмущена этой ролью, вот ему и достается от " жениного каблука.

Джон. Она за двоих нагружена напористостью, агрессивностью, ведь он отказался взять свою долю. А с двойным "весом", бывает, что и его "придавит"?

Робин. Да.

Джон. Знаете, я замечал кое-что похожее... с женщинами: если я слишком робок, то они становятся активнее, если же я намеренно возьму тон "покруче", они сбавят свой. Как будто естественное равновесие воцаряется...

Робин. Я наблюдаю за этими "качелями" всякий раз, когда в мой кабинет заходит супружеская пара. Да и по собственной семье знаю. Думаю, это универсальное правило: если один из партнеров отказывается от своей доли напора и агрессивности, другой вынужден взять двойную ношу.

Джон. Итак, почему же в такого типа браке женщина становится Тарзаном?

Робин. Обычно она научена горьким опытом еще в родной семье и боится быть слабой, зависимой. Откуда за "ширму" попадает ее беспомощная, детская сторона, которая в этом браке там довольно сносно "устраивается", потому что женщина выбрала мужчину, который детскость "сыграет" и за нее.

Джон. Значит, это у него за "ширмой" взрослость, он боится обнаружить уверенность, взять на себя ответственность, и она несет "взрослый" груз за него.

Робин. Да, тут "кукольный дом", вывернутый наизнанку. И опять же брак весьма стоек, хотя временами партнеры начинают немного задыхаться в своих ролях. Но для каждого переменить хоть что-то опять необыкновенно трудно.

Джон. Хорошо, предположим, одним чудесным весенним утром муж просыпается, чувствуя себя чуточку агрессивным и капельку взрослым. Что случится?

Робин. Конечно же, жена его вечно "попиливает" за ненадежность. Но если только его "ответственная" сторона выглянет из-за "ширмы", она сразу почует: плохо дело, быть ей теперь "слабенькой" и зависимой от него. Поэтому свою "ширму" будет держать изо всех сил.

Джон. Будет категоричнее, чем обычно, отрицать свою потребность в поддержке, заботе.

Робин. И, отстаивая яростнее, чем обычно, привычное свое амплуа, подложит мину под его "взрослеющее" настроение: скажет, пускай, мол, и не пытается отвечать за нее, ничего у него не выйдет.

Джон. Она чувствует, что уже раньше укрепила позиции, а его атака обречена.

Робин. А "такому-растакому" бедняге все равно решительности негде занять, вот он и сдастся, опять спрячет себя "взросленького" за "ширму", в укромный уголок. Это один сценарий. По другому – *она* может внезапно обнажить перед ним свою слабость: откроет, покажет ему, как нуждается в его нежности и поддержке. Он же насмерть *перепугается.* Почувствует, что на вызов не сможет ответить.

Джон. Свою "ширму" будет держать изо всех сил, чтобы не повалилась, сделается еще беспомощнее.

Робин. *К тому* же поведет подкоп под жену. Скажет: "Что это *ты затеваешь!* Хотя вольному воля!" А ведь ей стоит больших усилий так безоглядно "обнажиться". И теперь *она* сдастся, подумав: "Без толку... Знала же, что с ним ничего не выйдет".

Джон. Значит, они благополучно останутся там, где и были. Пускай не для них фейерверк, зато у камина погреются.

Робин. Именно. В таком привычном обоим – еще по родительскому – доме... Не забыли о главной причине, сделавшей их парой?

Джон. Во всем этом какая-то безумная логика. Впрочем, что-то не сходится... В наихудшем браке, где "боятся Вирджинию Вульф", у партнеров одно и то же выставлено на "витрину" – "ангелы", одно и то же сунуто за "ширму" – "демоны". Но в "кукольном доме" и в доме с "подкаблучником" у кого-то из двоих "ребенок" спрятан, у другого же – выставлен; "ширмы" поставлены одинаково – каждый перегорожен одинаково, *но* партнеры дополняют друг друга вместо того, чтобы повторять. Не значит ли это, что одну пару создает одинаковая семейная история, а другие пары возникают "на плечах" у разных семей?

Робин. Верно. Вы верно подметили, что я в своих рассуждениях кое-что упростил. Добавлю и поясню: упрятывание "кусочка" личности приводит позже к проблеме с выражением *иных* эмоций, которые тоже поочередно "прячутся". Возьмите человека, под родительским кровом научившегося прятать гнев, чтобы не огорчать близких, и одновременно утратившего умение защищаться. Постепенно он потеряет уверенность в себе и обзаведется страхом любого противоборства, а в результате в собственной семье заработает нелестную характеристику: слюнтяй. Дальше он, вероятнее всего, спрячет естественное чувство страха и потребность в поддержке; сначала спрячет от других, потом – от самого себя. Теперь *эти эмоции* тоже перекочевали за "ширму"... Психотерапевт иногда помогает пациенту убрать целый склад "ширм" – одну за другой – чтобы добраться до главного семейного табу.

Джон. Хорошо, если человек прячет эмоцию *"икс",* а затем прячет свою *боязнь* эмоции *"икс",* он внешне может казаться вполне довольным своим положением. Но какое отношение имеет этот факт к сказанному Вами о выборе партнера?

Робин. Этот факт объясняет, что в утверждении "противоположности сходятся" есть доля истины, хотя, по видимости, он противоречит мысли, что люди тянутся друг к другу на основе подобия эмоционального опыта, пережитого в их семьях. Вот вам пример: типичная пара, оставившая свой "кукольный дом", появилась в кабинете психотерапевта, потому что жена постоянно жаловалась на плохое здоровье. Она – робкая, боязливая, он – уверенный, с виду сильный. Но вскоре обнаружилось, что они *оба* шести лет от роду пережили смерть отцов. На глубинном уровне они были похожи, у обоих печаль пряталась "за ширмой". Но она от печали болела, в то время как он сохранял "силу" и концентрировался на заботе *о ней.*

Джон. Значит, поверхностные *различия* между партнерами в браке этого типа возможны по той причине, что партнеры играют разные роли при одинаковых спрятанных проблемах. Но есть ли существенное отличие между отношениями "среднего" образца и действительно разрушительными?

Робин. Если за "ширмой" целая "свалка" эмоций и велик риск, что они "вывалятся" оттуда – как в наименее здоровом браке – партнеры, вероятнее всего, будут в вечном конфликте друг с другом. Что не столь вероятно там, где партнеры дополняют друг друга и играют противоположные роли. Это позволяет им поделить игровую "площадку" согласно сценарию и в результате лучше "сыграться". Но все, разумеется, относительно.

Джон. Так, значит, "среднего" образца браки – обычные, нормальные браки – будут, в большинстве, напоминать "кукольный дом" или дом с "подкаблучником"?

Робин. Да, хотя чаще всего описанные признаки очень смягчены.

Джон. Какое облегчение, что все-таки это норма, ведь некоторые симптомы помню.

Робин. Например?..

Джон. Ну, когда я пришел в Вашу группу, помню, представлял себя прямо Тарзаном: "сильным", не нуждающимся ни в какой поддержке, ни в какой любви. Считал, что могу обойтись без таких пустяков. На самом деле считал! А Вы мягко внушали, что мне без них нельзя. Я с превеликим трудом тогда согласился допустить этот факт. Но если вам повторяют одно и то же тысячу раз... сначала допустите, что такое *возможно,* а потом начинаете *понимать.* И понимаете, как отворачивались от фактов. Правда, уже потом.., "разглядев" факт.

Робин. Сначала до крайности удивлены – да? Потом захвачены...

Джон. Да, ловите себя... застаете "на месте преступления". Понемногу меняетесь. И это *просто* потому, что разглядели свою проблему?

Робин. Именно. Как только вы заметили прежде "упрятанное", вы берете балласт "на борт" для того, чтобы выровнять ход.

Джон. А еще помню, "открываться" было очень неприятно. Допустить потребность в любви или – того хуже – просить ее прямо, нисколько не маскируясь, было очень стыдно, все равно что расписаться в собственной слабости и несостоятельности.

Робин. Возможно, это оттого, что Вы связывали любовь с плохими" эмоциями, которые первоначально проложили потребности в любви дорогу за "ширму". И когда потребность в любви "открылась", чувство стыда, первоначально связанное с ней, тоже пришлось какое-то время переживать. Поэтому-то лечение – вещь длительная, надо переболеть, чтобы поправиться.

Джон. А когда вы меняетесь, чувствуете себя престранно... Неожиданно замечаете: вы тут никогда не были – непривычные горизонты... сбивают... заблудиться боитесь.

Робин. В счастье надо поупражняться!

Джон. Ну, хорошо, мы побывали в двух типичных "средних" домах. А что там – на полюсе, где обитает счастливейшая семья?

Счастливейший брак

Робин. Самое удивительное, что когда речь заходит о здоровом – по-настоящему – браке, обнаруживается, что специалистам, "душеведам", тема неинтересна. Еще десять лет назад по этому вопросу Вы бы нигде не прочли ни строчки. И даже теперь, когда проводятся наконец какие-то исследования, интерес к ним слабый. Поразительно!

Джон. Да, спрашивал я у "ведов", что почитать про здоровый брак, но они говорили, не знают. Может, замалчивали? Сделайся мы все здоровыми, как им на жизнь зарабатывать? Ну, расскажите же, что открылось.

Робин. Если коротко, то чем меньше у партнеров за "ширмой" и чем больше они готовы заглянуть туда, укажи кто-то один другому, тем лучше будут развиваться их личности и тем богаче будет брак.

Джон. У них руки не связаны, не надо вечно держать на месте "ширму" – так? И им незачем беспокоиться о равновесии отношений?

Робин. Да, в результате хватает жизненного пространства для каждого. Чтобы мог расти, пробовать, полнее реализовывать себя. А значит, тем больше они дадут друг другу. Они интереснее как личности, большее удовольствие доставляют друг другу. Они идут по восходящей.

Джон. Какие же отличительные особенности у этих партнеров?

Робин. Важнейшая, как показывают исследования,– они легко принимают *перемену.*

Джон. Опять, наверное, потому, что не боятся: вдруг "барахло" вывалится из-за "ширмы", поменяй они что-то в "доме".

Робин. Да, это одна из причин. Фактически они *помогают друг другу* обнаруживать чувства. Иными словами, принимают взаимную критику, хотя критикуют, "страхуя", поддерживая друг друга, и всегда – к месту.

Джон. Но ведь всякая критика немного болезненна, если "в точку"?

Робин. Только когда удар направлен за "ширму".

Джон. Неужели?

Робин. Да, в этом случае страдает наше *воображаемое* "лицо".

Джон. Вы хотите сказать, что если осознаем свой изъян – не больно, когда на него указывают?

Робин. Нет. Если осознаем *всецело.* По себе, по крайней мере, сужу.

Джон. Ну, и эти, счастливейшие пары отличаются здоровьем потому, что изначально у них за "ширмой" почти что пусто? Или поскольку оба партнера охотно туда заглядывают?

Робин. По-разному бывает. Одни уже вступают в брак "цельными", потому что выросли в действительно здоровых семьях, а это удача из удач. У других "старт" менее удачен, они начинают совместную жизнь менее целостными, более "расщепленными", но им повезло найти партнера, который поможет им избавиться от страха всего того, что за "ширмой", они получат поддержку, так необходимую, чтобы справиться с неприятными переживаниями, когда касаются "спрятанных" своих сторон и вытаскивают "спрятанное" на свет. А делая это, они меняются, и они – на пути к счастливейшему полюсу брака.

Вперед – к цельности

Джон. Значит, Вы считаете, идеально было бы каждому попробовать вытащить все спрятанное за "ширмой"?

Робин. Ну, это действительно идеал, звезда, по которой следует держать курс, но вряд ли кто-нибудь сможет достичь идеала. Да и незачем...

Джон. Но каждый способен достичь успеха...

Робин. Конечно. Я думаю, многие узнают себя лучше, даже особенно не стараясь. Другие, заинтересовавшись самопознанием, работают над собой, и тогда они могут быстро продвинуться, что без толчка так просто бы им не далось.

Джон. А Джордж с Мартой, которые "боятся Вирджинию Вульф", смогли бы перемениться?

Робин. Действительно деструктивные отношения, как у этой хрестоматийной пары, обычно не поддаются изменению. У них *так много* за "ширмой" и они *так ужасаются* "спрятанному", что обычно удерживают свои "ширмы" на месте сколько хватит сил. Безопаснее, кажется, оставить все как есть и продолжить драку.

Джон. А в *принципе* они могут перемениться?

Робин. Только в том случае, если пара получит помощь со стороны. Они не способны справиться с табу и страхом сами.

Джон. Предположим, они пришли к Вам на прием.

Робин. Ну, *если* придут... Настолько тяжелые отношения можно выправить лишь в незначительной степени, иногда – облегчить кризис, но вообще будет лучше для партнеров, если их "ширмы" останутся, где и стоят.

Джон. Что произойдет, попытайся Вы чуть сдвинуть "ширмы"?

Робин. Они просто не вынесут боли. Если вы причините им эту боль, они, защищаясь, вдвоем накинутся на психотерапевта и – прощай терапия. Огорчений им много – пользы никакой, ведь у вас уже не будет другого случая увидеть в своем кабинете эту пару, они же впредь вряд ли отважатся еще к кому-то обратиться за консультацией. Значит, только вред – насильно пытаться вернуть им силы.

Джон. Хорошо, тогда давайте говорить о "средних" браках. Тут партнеры способны перемениться, способны вытащить спрятанное за "ширму" и подвинуться к полюсу здоровья?

Робин. Да, но все зависит от их отношения к "ширме". Может быть, предпочтут и не будить лихо, пока спит тихо, захотят избежать неприятных переживаний, неминуемых при заглядывании за "ширму". Не забудьте, эти браки весьма прочны, хотя партнеры временами ощущают себя немного связанными.

Джон. Ну, а если у людей появятся проблемы и они придут к "людоведу"?

Робин. Таким – "среднего" образца – парам мы можем помочь. Поможем заглянуть за "ширму", если они захотят.

Джон. Что же будет, если к Вам явится пара из типичного "кукольного дома"?

Робин. Давайте представим: они пришли по той причине, что муж – в стрессовом состоянии и действительно нуждается в поддержке, но не способен о ней попросить, поскольку его "детская" сторона надежно спрятана за "ширму". "Ребенок за ширмой" все больше раздражается, все громче капризничает, так что вопли начинают прорываться, несмотря на надежную "звукоизоляцию".

Джон. И жена пугается, что ей надо облекаться ответственностью. А она сунула ее куда-то с глаз подальше – за "ширму". Она, Вы, кажется, говорили, в результате сделается *угнетеннее* и *раздражительнее* мужа.

Робин. Да, верно. И *теперь,* если психотерапевт установил случай, он может заверить мужа, что это естественно, нормально и фактически только на пользу – временами обнаруживать свою более слабую, "детскую" сторону. Странно, подчеркнет психотерапевт, и даже несколько тревожит, что эта сторона у мужа так слабо' выражена. Тогда муж избавится от страха, постепенно разрешит себе осознавать эту потребность в поддержке, а жене – изредка его поддерживать. *Одновременно* жене психотерапевт объяснит, что она окажет настоящую помощь мужу, принимая "спрятанное" у него за "ширмой", а не удерживая его от попыток

туда заглянуть, при этом будет правильно, если и она станет обнаруживать спрятанную в себе уверенность – ту ее сторону, которая позволит ей брать на свои плечи "семейную" ответственность.

Джон. Значит, внушая людям, что за "ширмой" напрасно пропадают *хорошие,* нужные вещи, "людовед" подтолкнет пару помогать друг другу расти вместо того, чтобы забивать друг друга.

Робин. Да, и очень важно, что через какое-то время они научатся сами подталкивать друг друга дальше.

Джон. Ну, а применительно к половине мужа – "подкаблучника"? "Вед" должен открыть боевой женщине глаза на ее страх доверить мужу ответственность?

Робин. Да, и помогая разглядеть факт, психотерапевт оказывает необходимую эмоциональную поддержку жене, испытывающей очень неприятные переживания, когда осознает, как же она боится, чтобы муж ее не осадил. И если одновременно психотерапевт сумеет показать мужу, что он боится ответственности, *а также* поможет мужу разглядеть маленькую беспомощную девочку, спрятанную у жены за "ширмой", поможет осознать, что "матрона" появилась только потому, что он не смог позаботиться об этой маленькой девочке, что ж, Ваш покорный слуга вправе поздравить себя: пара начнет меняться в нужную сторону.

Джон. Вы объясняете людям, что они оказались в ловушке, потворствуя друг другу в утаивании правды?

Робин. Да. Но действует лучше всего, если подчеркнуть положительный момент связавшей их схемы: Джейн, оставаясь беспомощной, приносит себя в жертву ради того, чтобы Тарзану не изменяли силы. Или: как же муж-подкаблучник старается избавить жену от чувства слабости и уязвимости, позволяя ей взять на свои плечи всю ответственность! Как только партнерам откроется "шаблон" хотя бы *отчасти,* они захотят вместе его рассмотреть и уже не удержатся от желания изучить до конца и поменять, что можно.

Джон. Значит, на одном полюсе брака собрались Джорджи с Мартами, отчаянно удерживающие свои "ширмы", за которыми целые "свалки". На другом – пары, у которых "ширмы" практически вышли из употребления, а если и стоят, то за ними – пустяки, к тому же в таких домах часты уборки. Ну, а посередине мы все, оставшиеся.

Робин. Не забывайте, однако, на полюсах, по статистике, незначительный процент брачных пар. "Середину" составляет большинство. Ведь у нас, в большинстве, средний рост. Не 140 и не 195 сантиметров.

Джон. Так. Я, что сразу заметно,– из "средненьких". Ну, а полюс здоровья оккупировали, конечно же, все вы – "людоведы".

Робин. Джон, шутки в сторону!

Джон. Я и хотел сказать: каждый знает, что все психотерапевты – психи; я насмотрелся скетчей про сумасшедших "ведов" больше, чем съел горячих обедов. Да ведь Вы не поверите!

Робин. Я не думаю, что мы – ненормальные. В основном мы где-то посередине шкалы.

Джон. Неужели? Но как же вы тогда способны помогать людям?

Робин. Это как посмотреть. Если у человека никогда не было серьезных проблем, если он никогда не испытывал боли, доставая "спрятанное за ширмой", вряд ли он сумеет помочь другим в этом. Он никогда по-настоящему не прочувствует процесс. Очень трудно по-

лагаться на интуицию, на умственные способности, когда опыт совсем не знаком. Но я бы крайне удивился, узнай я, что нашим занятием интересуется человек абсолютно здоровый. Такой был бы с вами в кабинете сама доброта и дружелюбие, но он не стал бы специалистом.

Джон. Вы меня озадачили.

Робин. Ну, а сами подумайте: в горах на подъеме вам поможет проводник сразу над вами, он подстрахует ваш следующий шаг. А тот, кто забрался выше вас на тысячу футов, тот вам не помощник.

Джон. Да, помню, приходила такая мысль однажды, когда я слушал Кришнамурти... Знаете, я вдруг понял: я завидую этим людям, которые достигли вершины здоровья, пускай психотерапевты из них никудышные.

Робин. Я им тоже завидую.

Джон. И я не могу отделаться от ощущения, что эти исследования – ну, доказывающие: существуют по-настоящему здоровые люди – "веды" игнорируют потому, что они тоже страшно завидуют счастливчикам и предпочитают их не признавать. Ведь факт для "ведов" и всяких прочих знатоков чужих проблем не из приятных. Получается, что все мы в одной лодке – врачи, пациенты – и не так далеко друг от друга сидим...

Робин. Может, и так. А раз мы, врачи, тоже из "средних", "средние" недостатки, вроде зависти, нам не заказаны, как и всем прочим людям. Почему мы должны быть другими?

Джон. Хорошо, но если здоровым сделаться можно, просто выкинув "хлам из-за ширмы", за чем дело стало?

Робин. Про *боль* забыли? Доставать "спрятанное за ширмой" больно. Хуже того, кажется, даже *порочно.* Я уже говорил, мы прячем всякую всячину за "ширму" потому, что так было принято в нашей семье, и навык передается, ведь если кто-то в семье начнет обнаруживать запрещенные эмоции, нарушит табу, вся семья почувствует угрозу.

Джон. И набросится на ослушника.

Робин. Или – что нисколько не лучше – пренебрежет им. Подвергнет остракизму. *Отвергнет* его. А быть отвергнутым семьей очень страшно, особенно для маленького ребенка.

Джон. Значит, доставая давно спрятанные чувства из-за "ширмы", выудим вместе с ними и этот застарелый страх?

Робин. Да. Почувствуем, будто восстаем против всей семьи, будто теряем любовь и поддержку всех. *Поэтому* кто-то должен нас поддержать.

Джон. "Вед", кто же еще!

Робин. В самых серьезных случаях – да, наверное. Хотя людям и в случае не очень тяжелых проблем бывает неплохо начать работать над ними. Но когда путь предстоит долгий, идеальным помощником будет кто-то из посторонней семьи – без нашего "родимого бельма". Впрочем, из такой семьи, которая во многом похожа на нашу... чтобы мы обрели понимание. Если человек хочет услышать правду, ему надо настроиться на боль – ведь достанется-то его "раздутой" голове. А чем наши головы свободнее, тем больше мы идем в рост.

Я —- БОГ, ПУСТЬ ТАК И БУДЕТ

Перемена — на пользу и во вред

Джон. Расскажите подробнее об этих по-настоящему здоровых семьях, которые исследуются. Что именно отличает их от прочих семей?

Робин. Разное. Но главное — они прекрасно подготовлены к переменам.

Джон. К плохим?

Робин. Нет, ко всяким.

Джон. Ну, а что особенного — ступить за поворот к лучшему?

Робин. Вы, наверное, удивитесь, но ученые обнаружили, любые перемены ведут к стрессу. Познакомьтесь вот с таблицей.

Событие	Острота стресса (в баллах)
Смерть супруга/супруги	100
Развод	73
Расставание супругов	65
Тюремное заключение	63
Смерть кого-то из близких	63
Несчастный случай, болезнь	53
Женитьба (замужество)	50
Увольнение с работы	47
Воссоединение супругов	45
Выход на пенсию	45
Ухудшение здоровья кого-то из близких	44
Беременность	40
Сексуальные затруднения	39
Пополнение семьи	39
Поступление на работу	39
Изменение материального положения	38
Смерть близкого друга/подруги	37
Переход на другую работу	36
Семейные ссоры стали чаще/реже	35
Долг свыше 10 000 $	31
Возвращение долга/ссуды	30
Ответственность на службе повысилась/понизилась	29
Сын или дочь покидают семью	29
Ссора с родней мужа/жены	29
Успех	28
Жена идет работать/оставляет работу	26
Начало/конец школьных занятий	26

Изменения условий жизни	25
Изменение старых привычек	24
Неприятности с руководством на службе	23
Изменение продолжительности или условий работы	20
Перемена места жительства	20
Перемена школы	20
Перемена в развлечениях	19
Изменение в деятельности религиозного характера	19
Увеличение/снижение общественной активности	18
Долг менее 10 000 $	17
Изменение привычек, связанных со сном	16
Семейные праздники отмечаются чаще/реже	15
Изменение режима питания	15
Каникулы/отпуск	13
Рождество	12
Незначительное нарушение закона	11

* Таблица, с небольшими поправками, рассчитанными на британского читателя 80-х годов, воспроизводится по исследованию социальной адаптации Томаса Х. Хоулмза и Ричарда Х. Рейха, опубликованному в Journal of Psychosomatic Research, N 11 (Пергамон Пресс, 1967).

Как видите, смерть супруга или супруги является наисильнейшим стрессом, это 100 баллов. Чем больше баллов вы наберете за какой-то промежуток времени, тем больше вероятность, что заболеете.

Джон. Хорошо, Вы пророчествуете, что беременность и рождение ребенка обернутся большой радостью, но и сильным стрессом. Однако с трудом верится, что соединение супругов после какого-то периода раздельного проживания «обойдется» каждому в 45 баллов. И я просто потрясен тем, что, сокращая ссоры с женой, подставляю себе же «подножку» в 35 баллов! Наверное, стань моя жизнь вдруг молочной рекой в кисельных берегах, я свихнусь. Как же так, доктор?

Робин. Если внешние обстоятельства нашей жизни меняются ─ к лучшему ли, к худшему ─ мы должны к ним адаптироваться.

Джон. И что же на самом деле происходит с нами, когда мы «адаптируемся»? Что происходит... у нас в головах?

Робин. Я должен изложить новую идею, чтобы ответить.

Джон. Выкладывайте, чего уж там.

Робин. Мы выберемся, между прочим, к ответу... У нас в головах ─ отпечаток, или картина мира, каким мы его знаем. Мысленная карта, соответствующая внешним координатам. Ну, все равно что карта Великобритании, которая соответствует нашему государству. И мы руководствуемся этой картой во всех своих действиях.

Джон. На ней ─ вся наша жизнь? Жена, дети, родители, друзья, дом, соседняя улица, служба?..

Робин. Все, касающееся нашей жизни, помещено на этой карте и помогает нам ориентироваться.

Джон. Мы, когда нужно, посмотрим на карту в верхний левый угол, в правый нижний... Она вся ─ постоянно в нашем распоряжении.

Робин. Верно. Но если ваша жена умерла, вам нужно карту, где жена занимает огромное место, фактически превосходя любой другой «объект», менять на карту, где жены нет совсем. Эту замену одной карты на другую я и называю «адаптацией».

Джон. Своего рода замыкание новых мысленных контуров...

Робин. Да. И суть в том, что адаптация, или «переписывание» карты, требует энергии.

Джон. Даже если перемена благоприятная... Ясно. Но ведь мы испытываем перемены постоянно. И в Уэстон-сьюпер-Мэр вам бы сказали: «Перемена стоит ее отсутствия».

Робин. Да, мир постоянно меняется. И на самом деле нам необходимы некоторые перемены, необходима определенная стимуляция. Если перемен мало, нам скучно, мы живем вполсилы. Перемена вредит только в том случае, если у нас недостаточно сил, чтобы к ней адаптироваться. Вредит неожиданно большая перемена. Или череда небольших... Тогда у нас недостаточно времени, чтобы восстановить равновесие.

Джон. Ну да, дом перевернуть вверх дном можно куда быстрее, чем в нем прибрать. Значит, слишком много перемен за какое-то время ─ и вот вам стресс. Что поможет с ним справиться?

Робин. Первое ─ необходимо исключить расходование энергии на некоторые наши привычные нужды, чтобы направить ее на преодоление перемен.

Джон. Доктора в таких случаях, кажется, прописывают «покой»?

Робин. Да, и должен заметить, что докторов, которые ничего не прописывают, правильнее называть «учеными бездельниками». «Покой» ─ это значит, что кто-то берет на себя большинство наших привычных энергетических «трат». Кроме того, поскольку обычно перемены вызывают у нас тревогу, очень желательно, чтобы в нас поддержали уверенность, что с переменами справимся, чтобы подсказали, как справиться.

Джон. Энергия, которую растрачиваем на беспокойство, тоже пригодится для того, чтобы справиться с переменами.

Робин. Да.

Джон. Но есть еще одна хитрость: иногда просто нужен рядом кто-то, кого любим, кому верим. Ведь «лекарство» ─ не слабее покоя или поддержки, о какой Вы только что говорили!

Робин. Да, Вы правы. Мы не забудем сходить в магазин для человека, которого выбило из колеи какое-то потрясение, принесем продукты, посочувствуем, но наверняка забудем, что ему очень помогает просто наше присутствие. Хотя, вроде бы, большое дело...

Джон. Хорошо, а что мы делаем?

Робин. Просто находясь рядом? Очень нелегко объяснить, но все мы по опыту знаем... Давайте пока назовем это «эмоциональной поддержкой».

Джон. Так, суммируем. Для того, чтобы справиться с переменами, необходимо: предоставить кому-то нести наши привычные энергетические «траты» и получить покой ─ раз, услышать ободряющие слова и подсказку, как с переменами справиться,─ два, обрести «эмоциональную поддержку» ─ три.

Робин. Совершенно верно.

Джон. Ну, а теперь... как все это связать с «нашей» семьей? Мы уже знаем, почему двое «потянулись» друг к другу. Поженились...что обошлось им в 50 «очков», ведь пришлось заново оформлять свои карты, чтобы вписать друг друга на длительное проживание. Пролетел медовый месяц, когда они по-прежнему, как до женитьбы, еще восхищались роскошью «витрин» друг у друга. Вот зажили, наконец, бок о бок, и «спрятанное за ширмой» начало мозолить глаза.

Робин. Отношения стали «натуральнее». Опять перемена.

Джон. Опять переделка карты ─ там, здесь...

Робин. Впрочем, облегченная любовью, поддержкой, которую партнеры получают теперь друг от друга, возможно, в большей мере, чем получали порознь.

Джон. Хорошо, когда следующая перемена?

Робин. Когда возникает настоящая семья ─ когда появляется первый ребенок.

Джон. Еще 39 очков. Ох, бедняги.

Робин. Всего на 11 очков разница по сравнению с женитьбой.

Джон. Понятно, почему рекомендуется одно событие отделить от другого.

Робин. И не угодить под Рождество.

Джон. Ну-ну, ехали-ехали и куда ж это мы заехали?

Робин. Не пугайтесь, людям надо сделать этот большой рывок, чтобы стать более ответственными и взрослыми. Да, на какое-то время им выпадает порядочное напряжение. Но решившись и одолев барьер, они вознаграждены такой радостью, таким счастьем в своем чаде!

Джон. И надолго лишены свободы, не говоря обо всем другом.

Робин. Да, новорожденный требует столько внимания и любви, что друг для друга у них остается меньше чувств, значительно меньше. Отчего оба могут страдать.

Джон. Значит, появление первого ребенка, так сказать, счастье условное.

Робин. Да, трудно отделаться от ощущения, что общество не без злого умысла романтизировало это событие. Конечно, событие чудесное, переживания удивительные... если не признавать, что сначала это же просто каторга! Особенно для пары, не очень-то знающей, чего теперь ждать. Не забудьте, что завести первого ребенка ─ перемена и нагрузка для пары куда более значительная, чем выдать на-гора второго ребенка и так далее.

«Чрезвычайное положение»

Джон. Так. Дождались ребенка... родился. Теперь чего родителям ждать?

Робин. Сначала обратите внимание на то, как он выбил семью из равновесия. До рождения ребенка партнеры могли свободно оказывать эмоциональную поддержку друг другу, но родившийся ребенок теперь поглощает ее у матери почти полностью. А это значит, что ей ─ для восполнения ─ требуется больше прежнего любви и поддержки мужа. Она отдает ребенку столько, что вернуть мужу и нечего. Значит, муж лишен своей обычной доли эмоциональной поддержки, в то время как матери этой поддержки требуется от него еще больше прежнего.

Робин. И если он не удержит равновесие, обходясь меньшей, чем привык получать, поддержкой, она почувствует себя покинутой, обделенной.

Джон. Сразу после эйфории по поводу рождения ребенка - это страшный удар.

Робин. Да. До родов будущая мать была в центре внимания. За ней ухаживали, ее лелеяли, вероятно, как никогда прежде. И вдруг — этот крохотный, невозможно хрупкий младенец, за которого мать в ответе двадцать четыре часа в сутки!

Джон. Такой беспомощный... Боитесь, погибнет в любой момент,— правда?

Робин. Да, помню, я просто не верил, что наш сможет дышать без посторонней помощи. А ведь сколько времени провел в родильном отделении! Чего удивляться, что мать прямо-таки ужасается этой ответственности! Моя жена, Пру, ведет группу матерей, родивших первого ребенка, и почти все они жалуются: и почему никто их не подготовил к этому потрясению.

Джон. Мать чувствует себя ответственной за жизнь ребенка, но она же никогда раньше не отвечала за жизнь!

Робин. И она постоянно вымотана, так что иногда ей кажется, она не справится. Она может чувствовать себя виноватой, думать, что она плохая мать. И должна прятать от людей чувство своей «непригодности», а это для нее — дополнительное нервное напряжение. Да, сегодня, когда большие семьи редки, она действительно вынуждена обходиться без помощи. Первые полмесяца порою все идет гладко: ее или его мать поживет с ними недельку, муж, как правило, берет неделю отпуска. Но потом она начинает чувствовать себя чудовищно неопытной и всеми покинутой.

Джон. Ну, она, конечно, лишена поддержки друзей в этот период, но ведь отец ребенка при ней, он же ей — опора какая-то?

Робин. Вначале — да, но скоро он, чаще всего, уже думает, что он лишний.

Джон. Да, помню... Я чувствовал себя посторонним в собственном доме.

Робин. Это в порядке вещей. Пру иногда немного жалеет отцов, ведь матери, по крайней мере, получают огромное удовольствие от общения с младенцем. Жуткая усталость, но какие же новые, удивительные, глубокие переживания для нее! А отцу достается одна забота о своей половине.

Джон. В семье растет напряжение.

Робин. Да, он приходит с работы уставший, возможно, он и ушел на работу уставший — из-за неспокойных ночей. Жена весь день занята только младенцем. А у младенца, наверное, разболелся животик, он встречает вошедшего в дом отца оглушительным ревом. Отец, позабытый, сидит, ждет обеда, мать еле держится на ногах от усталости. «Раскол в семье», что называется. Вспомните-ка, это действительно трудный этап — первый ребенок в семье. Но все наладится.

Джон. Откуда помощь придет?

Робин. Время поможет. Постепенно отчаяние отступит. Мать станет увереннее в себе, перестанет испытывать страх от неопытности.

Джон. Начнет адаптироваться к переменам.

Робин. Да. И будет больше отдыхать — промежутки между кормлениями увеличатся. Потом начнет регулярно посещать детскую поликлинику и беседовать с другими матерями, что окажется для нее огромной поддержкой. И с каждым днем она станет все увереннее ухаживать за ребенком.

Джон. Но что Вы ни говорили, я слушаю Вас и вспоминаю американского психолога Гаттмэна, который рождение детей определил как «чрезвычайное положение» для родителей.

Робин. Да, он считает, что психологические различия между мужчиной и женщиной объясняются, главным образом, потребностями воспитания ребенка. Считает, что после появления первого ребенка в семье мы принимаем мужские и женские роли почти как солдаты, занимающие позицию на поле сражения. Разумеется, общество готовит нас к этим ролям изначально, но пока у нас не родился ребенок, мы словно «в резерве» и можем, если хотим, «поиграть» в разные роли...

Джон. А ребенок появился — и нас «призвали».

Робин. И мы уже — греющие, «питающие» мамы — с одной стороны и жесткие, ответственные папы — с противоположной. Так нас «запрограммировали».

Джон. А что показывают исследования — не превращаются ли матери и отцы после того, как их дети вырастают и покидают дом, снова в людей?

Робин. Есть любопытные наблюдения: мужчины становятся мягче, расслабленнее, больше склонны отдыхать и наслаждаться жизнью, в то время как женщины часто делаются более активными, напористыми... неугомонными «заводилами», решившими наверстать упущенное. Фактически только после того, как дети покинут дом, мы начинаем понимать, что за «сражение» отгремело.

Джон. Что Вы скажете о ролях, которые мы играем, пока дети с нами?

Робин. Все больше и больше раздается голосов, утверждающих, что любой из родителей способен выполнять материнские обязанности. Конечно, некоторые отцы способны к этому. Иногда — лучше иных матерей. Я убежден, ребенку только на пользу, если родители в какой-то мере «делят» его. Но, поскольку женский и мужской организмы столь по-разному приспособлены к «созданию» детей, мне кажется, должны существовать некие врожденные психические различия у женщин и мужчин, в силу которых первые «назначены» для удовлетворения определенных потребностей ребенка, вторые — для других дел. Это самые общие соображения. Вопрос еще не исследован до конца.

Джон. Как бы то ни было, для родителей новорожденного решать вопрос, генетические между ними различия или обусловленные традицией, наверное, пустое занятие. Даже если не обошлось без генетики, традиция возьмет верх.

Робин. Нет, я с Вами не соглашусь. «Материнская» и «отцовская» роли сейчас значительно «дорабатываются», я уверен, время будет и дальше вносить поправки. И мужчина, и женщина — оба теперь менее «замкнуты» на прежний стереотип, они богаче, интереснее, что несет им большую свободу и взаимопонимание. Я этому процессу радуюсь и счастлив, что живу в такое важное время.

Джон. Вы не знаете китайского изречения: «Да выпадет вам жить в скромные времена»? Иными словами: «Да выпадет вам мирная жизнь». Уже сегодня мы достаточно наслышаны о проблемах, связанных с «чрезвычайным положением» родителей... Ну, а как ситуация представляется ребенку? В конце концов, родиться — это крайне «переменить свое положение».

Робин. Рождение может стать шоком. До момента рождения многое за ребенка делает мать — дышит за него, усваивает пищу... Теперь же он должен все делать сам. В материнском теле он был абсолютно защищен: в безопасности, в тепле, темноте, покое. Теперь он неожиданно уязвим, беззащитен, все вокруг него новое и чужое. А все новое и чужое пугает. Вдобавок он растет невероятно быстро...

Джон. Почему-то в таблице стрессов факт появления на свет не обозначен.

Робин. Это событие, наверное, возглавило бы перечень. Если бы величина стресса поддавалась измерению...

Джон. Наверное, равнялось бы шестнадцати супружеским примирениям с автомобильной катастрофой впридачу. Ясно, что ребенку требуется ни с чем не сравнимый уход, то есть покой, защита от всех дополнительных лишних стрессов, любовь, эмоциональная поддержка и... Так ведь не может он принять ободряющую информацию!

Робин. В том-то и состоит одна из проблем с новорожденным. Если ему что-то мешает, он не понимает, что все можно исправить. Откуда его чрезвычайное перенапряжение.

Джон. Значит, до тех пор, пока он не овладеет мыслью, что все неудобства более или менее временны, ему требуется тем больше эмоциональной поддержки и покоя.

Робин. Да, родители должны полностью оберегать его от посторонних воздействий, содержать в тепле, следить, чтобы ему было удобно, вовремя кормить, изолировать от излишнего шума, не допускать, чтобы много плакал. Родители, конечно же, понемножечку «подсовывают» ему перемены, но — самые простенькие, в самой мягонькой «упаковке»... чтобы стимулировать ребенка, но чтобы он с ними запросто справился. Он совершенно несамостоятелен; к счастью, природа нас — и других животных — так запрограммировала, что мать и детеныш инстинктивно тянутся друг к другу, если разлучены, и стремятся быть вместе.

Джон. Это то, что называется «привязанностью»?

Робин. Совершенно верно. И просто означает, что жеребенок, например, хотя и способен через несколько минут после рождения встать на ножки, будет инстинктивно держаться своей матери в течение нескольких лет. Помню, у нас на ферме, в Уэльсе, я пробовал «втереться» между жеребенком и матерью — как же обоих рассердил! И фактически ничего у меня не вышло. Эта привязанность явно оправдана эволюцией, ведь в результате молодое поколение находится под защитой в ту пору, когда еще не умеет отбиваться от хищников. Мы по научно-популярным фильмам хорошо знаем, что первой жертвой хищника всегда станет одинокое молодое животное.

Джон. Да, согласен. Но только ли защита кроется за этой «привязанностью»? Может, и любовь?

Робин. Многие специалисты напустились бы на Вас за небрежность выражения мысли, но я не буду доказывать, что «привязанность» и «любовь» такие уж разные вещи. Я говорю о том, что достигается привязанностью, если смотреть на отношения «индивидуальная особь — род» со стороны. Вы говорите о том, как эти отношения переживаются вовлеченными в них.

Джон. То есть изнутри. Давайте остановимся на... «эмоциональной поддержке», как Вы выразились. Помните, Вы говорили, что мать отдает ребенку свою любовь? Мне хочется знать, что же ребенок в действительности получает.

Ребенок и материнская любовь

Джон. Итак, доктор, скажите, что такое материнская любовь глазами ребенка?

Робин. Я сошлюсь на одного психолога по имени Харлоу, который провел необычный эксперимент. Он растил обезьяне потомство: одних детенышей оставил, как обычно, при матерях, других, отобрав у матерей, посадил в пустые клетки, третью часть поместил в клетки, где в каждой был установлен проволочный «каркас», очертаниями напоминавший

взрослую обезьянью самку и снабженный сосцами, похожими на настоящие у настоящей самки, откуда детеныши получали пищу, у четвертой части детенышей в клетках находились такие же «фальшивые» обезьяны, но покрытые мехом.

Джон. Одна группа — нормальная, другая — «сиротки», третья — с «проволочной» самкой-мамкой, четвертая — с «тряпичной».

Робин. Именно. Нормальные детеныши бросались обследовать «ближний свет», возвращаясь, лепились к матери, опять убегали и опять прибегали. Детеныши второй группы — той, что помещалась без матерей в пустых клетках,— как выяснил Харлоу, оказались вялыми, заторможенными. Они не играли, не обследовали пространство, но сидели, напуганные, забившись в угол. А когда подросли, то оказались не подготовленными к общению с себе подобными, как правило, не спаривались, а даже если рожали детенышей, совершенно не интересовались ими.

Джон. А те — с «проволочной» мамкой?

Робин. Те в своем поведении очень напоминали группу «сироток». Но вот группа с «тряпичной» самкой-мамкой оказалась получше — здоровее.

Джон. Значит, «тряпичная» мамка смягчала вред, наносимый детенышам отсутствием настоящей матери?

Робин. Да, детеныши подолгу жались к «фальшивому боку», как обычно детеныши жмутся к матери, и временами могли пускаться в игры, «на разведку». Став взрослыми, они также успешнее, чем наблюдаемые из второй и третьей групп, вступали в общение с сородичами.

Джон. То есть физический контакт, пускай и с «тряпочной» мамкой, что-то давал детенышам. Что именно?

Робин. Харлоу говорил про «смелость», я бы предпочел слово «уверенность» — за обоими словами та же идея, но второе буквально отсылает к «вере», к действию, исходящему из веры, что все пойдет хорошо. Возможно, отдых у «фальшивого бочка» помогает разволновавшемуся после экскурсии в «неведомое» детенышу справиться с непосильным бременем новизны.

Джон. Для него это момент устойчивости в оазисе покоя, позволяющий вернуть равновесие.

Робин. Да, наверное. Ученые, скорее всего, заговорили бы о нон-энтропии, об упорядочении хаоса. «Тряпичная» самка-мамка, конечно же, не целится так далеко, но немножко выручает детенышей.

Джон. И Вы считаете, в этом и есть она — материнская любовь?

Робин. Ну, она видна в воздействии на детеныша. «Любить» — значит при необходимости уметь вызвать в другом эту самую уверенность.

Джон. А без любви детеныш окажется слишком напуганным, чтобы отважиться на шаг в неведомое?

Робин. Да. Он сможет стать взрослым, то есть стать более независимым, только обретя уверенность, которая дается этой надежной поддержкой и защитой.

Джон. Детишки на площадке забывают о маме, пока не шлепнутся. А тогда с плачем бегут назад к маме за очередной порцией любви... за уверенностью.

Робин. Если хотите — и так, но на самом деле они получают возможность вернуть устойчивость, утеряв равновесие от слишком больших перемен. Речь не о какой-то там «дозаправке»...

Джон. Ясно. И, очевидно, по мере взросления эта наша «привязанность» уменьшается.

Робин. Верно. Становясь все увереннее, учась все успешнее «справляться» с окружающим миром, мы способны одолевать все больше и больше стрессов, прежде чем «побежим назад» за поддержкой. Но необходимость в ней остается при нас всю жизнь. Все мы в ситуации сильнейшего стресса нуждаемся в уходе, который очень напоминает материнский уход за ребенком.

Джон. Да, после всяких стихийных бедствий, землетрясений, извержений вулканов, после бомбежек и подобных событий уцелевшие инстинктивно стремятся помочь друг другу.

Робин. Это непроизвольная реакция, мы «запрограммированы» искать поддержку у других, когда в ней нуждаемся, и отвечать поддержкой, когда ее ждут от нас.

Джон. Ну, а что касается «нашего» ребенка — откуда «наша» мать знает, что ему нужно? Как может понять сигналы крошечного существа?

Робин. Нормальная мать чувствует потребности ребенка, погружаясь в свою собственную детскость, то есть оживляя в себе свое детство.

Джон. Вы хотите сказать — вспоминая?..

Робин. «Вспоминая» без посредства мысли — инстинктивно... Она счастлива оживить детскость в себе и таким образом настраивается на вчувствование, на общение с крохой, принимает его сигналы и отвечает. А совершая это, вселяет в дитя уверенность, которая и позволит ему шагнуть в неизведанный мир.

Ребенок чертит свою первую карту

Джон. Итак, мать сообщает ребенку уверенность, необходимую для путешествия в этот яркий, шумный новый мир, возникший перед ним. Но ребенок практически беспомощен. Что ему делать?

Робин. Ну, главное — взяться за изучение мира.

Джон. Он начинает чертить свою мысленную карту мира?

Робин. Да. А этот мир, разумеется, включает его самого.

Джон. Как же он «нанесет» себя?

Робин. С чего, по-Вашему, начинают чертить карту Великобритании?

Джон. С контуров.

Робин. Именно. Начинают с контуров — не с деталей. Ребенок тоже должен очертить свои контуры: должен выяснить, что в нем и что вне его. Иными словами, что есть он и что не есть он. А «не-он» — это прежде всего его мама.

Джон. Сложно как-то...

Робин. Ну, взгляните на дело глазами младенца. Мозг новорожденного получает импульсы как извне, так и изнутри его организма, но вначале ребенок, конечно же, не понимает, что вторые исходят от него, а первые — нет. Для него все они представляются принадлежащими ему.

Джон. Вы хотите сказать, он думает, что он — это все. Или что все — это он.

Робин. Да, почему бы ему так не думать! И пока что-то не случится, что переменит его взгляд на вещи, мать должна видеться ему продолжением его самого — какой-то необыкновенно подвижной его собственной «конечностью».

Джон. Как же он обнаруживает истину?

Робин. Очень медленно он открывает для себя, что внешним не так просто управлять, как внутренним.

Джон. Не улавливаю я что-то...

Робин. Ну, давайте на пальцах разъясню: я знаю, что это мои руки, потому что могу двигать пальцами. Следовательно, я знаю, что руки — часть меня. Но если я захочу, чтобы двигались Ваши пальцы, они же не задвигаются, откуда я и узнаю, что они — не я. Они — за моими пределами. Таким образом я определю свои пределы — где «кончаюсь» я и где «начинаются» другие. Эти открытия и совершает младенец.

Джон. Но это значит, что ребенок узнает свои «пределы», только когда мать не делает, что ему хочется?

Робин. Верно.

Джон. И будь она совершенной матерью, которая никогда не подведет, что ни захоти — исполнит, ребенок никогда бы не узнал разницы между собой и ею?

Робин. Именно. Он пребывал бы в растерянности, он бы «запутался» в матери. И ему трудно далось бы взросление и свобода.

Джон. Неужели Вы теперь утверждаете, что огорчаться ребенку полезно?

Робин. И да, и нет. По крайней мере, в течение первого года жизни (дальше — легче) возможности ребенка справиться с сильным эмоциональным напряжением, вызываемым переменами... стрессовой ситуацией, практически ограничены. Но даже если родители из кожи вон лезут, чтобы ублажить свое чадо, даже если стараются обеспечить устойчивость и защиту, сколько могут, они не могут, даже стараясь, оградить ребенка от неудовольствия — несовершенство человеческой природы тому причина. То ли не сразу проснется, когда ребенок заплачет, то ли «допустит», чтобы телефон зазвонил или кто-то явился в дом, и отвлечется — но мать не всегда тут как тут, когда ребенку нужна. И тогда ребенок постепенно усвоит, что мать — «в отдельности», за «пределами», скорее «не-я», чем «я».

Джон. Значит, чтобы ребенок мог чертить свою мысленную карту, он должен «устроиться» достаточно устойчиво между раздражением, которое связано с познанием неведомого мира, с одной стороны, и эмоциональной поддержкой, позволяющей справиться с этим раздражением,— с другой.

Робин. Да, и ему нужна огромная поддержка, потому что велика его горечь, ведь в самом начале жизни, прежде чем его познающий мозг «упрется» в стесняющие «пределы», он может думать, что он — это «все», «везде», словом, он — «всемогущий». И каждый раз, натыкаясь на еще один кусочек «не-я», он... «ущемляет» свою всеохватывающую мысль, свое богоподобное «я».

Джон. Ясно, никто же на самом деле не любит критики — нашел «я» от нее страдает. Так и ребенку, свалиться с божественной высоты и узнать, что он всего лишь кроха беспомощная, очень больно. Такая птица, как Муссолини, вдруг узнает, что он — пустяковенький попугайчик! Ой, страшно подумать!

Робин. Да. Поэтому, хотя ребенку и на пользу, что мать с течением времени обнаруживает несовершенство своей материнской заботы, предоставляя ему шанс самому позабо-

титься о себе, задача матери на этой ранней ступени его развития ─ свести огорчения ребенка к минимуму. Лишней слезинки в глазу достаточно, чтобы мир исказился.

Джон. Так, но прочувствовать эту ступень что-то трудно...

Робин. Ничего удивительного, любому трудно вообразить себя младенцем, почувствовать ─ а не представить, оперируя отвлеченной логической мыслью. Мне всегда чудовищно трудно воссоздать для себя эту ступень, сколько бы я ни пробовал, сколько бы ни читал литературы. Наверное, это потому, что мир младенца чрезвычайно запутанный по причинам, о которых мы уже говорили. И когда мы пытаемся вернуться в этот мир, мы сами запутываемся.

Джон. Да, но обязанность матери, помню, Вы говорили, как раз в том, чтобы почувствовать себя во младенчестве, чтобы настроиться на потребности младенца и оказать ему необходимую для преодоления нагрузок эмоциональную поддержку. Как же мать это делает?

Робин. Здоровая мать, сама в свое время отлично «успевавшая» во младенчестве, настроится на «волну» младенца естественным образом, автоматически. Ей не надо задумываться ─ она почувствует, угодила своему ребенку или нет.

Джон. Значит, он насытится, если голоден, но она не станет кормить сытого. Возьмет на руки, если ему нужна капелька встряски или же ласка, но не будет трогать, когда ему хочется спать. Ребенку вроде бы и огорчаться не из-за чего.

Робин. Да, но ведь не об одних физических потребностях речь, ведь еще необходимо общение, эмоциональная связь. «Настроенная» мать по-настоящему наслаждается ею. Наверняка припомните, как мать и ребенок не сводят друг с друга глаз, как играют глазами. Ребенок смотрит-смотрит и скорчит рожицу, мать в ответ ─ тоже, попробовав в точности схватить выражение его мордашки и зеркально отразить. Тогда ребенок скорчит новую рожицу, ну, и так далее.

Джон. И эта игра важна для ребенка?

Робин. В каком-то смысле так же важна, как удовлетворение его физических нужд. Трудно передать недовольство ребенка, если мать не отвечает на его гримасы. Один психолог решил провести эксперимент и попросил группу матерей не реагировать на эти «заигрывания» в течение всего трех минут, но младенцы так разволновались, что эксперимент пришлось прекратить.

Джон. И что же случится, если мать по какой-то причине не сможет отвечать на «заигрывания» ребенка, если не сможет установить эту эмоциональную связь с ним?

Если мать не реагирует

Робин. Если на самом раннем этапе не установится эта тесная эмоциональная связь между матерью и ребенком, иными словами, если они действительно будут далеки от взаимодействия ─ а я говорю о крайне серьезном случае несоответствия, чего вряд ли стоит опасаться нормальной матери, настраивающейся на ребенка инстинктивно,─ ребенок, как я это называю, «выключится». Осложнения могут произойти по вине обеих сторон. Что касается матери, я думаю, Вы не забыли: с ее стороны эмпатия ─ сопереживание ─ обеспечивается погружением в собственную детскость, в чувства, ею испытанные. Но предположим, у нее самой было несчастливое детство...

Джон. ...и «погружение» окажется для нее болезненным.

Робин. Именно. Если к ней в первые годы жизни относились плохо, любая попытка «достать» себя той поры будет вызывать боль. А прекратив эти самоистязания, она избежит огорчений.

Джон. Но раз она не обращена к собственной детскости, она не сможет «вчувствоваться» в мир своего ребенка, не сможет установить с ним тесную связь.

Робин. И, конечно же, где-то на глубинном уровне ребенок ощутит это.

Джон. Он ощутит, что полноценного общения с матерью у него не получается.

Робин. Помните, я говорил про эксперимент, когда матери прекратили общение с детьми на три минуты и какую боль этим причинили им? А теперь вообразите ситуацию: мать вообще не способна реагировать на ребенка и даже не знает, что должна бы. Ребенок получит такую травму, что он «оборвет связь» и прекратит всякие попытки к общению, что еще усугубит ситуацию, ведь мать почувствует себя отвергнутой, а значит, ей куда труднее будет раскрыться перед ребенком, следовать инстинкту и все поправить.

Джон. Наверное, то же самое может произойти, если что-то не в порядке с ребенком, если он не делает попыток «включить» мать, хотя она инстинктивно готова и ждет «сигнала»? Я читал, что нормальные младенцы «запрограммированы» очень рано улыбаться матерям, еще до того, как начинают понимать, кому они расточают улыбки; улыбающееся же дитя мать полюбит сильнее.

Робин. Совершенно верно. Ребенок с отклонениями не сможет «включить» мать, и ее материнский инстинкт не получит толчка. И тогда она хочет не хочет, а будет тратить время и «рыться» у себя в голове, «держаться» за руководства.

Джон. Значит, породить проблему способны и курица, и яйцо?

Робин. Да. Некоторые специалисты считают, что причина — всегда ребенок, но мой опыт психотерапевта подсказывает: существует целый спектр отношений «ребенок — родители», на одном его полюсе — родители, кажется, совершенно «отключившие» чувства, на другом — у нормальных родителей на удивление «выключенный», ненормальный ребенок. Впрочем, по чьей бы вине ни начались осложнения, тут порочный круг: ребенок «не цветет» довольством, значит, у матери чахнут материнские чувства, значит, ребенок получает от нее еще меньше эмоциональной поддержки и так далее, и так далее.

Джон. И если все завертелось в этом порочном кругу, если ребенок меньше и меньше получает поддержки, он скоро утратит равновесие?

Робин. Самым чудовищным образом... Если мать не способна — по любой причине — «включиться», ребенок вынужден «броском» догонять ее, он к ней вынужден приспосабливаться, а не наоборот. Он вынужден стремительно взрослеть, чтобы приладиться к взрослым чувствам матери, вместо того, чтобы постепенно «усваивать» взрослость.

Джон. Но ведь ему все это не по силам.

Робин. Конечно, нет. Он просто сдастся, «оборвет связь», повернется спиной к миру и откажет ему в существовании — по крайней мере, той части мира, которая причиняет ему такую сильную боль и огорчение. Он будет вести себя так, будто этой части мира вовсе не существует.

Джон. Какой же выйдет у него мысленная карта мира?

Робин. На ней другим людям нет места. Ребенок поведет себя в мире, будто на необитаемом острове.

Джон. Вы хотите сказать, что в отношении других людей мысленная карта этого ребенка останется такой же, как при самом его рождении?

Робин. Да, он один занимает все пространство. Он — всеедин. Это безумно трудно выразить.

Джон. Это безумие.

Робин. Одно из его обличий. Крайний случай «выключенности» в раннем возрасте получил название «аутизма». Каннер, детский психиатр, впервые описавший этот синдром, указывал, что, как правило, родители детей с синдромом аутизма — люди чрезвычайно образованные, «сверхразумные», живущие головой: в «заоблачье» идей, абстракций... мало подверженные эмоциям. Иными словами, люди, которым сложнее, чем другим, справиться с сумятицей чувств, возникающей при попытке проникнуть в мир ребенка. Сегодня, однако, широко распространено мнение, что в самом ребенке может крыться некая аномалия, препятствующая появлению соответствующих реакций на родительскую заботу. Где истина, пока неясно. К счастью, этот случай в практике очень редкий. Впрочем, однажды мы столкнулись с целым рядом близких описанному случаев. Речь о детях недавних иммигрантов. Когда и отец, и мать вынуждены работать, ребенок оставлен на приходящую няньку, она его покормит, но не «насытит» вниманием.

Джон. И как же дети с синдромом аутизма выглядят? Как ведут себя?

Робин. Больше всего поражает их полная неспособность к общению, к той игре «ты мне — я тебе», которую я упоминал. О таких обычно говорят: «отключенные», «в раковине», «живут в своем собственном мире». В их присутствии вы чувствуете, что они вас «не подпускают» или просто «выкинули» вас из головы — для них вы не существуете.

Джон. Но на самом деле они знают, что вы рядом?

Робин. Да, конечно. Ходят вокруг вас, могут с вашей помощью получить, что хотят, но вы — «для мебели» в комнате с ними. И они избегают «контакта глаз». Их легко распознать по тому, как отводят взгляд всякий раз, как только вы решите поймать его. Вы чувствуете, что они напряженно воспринимают ваше присутствие и одновременно «стирают» вас со своей мысленной карты. Очень странное поведение...

Джон. Они делают вид, что вас не замечают?

Робин. Да, похоже. Но «пережимают».

Джон. И так же — с родителями?

Робин. Да. Не обнаруживают ни малейшей привязанности к ним. Не допускают, чтобы их касались, обнимали, не цепляются за родителей, когда те их оставляют, не льнут к вернувшимся. Родители, конечно же, страшно расстраиваются.

Джон. А могут получить поддержку из иных источников?

Робин. Часто они страстно привязываются к какому-то предмету, например, к камушку, к чему-то из одежды. Позже их столь же неодолимо влекут такого рода «сообщения», как расписание движения поездов, всевозможные карты, схемы автобусных маршрутов. Им требуется однообразие, режим, поэтому они совершенно не выносят перестановку мебели или отклонение от заведенного порядка в своих действиях.

Джон. Ну, все это понятно. Они не выносят перемен из-за «поломки» автоматической системы связи с матерью. Им требуется свести перемены в окружающем их мире до минимума, чтобы ослабить стресс, а также — позаимствовать хоть в какой-то мере устойчивость у неодушевленных предметов, к которым они и привязываются. Как, по-Вашему, доктор, я соображаю?

Робин. Да, и мне тоже все представляется именно так. Многие специалисты склоняются к такому мнению, хотя, должен сказать, что есть немало психиатров, придерживающихся иной точки зрения. Они посчитали бы Ваши «соображения» сущей ерундой.

Джон. Не будем на пустяки отвлекаться!.. Вы говорили, аутизм крайне редок. Насколько же редок?

Робин. Один случай на две тысячи человек.

Джон. Что же Вы так разволновались?

Робин. Этот редкий случай ясно показывает, к чему ведет ребенка непомерный стресс и отчаяние. Ребенку приходится «отключаться» и уединяться в своем мирке.

Джон. И, наверное, крайний случай поможет распознать проблему в «повседневном» проявлении?

Робин. Верно. Аутизм, на мой взгляд,— крайнее выражение свойств, присущих почти что нормальным людям.

Джон. Почти что?..

Робин. Мы считаем таких людей нормальными, хотя они по характеру очень сдержанны, замкнуты, погружены в себя, страшно неуклюжи в компании, одержимы каким-нибудь хобби и вообще «на других плюют, в своем мире живут».

Джон. Так, кажется, и поется в одной грустной песенке... Но если мать и ребенок поддерживают тесную связь, как в 1999 случаях из 2000, ребенку же незачем «отключаться»?

Робин. Незачем. Обычно мать способна «настроиться» на свою детскость и действует инстинктивно. Она — «на волне» младенца и, принимая, реагирует на его «сигналы» — на его чувства, его потребности. Она получает при этом необыкновенное удовольствие.

«Границы» проясняются...

Джон. Значит, если мать «включилась», ребенок находится с ней в тесной эмоциональной связи, так необходимой ему. Эта связь помогает ребенку справиться с шоком — с ужасным открытием, что он не всемогущ, благодаря этой связи он способен удержать равновесие, постепенно обнаруживая все больше и больше «вещей» вне его, которые ему «не подчиняются».

Робин. Да, получая необходимую поддержку от матери, он медленно уясняет свои «пределы», свои «границы» и дальше, расширяя для себя мир, способен верно определиться в отношении всяких иных границ.

Джон. Но мне кажется, играя с ребенком, поддерживая ту самую тесную эмоциональную связь с ним, о которой Вы говорите, мать не просто зеркально отражает ребенка, она добавляет что-то новое. Чуточку новое.

Робин. Да, верно. По моему убеждению, в этом восхитительно неуправляемом деле, которое у нас зовется «игрой», мы импровизируем, изобретаем, всегда выдумываем что-то новенькое. Когда обыкновенная нормальная мать играет с ребенком, гримасничает в ответ на его гримасы, агукает с ним, повторяет его во всем, ее действия очень поддерживают его, придают ему «устойчивость», ведь она следует за его действиями. Ничего неожиданного, непривычного не происходит, ребенок постепенно изучает себя, глядя на мать, как в зеркало. Впрочем, обыкновенная здоровая мать все же играет с ребенком, она понемножечку меняет действия и будет не просто копировать ребенка, но добавлять чуточку «отсебятины», будет

показывать ему свое — отличное, отдельное — «лицо». И ребенок начнет понимать, что существуют другие, ведь мать не полностью следует за ним, она «не подчиняется» ему, но он усвоит этот опыт, испытывая максимум поддержки, удовольствия... и без всякой поспешности.

Джон. У ребенка «в рационе» — привычность, подобие, поддержка, но также — «по капельке» неизвестности, инаковости, раздельности.

Робин. Да. Если мать «включилась», и ребенок поверил ее «ответному чувству», тогда на его мысленных картах очень-очень медленно он сам и его мать начнут разъединяться, от почти полного перекрытия первоначального осознания, что мать — отдельное, иное «лицо».

Джон. И этот процесс естествен — при условии, что ребенок получает поддержку?

Робин. Нужно еще условие — «сигнал» ребенку, что мать существует «в отдельности».

Джон. Но разве этот «сигнал» до него не дойдет?

Робин. Ну, мать может его не подать, если... не сумеет отделить себя от ребенка.

Джон. Ничего не понимаю!

...или остаются неясными

Робин. Чтобы «настроиться» на ребенка, мать должна, «скинув с себя» взрослое мышление, погрузиться в воспоминания, ощущения раннего детства. Некоторые матери легко «погружаются», но не способны «вынырнуть».

Джон. Не способны вернуться в «границы» взрослости, когда необходимо? Но почему?

Робин. Потому что «границы» для матерей неясны. Потому что для их матерей «границы» были неясными.

Джон. Потому что у их бабушек «границы» не прояснились?

Робин. Да, и так далее, и так далее. Тут, как обычно, никто не виноват — известный заколдованный круг.

Джон. Значит, если для матери «границы расплываются» и она не способна отделить себя от ребенка, когда необходимо...

Робин. ...то ребенок чересчур подчинит ее и подчинит слишком надолго. А это означает, что ребенок не получит нужных ему знаний, не «обновит» свой взгляд на мать как существующую «в отдельности». Он, следовательно, не сможет уяснить свои «пределы», и ему будет трудно различать себя и мать. Они оба останутся слитыми, соединенными в какой-то мере.

Джон. Итак, «границы» ребенка будут неясны, как и у матери. Каким образом это отразится на ребенке, точнее, на взрослом индивиде, которым станет этот ребенок? Какие проблемы возникают из-за непроясненных «границ»?

Робин. Проблем целый спектр — в зависимости от степени непроясненности «границ». Крайняя нечеткость «границ» ведет, по мнению многих психиатров, к серьезнейшим нарушениям психики, называемым «шизофренией», впрочем, нет оснований сомневаться, что наследственность тут играет очень важную роль. На противоположном полюсе спектра

— люди, вполне развившиеся, но «пожизненно» чрезвычайно привязанные к своим родителям.

Джон. Они не обретают нормальной для взрослого человека независимости?

Робин. Да, они не способны эмоционально разъединиться или же для этого им надо обосноваться за тридевять земель друг от друга, то есть иногда буквально оказаться по разные стороны государственной границы!

Джон. Ну, а посередине спектра?..

Робин. Середину спектра занимают те, которых нет необходимости помещать в психиатрическую клинику, они не страдают явным помешательством, хотя эти люди определенно со странностями.

Джон. Какое впечатление производят самые... «беспредельные»?

Робин. Сразу скажете: «Спятили». Из-за непроясненности «границ» эти люди совершенно не отличают себя от других, свой внутренний мир — от окружающего их внешнего мира, поэтому могут быть подвержены галлюцинациям, ведь для них сливаются их фантазии с картиной реального мира, получаемой с помощью чувственного восприятия. Они могут думать, что воздействуют на других своими мыслями и чувствами, а другие — тоже «действуют» на них, причем в действительности абсолютно невероятным образом. Поступки таких людей кажутся, на взгляд обыкновенного человека, очень странными, бессмысленными, пока уж не выяснится, что тут случай с запутанностью «границ».

Джон. Их поступки бессмысленны, потому что никак «не вписываются» в мысленную карту обыкновенного человека.

Робин. Это не просто бессмысленные поступки, но чаще всего несовместимые, ведь люди оказываются в ситуации «пойди — вернись».

Джон. Подождите, в подобной ситуации оказывается ребенок, получающий от родителей противоречивые поучения — так? Один из родителей направляет ребенка в одну сторону, другой — в прямо противоположную.

Робин. Грубо говоря, так, но это делается без намерения, совсем не потому, что одна сторона стремится отыграться на другой. Вся семья в ловушке, каждому трудно, каждый мучается.

Джон. Я не понимаю двух вещей. Первая — эти «муки» только от путаницы в отношении «границ» или не только отсюда? Вторая — почему же люди посылают — и соглашаются — «сходить, не трогаясь с места»?

Робин. Вы, наверное, не забыли: у матери ребенка «границы» непроясненные. Мы с Вами помним и главное из пройденных «уроков»: она, скорее всего, вступила в брак, найдя себе такого же «безграничного» в пару.

Джон. Ага, оба родителя в каком-то смысле застряли на одной ступеньке с ребенком!

Робин. Верно. Конечно, они возвели солидный фасад, чтобы скрыть свои недостатки, и худо-бедно обманывают других, но фундамент их взрослости шаткий, в эмоциональном отношении они во многом ведут себя не лучше ребенка. А ребенок, Вы помните, есть «все», насколько он знает, он — «всемогущий». Вы также помните, как болезнен для ребенка каждый шажок к «границам», ведь он неизбежно утрачивает это врожденное ощущение богоподобного всемогущества.

Джон. Значит, в каком-то смысле родители не преодолели это младенческое ощущение всемогущества?

Робин. Именно. Их «границы» расплывчаты, потому что они не сумели отделиться от своих матерей, от своих семей, и они по-прежнему «переполнены» всемогуществом. А в результате в таком доме каждый отстаивает свое «беспредельное всемогущество», причем не задумываясь, невольно.

Джон. И на что же похож такой дом?

Робин. На связку воздушных шариков, помещенную в большую коробку. Коробка — окружающий мир, связка шариков — «наша» семейка, и каждый в ней надувается от своей веры в беспредельность. Ну, а если так: ясно, что каждый стремится заполнить собой всю коробку, а это невозможно, не вытеснив из нее остальных. Значит... вечная война, перемежающаяся напряженными перемириями.

Джон. Понятно, откуда им столько мук. Но почему война не кончается? Почему нет победителя?

Робин. Они все застряли на ранней ступени и чувствуют, что не способны рассчитывать лишь на себя. Каждому отчаянно необходимы другие. Вот им и остался выбор без выбора: желать любви других и одновременно вести с ними чудовищную войну.

Джон. Стань один слишком большим, он поймет, что рискует уничтожить других, от которых так зависим.

Робин. А стать слишком маленьким — значит лишиться жизненно необходимой веры в свое всемогущество. Так или этак, а им хуже некуда. Они все страшно несчастны, ужасно страдают. Слабый отзвук их стенаний вы услышите в повседневной жизни, если прислушаетесь к людям, принимающим облик ребенка. Вспомните лепет влюбленных, вспомните взрослых, говорящих с детьми. «Ой, сладость моя, я тебя съем!» — говорят. Тут любовь, необходимость в человеке, но, в определенном смысле, и вытеснение человека из принадлежащего ему пространства, уничтожение человека. Нормальные люди говорят это в шутку, добавляют «щепотку» жути к нежностям, делая ласку еще утонченнее. Но грубый быт нездоровой семьи заставляет каждого опасаться эмоционально голодных близких, тут каждый — утрать он только бдительность — боится быть «проглоченным».

Джон. Чем психотерапевт может помочь таким — страдающим «без границ» — семьям?

Робин. Если случай не самый тяжелый, то — многим. Психотерапевт может вместе со всей семьей заняться прочерчиванием «границ»: он будет предельно четок в отношении каждого, и семья последует его примеру. Решительно «размежевывая» каждого, он, вместе с тем, должен оказывать максимальную поддержку.

Джон. «Границы» проясняются — каждое «я» ужимается?

Робин. Да. И вам нужно поддержать человека в этот момент. Удивительный эффект имеет предельно независимая «игра» самого психотерапевта: он говорит: то-то и то-то сделает, то-то и то-то — нет, и ни за что не поддастся чужому влиянию, не переменит решений, оставаясь, однако, неизменно расположенным и участливым.

Джон. А как с тяжелейшими случаями?

Робин. Здесь радикальное лечение провести трудно. В основном ваша задача — поддержать семью в период стрессовой ситуации, эта семья в течение довольно-таки долгого времени может просуществовать, избегнув срыва у кого-то из своих, и даже способна справиться с острой стрессовой ситуацией при условии, что получит поддержку со стороны. Наиболее уязвимому члену семьи, то есть тому, у кого «границы» наиболее размыты, кто, в конце концов, не выдерживает, утрачивает психическое равновесие и появляется у нас как «пациент», можно помочь, назначив определенные препараты, которые смягчат перегрузку

психики по причине слабости защитных барьеров, нечеткости этих самых «границ», о которых речь. Если же улучшения не наблюдается, возникает необходимость изолировать человека от губительного воздействия семьи ─ поместить в клинику, в особую среду ─ пока возбуждение не уляжется и защитные реакции несколько не окрепнут.

Джон. Но, вернувшись в семью, человек опять может сорваться?

Робин. Если стрессовая ситуация в семье обострится и не будет нужной поддержки со стороны ─ да, может. Недавние наблюдения, впрочем, показали, что просто сокращая время общения этих плохо защищенных индивидов с их семьей ─ периодически устраивая им в течение дня «тайм-аут», можно значительно снизить число срывов. Встречи с семьей, когда вы советуете им всем отвести друг другу больше эмоционального «пространства» ─ например, отпустить «поводки», удерживаться от вздорных придирок ─ тоже дают результат.

Джон. Так, попробую резюмировать. Пользуясь необходимой эмоциональной поддержкой, ребенок способен усвоить сведения об окружающем мире и тогда может очертить, в первом приближении, свои «пределы». Но если у матери «пределы» слабо обозначены, если она недостаточно «отдельна», ребенок тоже не сумеет обрести «отдельность» и ─ вырастая, взрослея ─ застрянет на этой примитивной, не предполагающей различий и четких «границ» ступени...

Робин. ...пока на более поздней с чьей-нибудь помощью и без излишнего напряжения не усвоит пропущенного и не уяснит своих «границ».

Джон. Но в случае, если человек застревает на этой ступени младенчества, ему грозит диагноз: шизофрения.

Робин. Да, болезнь может быть результатом наследственной слабости, семейного «беспредела» или обоих факторов вместе. Но не забудьте, я излагаю свои самые общие соображения по проблеме, которая толкуется крайне противоречиво. Впрочем, некоторые основные положения для специалистов ─ о чем несведущие вряд ли достаточно информированы ─ являются бесспорными, эти положения я и пытаюсь свести воедино и представить; подтверждает их мой личный опыт и практика психотерапевта.

Джон. Хорошо, если с мамиными «границами» порядок, ребенок, вероятнее всего, сможет четче очертить себя самого, уточнит свою мысленную карту мира и займется выяснением «границ» с отцом, братьями, сестрами, а потом и «за границей» семьи разберется с «границами». Уф!

Робин. Да, так мне все это представляется. Но... есть еще одно препятствие, которое необходимо преодолеть, упорядочивая «границы».

Джон. Кто бы подумал, что Вы его не найдете! Ну, и что за препятствие?

Робин. «Параноидный» способ справляться со стрессом.

Все мы ─ параноики

Джон. Значит, мы покончили с непроясненными «границами»? Новый этап?

Робин. Не совсем. Этот «параноидный» образ действий невозможен, пока не поставлены какие-то «границы», но он возможен только потому, что «границы» все еще неустойчивы. Ребенку отчасти помогают неустоявшиеся «границы». Он может воспользоваться нечеткостью, неопределенностью своих «пределов», чтобы защитить себя от стресса и боли, если они слишком сильны и он не способен справиться с ними. Это что-то вроде предохранительного клапана. Ребенок дает выход болезненным ощущениям, когда переполнен ими.

Механизм важно рассмотреть, потому что он в некоторой степени объясняет отличие взрослого от ребенка, а также характеризует поведение, получившее специальное наименование - «параноидного».

Джон. Это когда — «не иду на регби, ведь нападающие там собираются в кучку, чтобы сплетничать обо мне?»

Робин. Да, мотив тот самый. Крайний случай такого поведения — клиническая паранойя, а в обиходе — «мания преследования». В повседневной жизни этот механизм лежит в основе целого ряда проблем, возникающих оттого, что люди «облегчают» себе жизнь, обвиняя других.

Джон. Почему этот механизм так важен для ребенка на ранней ступени развития?

Робин. Считается, что на этой ранней ступени жизни, когда мозг еще не полностью снабжен «проводкой», ребенок обостреннейшим образом переживает эмоции, потому что они пока не связаны с памятью, не соединены в целое, не уравновешивают одна другую.

Джон. Как не понять, что эмоции младенцу — острый нож. Сил же нет слушать, когда он верещит, бедняжка!

Робин. Да. Жизнь — рай после того, как покормили, и адские муки, если с очередным кормлением запаздывают. Очевидно, когда страдания уже невыносимы, ребенок находит выход — он может установить подвижные на этой ранней ступени «границы» таким образом, что подавляющие его эмоции окажутся будто бы вне, а не внутри них. Будут «не-я» вместо «я».

Джон. Подождите, дайте разжевать. Значит, если я — младенец, я могу двигать мои «рубежи» на мысленной карте так, чтобы досаждающие мне эмоции стали бы «не-я» и перестали бы быть частью моего «я»?

Робин. Именно. Представьте: «границы» — подвижные пластиковые конусы, которыми отмечают проезжую часть автострады при ремонтных работах, а вовсе не крепко-накрепко закрепленный барьер, разделяющий правую и левую полосы. Значит, можно менять «дорогу» на «не-дорогу», а в случае же с «нашим» младенцем — переживаемое как «я» — на «не-я».

Джон. Иными словами, ребенок может «притворяться», что часть его — какие-то чувства — вовсе и не в нем.

Робин. Верно. Если они невыносимы, ребенок может от них оградиться.

Джон. И тогда ему станет лучше?

Робин. И да, и нет. Объясню, что будет дальше. Ребенка раздирают ужасные чувства, и вот он притворился, что в нем их уже нет. Конечно, они не исчезли, они где-то поблизости. Но если они не внутри его...

Джон. ...значит, снаружи.

Робин. Именно.

Джон. Это, кажется, называется «проекцией»?

Робин. Да, на языке психологов это «проекция». Еще раз, коротко, что это. Это когда ребенок пугается каких-то чувств и притворяется, что они не в нем, притворяется, приоткрывая «границы», чтобы вытолкнуть мучительные чувства наружу. Они не исчезли, конечно, теперь ребенку кажется, что они подступают к нему снаружи.

Джон. Он «спроецировал» их на внешний мир?

Робин. Верно. И теперь мир кажется злее, ужаснее, чем на самом деле. Вы спрашивали, лучше ли почувствовал себя ребенок. Да, ему стало лучше, себя он почувствовал лучше, но... ему стало и хуже, ведь мир вокруг сделался куда враждебней. А на этой ступеньке жизни мир, конечно, все еще равнозначен матери. И теперь вместо того, чтобы чувствовать, что от голода и ярости готов мать разорвать на части и проглотить, он «спроецирует» эти чувства на мать. Вот вам замедленный повтор...

Робин. Как видите, теперь мать представляется ребенку ужасной ведьмой, которая может его проглотить.

Джон. Он уже не от ярости задыхается, он просто... перепуган насмерть?

Робин. Из огня да в полымя, точно.

Джон. Наверное, поэтому сказки, захватывающие детей, на редкость «злодейские», из них так и рвутся полчища чудовищных женщин: коварных мачех, безобразных сестер, ведьм и прочей нечисти. Кажется, ни одной нормальной матери поблизости нет. Отцы, нерешительные, ни на что не годные создания, забились куда-то в угол. Единственные благодетельницы — феи-крестные, они — само совершенство, и всегда тут как тут в нужный момент, чтобы навести порядок (обеспечить очередное кормление, надо думать)

Робин. Не забудьте про неисчерпаемые возможности проецировать недовольство папочкой на образы людоедов и великанов. Для того, чтобы наладить дела, существуют короли с принцами и волшебники.

Джон. Значит, эти сказки вечно увлекают ребятишек потому, что отвечают пережитым всеми ими не так давно фантазиям и проекциям?

Робин. Да, ведь для младенцев — а дети младшего возраста от них отошли еще недалеко — существуют, похоже, только «поляризованные» любовь и ненависть. Поставить «границы» в нужном месте между «я» и «не-я», уравновесить себя, частично «выпустив» наружу накатившую ненависть, держа в памяти нежившую нас незадолго до этого любовь — вот уроки, которые заучивают люди с раннего детского возраста и «повторяют» всю жизнь. Всю жизнь, хотя и в меньшей степени, крайнего накала эмоции заставляют нас пользоваться упомянутым предохранительным клапаном.

Джон. И сказки помогают детям усвоить эти уроки?

Робин. Да. Сказки в действительности поощряют детей проецировать не поддающиеся контролю чувства в образы ведьм и людоедов, и если сказку про злодеев ребенку читают любимые мамочка, папочка или еще кто-то из старших, не меньше любимый, ребенок успокаивается: уж взрослые-то знают всему свое место.

Джон. Если ребенок видит, что родители не пугаются этих чувств, он решит, что ему тоже незачем их так пугаться?

Робин. Верно. А чем «безопаснее» чувства, тем меньше нужды в их проекции. Значит, ребенок начинает «владеть» ими, держать их в себе. Это, в свою очередь, значит, что чувства увязываются, лучше уравновешивают одно другое и, следовательно, утрачивают крайнюю болезненную остроту. Раз чувства менее болезненны — меньше необходимости их отвергать и ставить «границы» так, чтобы их вытолкнуть. Склонность к паранойе снижается.

Джон. Любопытно. Значит, те родители, которые считают, что детей надо ограждать от традиционного сказочного злодейства, неверно ориентируют своих чад, заставляют их думать, что в сказках есть что-то, чего боятся даже родители.

Робин. Именно. Когда ко мне приходит семья и родители настроены возвести в своем доме заслон от подобных детских сказок, я знаю, что увижу запуганного ребенка. Такие

сказки помогают ребенку справиться с собственным младенческим буйством чувств ─ при условии, что родители любяще ободряют его и сами не пугаются яростных вспышек ненависти у ребенка.

Джон. Подводим итог. На ранней ступени развития ребенок не способен увязывать, уравновешивать свои эмоции и некоторые его очень страшат. Ребенок их проецирует вовне, от чего чувствует себя лучше. Взамен внешний мир делается страшнее.

Робин. Совершенно верно. И, разумеется, эмоциональная поддержка, забота на этом этапе уменьшит остроту боли, ярость и отчаяние у ребенка. Тогда ему незачем притворяться, что эти эмоции вне его, они станут в достаточной мере для него управляемыми, и он опять «присвоит» их, овладеет ими. А значит ─ сможет правильно очертить свои «границы».

Джон. И продолжит успешно «наносить» мир на свою мысленную карту. О'кей. Ну, а что произойдет, если ребенок не получит требуемой поддержки?

Робин. Он задержится в своем развитии, застрянет, в определенном смысле, на этой ступени.

Джон. Вы хотите сказать, будет и дальше проецировать «плохие» эмоции? Кстати, эти «плохие» ─ всегда злость, всегда ненависть?

Робин. Как раз со злостью и ненавистью ребенку справиться труднее всего. Для человека, перешагнувшего детский возраст, но по сути застрявшего на этой ступени, любые эмоции будут болезненными, любыми овладеть будет страшно: влечением к противоположному полу, завистью, ревностью, грустью...

Джон. И любые будут проецироваться вовне на окружающий мир, который, следовательно, превращается во «вражеский лагерь». Так, ну и какое отношение все это имеет к параноику, то есть к человеку с манией преследования?

Робин. Такой человек ─ с клиническим случаем паранойи ─ до крайней степени отстал в развитии, задержавшись на описываемой ранней ступени. Но, я думаю, все мы время от времени чуточку параноики.

Джон. Ну, не согласись я с Вами, будет казаться, что я задет ─ какое тогда нужно еще доказательство моей паранойи! Лучше-ка я соглашусь.

Робин. Но я только хочу сказать, что почти каждый временами ведет себя, как параноик, то есть очень мало тех, кто совершенно разделался с этой ступенью. Разве Вы, к примеру, никогда не перекладывали вину на других за то, в чем отчасти сами были виноваты?

Джон. Это не вполне здравое поведение! И нормальное...

Робин. И параноидное.

Джон. Почему параноидное?

Робин. Ну, при любом столкновении, в любом споре, пускай и безобиднейшем, если Вы становитесь в позу невинного ─ «хорошего» ─ и пробуете всю вину переложить на другого ─ «плохого»,─ Вы обнаруживаете параноидное поведение. Показательно, что Вы схватились за слово «здравый», ведь параноидный образ действий позволяет Вам почувствовать себя «лучше».

Джон. Лучше ─ в нравственном смысле?

Робин. В любом. Если вы считаете себя правым, все очень просто: виноват другой, а вы, конечно, ощущаете себя морально выше, кроме того, не испытываете неудобства, причиняемого человеку чувством вины. Так и ребенок поступает ─ помните? Чтобы чувствовать себя лучше.

Джон. Но со стороны вы кажетесь хуже, потому что не способны проникнуться еще чьей-то точкой зрения, признать свои ошибки, предпочесть компромисс.

Робин. Верно.

Джон. Знаете, я замечал, что когда веду машину, то очень раздражаюсь, если другие водители вовремя не сигналят о повороте, но если я не просигналю и кто-то начнет гудеть мне в спину, я ловлю себя на мысли: я же прав ─ зачем сигналить, тут же и дураку понятно, что я буду сворачивать! Отдает паранойей ─ да?

Робин. Да. Но это, конечно, вовсе не значит, что Ваш случай ─ клинический, ведь Вы, поймав себя на «параноидной» мысли, через пять минут откажетесь принимать ее всерьез и без усилий восстановите для себя реальную картину происходящего. Хотя подобное поведение все-таки параноидное.

Джон. А если я, пребольно ударившись ногой о кофейный столик, разозлюсь,─ это значит, я не желаю признать, что сам оплошал, и виню столик?

Робин. Верно, это еще пример. Да просто вспомните Вашего Бэзила Фолти[1], который винит всех направо и налево, поражаясь всеобщей глупости и непредусмотрительности, себя же считает образцом добродетели.

Джон. Ну, а посмотреть на массовую организованную паранойю каждый может, купив билет на футбол. Если их игрок толкнет нашего ─ значит, к силовым приемам прибегает, каналья; если наш толкнет их игрока ─ он же, молодец, за мяч борется. Наши ─ жесткие парни, но играют по правилам, те ─ команда отпетых преступников, а судья, известно, подсуживает.

Робин. Забавно ─ да?

Джон. Но зачем нам эти забавы? Зачем все упрощать? На «плохих дядях» в вестернах всегда черные шляпы, чтобы мы знали: нечего жалеть, когда их застрелят.

Робин. Упрощение, раскладывание по полочкам ─ тут «белое», тут «черное» ─ помогает нам в нескольких смыслах почувствовать себя лучше. Во-первых, мы, «записываясь» в «хорошую» команду, получаем положительные эмоции. Во-вторых, можем ненадолго расслабиться, отойдя от общепринятого «правильного» поведения, иными словами, можем отвлечься от «серых» проблем морального выбора, которые ежедневно нас изматывают. А в-третьих, можем выпустить пары, то есть освободиться от «плохих» эмоций, направив их на «плохих дядь».

Джон. Вы хотите сказать, что освобождаемся от напряжения, которое накапливается в нас за неделю «правильного» поведения? И обрушиваем скопившееся на «плохих дядь», которые это «заслужили», а потому не чувствуем, что поступаем «плохо»?

Робин. Именно. Я думаю, по этой причине большинство и обожает всякие спортивные состязания. В результате одного психологического исследования обнаружилась поразительная вещь: люди с действительно здоровой психикой все ─ болельщики. Менее здоровые, хуже адаптированные ─ не любят спорт. Но, конечно же, здоровые люди знают: настало время игры, они знают, что делают, они намеренно включаются в драку» и выключаются, возвращаются «в норму», когда игра завершится. Позабавились, хорошо провели время. Они не принимают игру всерьез.

Джон. А те, которые принимают? Хулиганят, посылают футболистам, севшим в калошу, грязные письма?

---

[1] Ведущий персонаж комедийного сериала «Дом Фолти» (1974), а затем одноименной книги (1977─1979) Джона Клииза и Конни Буд.

Робин. Ну, они где-то между нормальными, здоровыми людьми и клиническими параноиками. Им действительно необходимо «держать» свои отрицательные эмоции в других, как вообще склонным к параноидному поведению индивидам и семьям необходимо верить в то, что окружающие плохи, только и строят им козни ─ лишь таким способом эти люди и могут сохранить равновесие.

Джон. Им это необходимо, потому что если осознают, что сами с «червоточиной», могут тронуться?

Робин. Да. Чем прочнее люди «увязли» на этой ступени развития, тем необходимее им «чернить» окружающий мир, чтобы чувствовать себя лучше. Чем больше у них потребность «переписывать» себя «набело», тем слабее их связь с реальностью, тем ближе они к клиническим параноикам, к мании преследования.

Джон. А «увязли» они на этой ступени потому, что во младенчестве, в раннем детстве не выросли из нее, как нормальные люди. В родителях, очевидно, не нашли нужной опоры, заботы, очевидно, их родители сами пугались «плохих» эмоций. Иными словами, родители у них были с той же ступени развития.

Робин. Да, думаю, так. Дети не способны особенно «перерасти» родителей, во всяком случае, без мощного толчка со стороны.

Джон. Значит, почти клинический параноик, скорее всего, вырос в семье «закоренелых» параноиков? Как работает тут семейный механизм?

Робин. Нетрудно догадаться, что там, где каждый «застопорился» на этой ребячьей ступени подгоняемых по нужде «границ», семья будет постоянно отводить «плохие» эмоции.

Джон. Проецируя их друг на друга?

Робин. Да, а поскольку никому такого «добра» не надо, кончится тем, что в семье будут играть в игру «передай дальше».

Джон. Каждый по очереди получает «пакость» и нагружает ею другого?

Робин. Да, вместо того, чтобы признать свое и научиться со своим обходиться разумно. И раз никто в семье этого не умеет, ребенок, вырастая, решит, что с такими чувствами не все в порядке. Он тоже включится в игру.

Джон. У этой игры конца не бывает?

Робин. Случается, что не бывает. Но если болезненные эмоции затопят семью ─ например, в семье кто-то умирает или еще какое-то большое горе ─ она, вероятно, окажется неспособной к своеобразной «круговой поруке» и выберет кого-нибудь из своих, чтобы свалить на беднягу вину за выпавший горький опыт. Найдет, как говорится, козла отпущения.

Джон. Козел отпущения должен нести всю тяжесть отрицательных эмоций семьи?

Робин. Да. Семья, похоже, пересматривает свои семейные «границы» таким образом, что козел отпущения отныне оказывается снаружи. Каждый в семье отныне «хороший», а козел отпущения ─ вместилище всех пороков, причина всех страданий семьи. И, разумеется, раз козел отпущения такой «плохой», каждый может своими «плохими» эмоциями целить в него, оправдывая себя тем, что в их дурных делах худого козла вина.

Джон. И козел отпущения помешается под такой непомерной тяжестью.

Робин. Не обязательно. Но если напряжение в семье велико, если все больше болезненных эмоций сваливают на него одного, бедняга может оказаться в больничной палате.

Джон. А если случится такое, то ему трудно помочь, пока не убедите его семью взять назад все «плохие» эмоции, которыми они его нагрузили.

Робин. Верно! В этом и суть! К сожалению, большинство психиатров, не понимающих природы случая,— а даже сегодня многие не понимают — соглашаются с требованием семьи изолировать беднягу и лечить, то есть соглашаются с семьей в том, что он их «пациент», ему место среди душевнобольных.

Джон. Иными словами, перенимают отношение к бедняге как к козлу отпущения, который один и виноват. Принимают, фактически, сторону семьи... Ну, козла отпущения теперь нет — что происходит с семьей?

Робин. Поначалу в семье дышится легче, но — недолго. Конечно же, заработает отлаженный механизм, их опять будут резать по живому «плохие» эмоции. Но что уж совсем плохо — рядом не окажется козла отпущения, чтобы на нем отыграться!

Джон. И что дальше?

Робин. Дальше они могут попытаться вернуть козла отпущения.

Джон. Чтобы опять свалить на него свои «плохие» эмоции?

Робин. Да.

Джон. Уму непостижимо! А могут на кого-то другого в семье свалить их?

Робин. Со временем и такое может случиться. Я часто видел такое в семьях, где от «трудного» ребенка избавлялись, отсылая его в интернат. На самом же деле этот ребенок был в семье вместо губки — чтобы впитывать всю семейную «нечистоту»... Ну, и кто-то другой становился «губкой» в семье.

Джон. Так, если подобную семью можно вылечить, разъяснив им, почему у них завелся козел отпущения, убедив в необходимости снять с одного всем предназначенную ношу отрицательных эмоций, очевидно, в психотерапии нуждается семья в полном составе.

Робин. Вот тут возникают настоящие сложности — всю семью не собрать. Родители часто приходят, но наотрез отказываются приводить с собой других детей, тащат одного козла отпущения.

Джон. Почему?

Робин. Ну, мы же видели принцип действия параноидного механизма: отделить «плохие» эмоции от «хороших» — чтобы одни не вредили другим. Так и с детьми: родители стремятся уберечь «хорошего», удачного ребенка — или детей — от того, которого считают негодным.

Джон. От «червивого яблока»... А то еще крепенькие испортятся...

Робин. Да, это их взгляд на вещи. Подсознательно они боятся, мне кажется, что, явись все вместе, тайное станет явным. Но они будут возмущены, если вы намекнете на суть. Я убежден, они не осознают ситуацию. Больше того, тут каждый «замешан». Понимаете, козел отпущения всегда в какой-то степени сам «напрашивается»...

Джон. Шутите!

Робин. Нет. Это Вам подтвердит большинство практикующих в семейной психотерапии. Разумеется, «козла» толкнули на роль другие, но он всегда знает, что выручает семью, принимая «удар на себя». В детстве всегда кажется, что лучше иметь родителей, которые, по крайней мере, останутся вместе и — пускай несчастные: подавленные, отчаявшиеся — а присмотрят за своим ребенком, чем таких, которые раздерут друг друга в клочья, покончат самоубийством или бросят вас.

Джон. Но ребенок же не способен, на самом деле, всего этого понять.

Робин. Скажем так: он замечает, что обстановка в семье становится чуточку устойчивее после того, как он соглашается быть «плохим».

Джон. Значит, ребенок, «соглашаясь» на роль, чтобы выручить близких, становится в семье... мусорным ведром. И пускай в извращенной форме, но все же обеспечен вниманием.

Робин. Верно. Конечно, ребенок теперь чувствует, что играет очень важную роль в семье.

Джон. Чудеса! Вы хотите сказать, что козел отпущения чувствует себя «нужным»?

Робин. Именно. Семья действительно нуждается в нем, пока он согласен на роль «мусорного ведра». И таким безумным способом он обзаводится в семье надежным «местом».

Джон. Значит, чтобы лечить такую семью, Вам необходимо собрать их у себя всех вместе и ни в коем случае не принимать сторону семьи.

Робин. Сторону козла отпущения тоже не принимать. Не брать ничью сторону, ведь иначе вы — соучастник игры «в виноватого», соучастник параноидного действа. Вполне естественно посочувствовать козлу отпущения и встать на его сторону, но психотерапевт должен остерегаться этого — «не сработает». Поддерживая только козла отпущения, остальную семью вы лишаете уверенности, глубже загоняете в паранойю, отбираете всякую способность «владеть» своими «плохими» чувствами, поэтому, вернувшись от психотерапевта домой, они, скорее всего, свалят на своего беднягу «козла» ношу еще тяжелее. Необходимо рассматривать семью как систему — никого не виня. По причинам, теперь понятным, все должны почувствовать вашу поддержку. Тогда они будут меньше пользоваться игрой «в виноватого» как предохранительным клапаном.

Джон. О'кей. Итак, примерно к шести месяцам ребенок проходит «параноидную» фазу развития, то есть избавляется от «плохих» эмоций, проецируя их на окружающий мир. Затея неудачная, потому что окружающий мир становится для него хуже, чем есть. Впрочем, ребенок может упорядочить свои «границы» и «поправить» взгляд на реальность, если получает необходимую поддержку в семье, ведь тогда эмоции меньше терзают, их легче вытерпеть, ими легче владеть. И ребенок, следовательно, преодолевает «параноидную» фазу, если только у его семьи... нет «сдвига» по этой фазе. В таком случае семья заведет игру «передай дальше» и будет «швырять» друг в друга всеми своими эмоциональными «отбросами», пока, как часто случается, кто-то один не согласится стать козлом отпущения и взять на себя мерзкую ношу, чтобы всех выручить.

Увы, среди нас мало счастливчиков без этих «параноидных» наклонностей. Даже в нормальнейшей из нормальных семье человек, испытывая перегрузку, на время становится «слегка» параноиком и заявляет, что он ни в чем, ни в чем абсолютно не виноват, но все кругом во всем виноваты. Разница между этим человеком и клиническим параноиком существенная: первый вскоре «поправит» свои «границы» и признает временное «помрачение ума», второй никогда не сумеет выбраться из параноидных «дебрей» в реальный мир.

Узнаем мамочку

Джон. Итак, окруженный любовью и заботой, ребенок преодолевает «параноидную» фазу... в шесть месяцев?

Робин. Примерно в шесть. Это, разумеется, постепенный процесс — без резкого рывка.

Джон. Какой же следующий урок ему необходимо усвоить?

Робин. Для «параноидной» фазы характерно то, что представления и эмоции у ребенка не связаны воедино, не уравновешены.

Джон. Чувства существуют вразброс.

Робин. Не только чувства. До пяти, примерно, месяцев мать, например, для младенца — все еще в отдельности грудь, голос, глаза, руки, лицо и так далее.

Джон. Но и до пяти младенец мать узнает.

Робин. Да, конечно. Я пытаюсь входить в тонкости, большинство же Вам совершенно справедливо скажет, что общение начинается у матери с ребенком месячного возраста: ребенок, к примеру, начинает узнавать материнский голос, к трем месяцам выделяет мать среди других, к пяти месяцам реакция на мать у него совершенно четкая.

Джон. А дальше?

Робин. В следующие шесть месяцев ребенок учится соединять разные разности — лицо, грудь, руки — воедино: «лепит» себе человека!

Джон. А если он начинает воспринимать мать как целое, наверное, и себя — тоже?

Робин. Да, он яснее воспринимает свою целостность. Значит, он уже не так подчинен своим «крайним» эмоциям. Ужасно, когда мучит голод и — никого, хоть залейся слезами. Ужасно по-прежнему, но станет чуточку легче, если можно вспомнить — поначалу не слишком отчетливо — как он блаженствовал последний раз, насыщаясь, если можно представить, что скоро ему, вероятно, опять сытым быть.

Джон. Чувства начинают связываться и уравновешивать одно другое, отсюда возникает умение владеть собой.

Робин. Верно. А теперь вернемся к младенцу, осознающему мать. Подобно тому, как он складывает воедино физические «разности», он начинает соединять мать, которая приходит, кормит и делает счастливым, с тем же самым лицом, которого часто нет рядом, которое нарочно его бросает и... мучит.

Джон. Вы хотите сказать, у него в голове существовало до этого две разных матери? Добрая фея-крестная и злая ведьма?

Робин. Похоже, что так. И теперь, в шесть месяцев, у него в сознании эти две поляризованные фигуры начинают совмещаться в одну.

Джон. И поляризованные, «крайние» эмоции ребенка по их поводу тоже начинают связываться воедино. Неуютное, мягко говоря, положеньице!

Робин. И болезненный поворот. Чрезвычайно тяжело обнаружить, что ненавидите того, кого любите.

Джон. Особенно, когда полностью зависите от матери.

Робин. Но тут есть и положительная сторона. С этого момента любовь меняется — «обогащается» заботой, любящей обеспокоенностью из-за близких: все ли с ними в порядке.

Джон. В противоположность корыстной любви, когда весь ваш интерес в них «упирается» будто в буфет — что бы такое взять...

Робин. Да. Ребенок делает первый шаг к более зрелому — «равнонаправленному» — чувству любви, когда заботятся друг о друге, потому что друг другом дорожат. Те, кто так и не встал на эту зрелую ступень, видят в иных людях «грудь» или «рожок», у таких одно стремление — «высосать». Наркоманы и тяжелые алкоголики существуют тем же стремле-

нием, они «застряли» на ступеньке пятимесячного младенца. Или шизофреники... для них иные люди ─ объекты, то есть разрозненные голоса, губы, тела, мозги, груди, гениталии... Может беспокоить отсутствие материнской груди, но заботиться можно о живой, настоящей, целостной матери.

Джон. Итак, ребенок четче прорисовывает мысленную карту мира и представляет свою мать и себя целиком, откуда в нем пробуждается способность испытывать неподдельную заботу о другом человеке. Эта способность дается ребенку ценой соединения для себя многих противоречивых чувств, существовавших раздельными в «параноидной» фазе. Процесс доставляет ему беспокойство, особенно когда ребенок открывает, что ненавидит ту же, которую любит и от которой полностью зависим ─ свою мать.

Робин. Ребенка еще больше тревожит иная сторона происходящего. Как только он начинает воспринимать свою мать и себя «целостными», то обнаруживает, что отделен от мамы. А прежде они «перекрывались».

Джон. Вы хотите сказать, что, обводя себя на своей мысленной карте, он обнаруживает: между ними... черта?

Робин. Да. Обвести ─ значит обозначить, что внутри и что снаружи. Уже язык дает почувствовать: становясь «единым», вы остаетесь «один». Осознавая свою отдельность, ребенок утрачивает ощущение безопасности; пока же «границы» его и матери перекрывались, он чувствовал себя защищенней. Теперь, осознавая отдельность матери, ребенок должен проникнуться вероятностью ее потери ─ вероятностью потери своего спасательного троса.

Джон. Осознать, что отделены от той, которая поддерживает в вас жизнь, а значит, вы можете ее потерять... Кошмар! Как долго длится этот мучительный процесс отделения?

Робин. Все наше детство, в определенном смысле. Всю нашу жизнь, особенно когда свыкаемся с тем, что люди смертны. Что касается ребенка, то наиболее болезненный период этого процесса отделения приходится на возраст от шести месяцев до трех лет: страх потерять мать достигает у ребенка крайней степени, и ребенок крайне нуждается в заверении, что она не собирается его покидать.

Джон. Это беспокойство, возникающее от сознания своей отделенности, появляется у ребенка неожиданно или нарастает постепенно?

Робин. Вскоре после того, как ребенок достигает шестимесячного возраста, он стремительно осознает «отдельность» матери, и его беспокойство «подскакивает» до наивысшей точки, а затем понемногу снижается. От полугода до трех лет ребенок предельно страдает от длительного отсутствия матери. Поэтому, а также потому, что теперь узнает ее среди всех, привязанность ребенка к матери необыкновенно сильна.

Джон. Что происходит с ним в этот период, если мать долго отсутствует?

Робин. Британские исследователи Джон Боулби, Джеймз и Джойс Робертсон, изучавшие детей, отделенных от семьи, описали три стадии, через которые проходит ребенок, надолго оставленный без матери. Первую определили как «протест»: огорчение, недовольный плач, поиск исчезнувшей матери, стремление ее вернуть. Любопытно, что ребенок, воссоединяясь на этой стадии с матерью, обычно на какое-то время становится просто несносным ─ будто в наказание матери за то, что бросила. Дав выход раздражению, ребенок возвращается в норму. Он вновь обретает равновесие, хотя по-прежнему очень чувствителен к долгому отсутствию матери.

Джон. Действительно любопытный штрих ─ наказание матери! Я замечал прямо противоположное: когда мать находит потерявшегося ребенка, она часто от души награждает его шлепком ─ наказывает за пережитый по его вине страх.

Робин. Верно. Мы легко забываем, что привязанность ─ вещь взаимная, что разлука причиняет страдание обеим сторонам.

Джон. А что Боулби и Робертсоны выяснили о более продолжительной разлуке?

Робин. В этом случае ребенок оказывается на стадии, названной ими «отчаяние» он очень тихий, несчастный, отрешенный и вялый. Прекращает играть... Кажется, что потерял интерес ко всему на свете. Прежде, когда отсутствовало правильное толкование ситуации, больничный персонал делал вывод, что ребенок перестал волноваться, успокоился. Но в действительности ребенок на этой стадии почти смирился с тем, что мать никогда не вернется. Попав же домой, он куда дольше преодолевает пережитое. Вроде бы совсем лишившийся уверенности, еще крепче привязывается к матери. Может продолжительное время оставаться подавленным. Прежде чем войти в норму, обычно проходит стадию «протеста» и бывает очень трудным. Как ни странно прозвучит, но это хороший знак.

Джон. Он вынужден немножко пережать, вновь обретая уверенность, что способен негодовать...

Робин. Ну, а третья стадия ─ «отчуждение» ─ самая серьезная. После «отчаяния», если мать отсутствует, ребенок внешне оправляется. Оживляется, с виду уже не так несчастен, опять начинает играть и реагировать на окружающих. Прежде медицинский персонал и в этом случае полагал, что ребенок вернулся в норму. Теперь мы знаем, что фактически ребенок только поверхностно восстановил свое равновесие... уничтожив любовь к матери.

Джон. Такой ценой он может справиться со своей потерей. Не так страшно потерять маму, если она не любима.

Робин. Верно. Воссоединение матери и ребенка, пережившего стадию «отчуждения», может оказаться горестным для всей семьи. Ребенок кажется переменившимся, неискренним, эмоционально отдалившимся ─ по той причине, что его любовь к матери мертва, или, так сказать, заморожена. Из этой стадии его вывести труднее всего.

Джон. Ну, а если он получит хорошую, заслуживающую доверия «суррогатную» мать?

Робин. Ребенок все равно на какое-то время погружается в первую и вторую стадии ─ «протеста» и «отчаяния», но худшей, третьей, может избежать.

Джон. Ужасно.

Робин. Да, серьезная проблема. К счастью, теперь, когда мы понимаем ситуацию, родителям разрешается чаще навещать маленького ребенка в больнице или даже оставаться с ним во время лечения, так что есть возможность две последние стадии предотвратить.

Джон. Почему не заходит речь об уязвимости ребенка до шести месяцев?

Робин. Вспомните, ребенок до пяти-шести месяцев не осознает мать как целое. Некоторые матери поразятся, но до полугода ребенок практически безболезненно примет «суррогатную» мать, потому что не заметит особой разницы.

Джон. Теперь кое-что понимаю... А раньше не мог взять в толк, как это столетиями из британских младенцев, предоставленных матерями кормилицам, выходили британцы без всякого «привкуса» сиротства. Хорошо, к трем годам, Вы говорили, ребенок уже не так остро реагирует на долгое отсутствие матери. И почему же?

Робин. В два с половиной, в три года ребенок крепче «держит» мать в памяти, фактически семью целиком «носит» в уме. Даже если никого из них нет рядом, ребенок способен понять, что они живы, что он будет с ними.

Джон. О'кей, давайте вернемся к тому, о чем Вы говорили раньше. Я спросил, что происходит, если ребенок не получает эмоциональной поддержки от матери, и Вы обратились к разъяснению Боулби и Робертсонов на этот счет. Впрочем, предполагали, мне показалось, еще ситуацию: мать может и не отлучаться, но тем не менее окажется не способной дать ребенку подлинной... подлинной...

Робин. Заботы, поддержки, материнской любви ─ называйте, как хотите.

Джон. Так Вы считаете, все без исключения матери любят своих детей?

Робин. Уверен.

Джон. Тогда отчего... не знаю, как и выразиться, отчего же одна мать любит своего ребенка... «правильнее» другой?

Робин. Знаменательно, что Вы запнулись, ведь мы ступаем тут по чрезвычайно зыбкой почве нравственных эмоций. С одной стороны, люди совершенно, кажется, непроизвольно реагируют на плохое, по их представлению, отношение матери к ребенку. Худшим из оскорблений ─ на любом языке ─ женщину поносят как мать. С другой стороны, мало кто, кроме самой матери, понимает всю непомерность требований, которые предъявляет к ней ребенок, а часто она вынуждена справляться одна, без посторонней помощи. Однако, случается, что женщина не способна дать ребенку необходимую любовь, не способна на требуемую близость. Но ─ и я подчеркиваю ─ страшной ошибкой было бы винить в этом ее.

Джон. Да, Вы говорили, она, возможно, окажется не способной проникнуться чувствами ребенка по той причине, что ее собственное детство было мучительным. Что означает: к ней не смогла «подключиться» ее мать.

Робин. А к ее матери ─ ее мать, и так вглубь поколений. Это называется «цикл депривации». Вспомните Харлоу и его эксперимент с обезьяньими детенышами.

Джон. Детеныши предпочитали «тряпичную» мамку «проволочной»...

Робин. Да. Харлоу ясно проследил этот цикл депривации. Детеныши, выращенные без матерей, сами становились неполноценными матерями. Обычно или не замечали своих сосунков, не трудились их покормить, часто отталкивали, когда те к ним жались, или даже нападали на малышей, угрожая жизни, так что молодняк приходилось изолировать.

Джон. А те, которые росли с «тряпичными» самками-мамками, ─ те оказались матерями получше взятых от проволоки или вообще из пустого угла?

Робин. По результатам эксперимента ─ да. Если мать, не знавшая своей матери, хотя бы росла в играх с себе подобными, ее способность ухаживать за детенышем оказывалась выше.

Джон. О'кей, передышка, во мне информации через край. Дайте-ка попробую переварить. Мы с Вами говорили о переменах: если слишком много перемен за слишком короткий отрезок времени ─ то мы «свалились». Говорили о том, что нам требуется, чтобы справиться с переменами: «заслон» от всех прочих нагрузок и отдых, ободрение, эмоциональная поддержка. Потом выяснили, какое напряжение испытывают родители новорожденного, а потом попытались представить, какой же поразительной силы поток перемен обрушивается на самого младенца ─ понятно, почему его требуется всячески оберегать и безмерно любить. Так. Щит и любовь обычно обеспечивает мать ─ природа позаботилась снабдить нас инстинктом, называемым «привязанностью». Этот инстинкт «привязывает» ребенка с матерью друг к другу. Речь не просто о физическом выживании ─ ребенок должен получить от матери любовь для того, чтобы расти, становиться мало-помалу более уверенным, более независимым. Так, дальше?..

Робин. Дальше мы выяснили, что человеческий детеныш по-настоящему «привязывается» в пять-шесть месяцев — тогда он способен осознать свою мать и узнавать ее.

Джон. А у животных эта привязанность устанавливается раньше?

Робин. Да. Вспомните Конрада Лоренца[1] и его гусей. Он обнаружил, что гуси вследствие импринтинга привязываются к первому предмету, который видят.

Джон. Помню. Один выводок — только из скорлупок — увидел первым Лоренца. Гусята взяли себе Лоренца мамой.

Робин. А помните, другому выводку на глаза первым попался большой желтый шар? «Реакция следования» вела гусят за ним, пока шар не лопнул, кажется.

Джон. Наверное, жуткое зрелище, когда ваша мать взрывается. Где-то в Германии должен обитать крайне отчужденный гусь... Итак, в возрасте от шести месяцев до двух-трех лет нормальный ребенок очень сильно привязан к матери, и если в этот период он разлучен с матерью, не получает сильнейшей компенсирующей поддержки, ребенку, скорее всего, придется страшно плохо. В случае действительно долгой разлуки с матерью — например, при госпитализации ребенка — он переживает горький опыт, делимый Боулби на три стадии: протест, отчаяние, отчуждение. Кроме того, Вы подчеркивали, что для ребенка не все проходит гладко, даже если мать остается при нем постоянно, она может оказаться не способной наладить с ним общение, то есть «включить» эмпатию, погрузившись в переживания своего детства, а не способна — из-за болезненных воспоминаний. Ребенок ощутит это и, несмотря на все, что получает, будет чувствовать, что любим «не по правилам». Но глупо было бы сваливать вину на мать — возможно, у нее самой детство оказалось тяжелым. Не стоит винить и бабушку, потому что, вероятно, и у бабушки... и у прабабушки... и у прапрабабушки...

Робин. Да, виноватых пусть ищут политики.

Джон. Ладно. Теперь я хотел бы узнать подробнее, что такое эта Ваша «депривация».

Смотрим за ребенком в себе

Робин. Что Вы чувствуете, если ущемлены?

Джон. Если попал «под стресс»?

Робин. Да.

Джон. Ну, прежде всего, чувствую: мышцы напрягаются — особенно плечевые и шейные. Плечи просто к ушам поднимаются! Подбородок делается «стальным», на висках, на лбу напрягаются мышцы.

Робин. А психологическая картина?

Джон. Возмущен. Я чувствую, будто много отдал и ничего не получил взамен. Чувствую себя обиженным, хотя стараюсь не показывать этого. Но скрытое раздражение каким-то образом проступает наружу — вроде бессловесной жалобы. Потом впадаю в легкую паранойю: все против меня, чего еще им всем от меня надо! Я знаю, что это глупо, но рассудок, похоже, не в силах обуздать мои чувства. Я становлюсь Бэзилом Фолти, на какое-то время перенимаю его «повседневный» взгляд на жизнь. И я не нравлюсь себе таким.

Робин. Хочется закричать?

---

[1] Лоренц, Конрад (1903-—1989), австрийский зоолог, один из создателей этологии.

Джон. Нет, теперь — нет, но пять лет назад я бы сказал «да». Знаете, мне вдруг пришло в голову: это все так, будто внутри у вас капризничает ребенок. Странные вещи говорю?

Робин. Нет. Все это вполне обыкновенные ощущения, хотя люди редко описывают их столь точно. Впрочем, Вы сказали одну поразительную вещь — про ребенка, который внутри у Вас. На дело можно именно так и смотреть: у всех у нас внутри ребенок. В жизни порядок — он затих. Какие-то волнения — он реветь. И если мы сами не позаботимся о нем, не приласкаем, если вдобавок не окажется рядом никого, кто бы помог нам в этом... можем очутиться в больнице. Мы выйдем из строя. Недостаток душевного тепла может привести к серьезной «телесной» поломке.

Джон. Вы говорите — у всех у нас... Вы считаете, у каждого ребенок внутри?

Робин. Конечно! Когда я впервые прочел Боулби, я подумал, что он немного тронулся на важности материнской заботы. Но чем больше я набирался опыта, тем больше убеждался, что Боулби прав.

Джон. Значит, у кого-то внутри здоровенный ребенок, а у кого-то — незаметненький кроха?

Робин. Скажем так: чей-то скрытый внутри ребенок расстроен больше других.

Джон. А крутые парни? Неужели и в них по ребеночку?

Робин. Я со всякими встречался — у всех.

Джон. Значит, даже если «ребенок внутри» спокойненький, в случае стресса он еще как раскричится?

Робин. Да. И очень полезно разобраться, что там за «крутостью» у этих парней. Если речь о так называемых «настоящих мужчинах», то они пытаются внушить всем своим видом, что никакого младенца в себе знать не знают. И поэтому никогда о нем не заботились. Поэтому другим от них тоже ничего не получить, это настоящие злыдни. Они противостоят стрессу, сколько могут, а потом неожиданно валятся. Истинно крепкие люди признают ребенка в себе и умеют за ним присмотреть. Это такие люди могли вынести все муки в гестапо и еще поддерживали товарищей.

Джон. Кстати, техника допроса на том, наверное, и строится, чтобы растревожить «ребенка внутри»? Нагнетают напряжение, отнимают всякую возможность обрести эмоциональную опору.

Робин. Заключенных намеренно лишают чувства времени, оставляют с завязанными глазами, пытают шумовым воздействием — отрезают от внешнего мира, отнимают даже этого рода опору.

Джон. Выражение «смотреть за собой» много говорит — правда? Крепкий человек — это тот, который способен «смотреть за собой». За нами смотрят матери. Значит, крепость и независимость обретается вместе со способностью стать самому себе матерью.

Робин. Верно. Дать себе все, в чем нуждаетесь. Человек, неизменно способный к этому, будет сильным и независимым.

Джон. Его «ребенок внутри» всегда доволен. Но давайте вернемся к «нашей» матери и ее ребенку. Точнее — к двум: одному ребенку, рожденному ею, другому — которого она постоянно держит в себе. Вероятно, она должна смотреть за обоими?

Робин. Да. И — я Вас удивлю, наверное,— «хорошая» мать, та, о которой больше заботились в детстве, сама росшая счастливым ребенком, как можно раньше прекратит кормить грудью и переведет младенца на искусственное вскармливание.

Джон. Зачем?

Робин. Чтобы «поделиться» ребенком. Отец ведь тоже способен напоить его из бутылочки. Еще кто-то может присмотреть за ребенком, пока родители выйдут ненадолго на люди!

Джон. Не хотите же Вы сказать, что здоровая мать, о которой в детстве больше заботились, меньше дает своему ребенку?!

Робин. Нет, совсем нет. Она знает всему меру. Иными словами, знает, что должна делать. Иногда кормит грудью ребенка до года и дольше.

Джон. А это зачем?

Робин. Ради удовольствия. Для себя. Что одно и то же. Она может дать себе то, в чем нуждается, позаботиться о себе. Когда она с ребенком, она способна наслаждаться, отдавая ему все свое внимание... От вашей любви к себе разливается любовь вокруг — разве не так?

Джон. Так — буддисты говорят. У меня был друг, который чувствовал, что должен научиться больше отдавать другим, и он отправился на организованный буддистами под лозунгом «Милосердие» уик-энд. Весь уик-энд они обучали его сердечнее относиться к себе. Для них точка отсчета тут... Итак, «хорошая» мать способна наслаждаться, отдавая ребенку все свое внимание, потому что одновременно она заботится о ребенке в себе.

Робин. Верно. Хотя мне не нравится это выражение — «хорошая мать». Винникотт, знаменитый педиатр и психоаналитик, предпочитал говорить о «достаточно хорошей» матери. На самом деле, будь мать совершенной — неизменно являйся к ребенку в нужный момент и давай ему именно то, что требуется — она бы обеспечила его проблемами, как мы выяснили.

Джон. Навсегда непроясненными «границами»...

Робин. Да, поэтому мы и не ведем речь о материнстве высшей пробы, о матери, «тянущей» на золотую Олимпийскую медаль. Мы говорим о матери, уделяющей ребенку очень много внимания на какое-то время,— о «хорошей» матери.

Джон. Ну, а та, которая не способна к этому, та, которая «ущемленней»?

Робин. Та, которую саму не любили? Ей крайне трудно убедить себя доверить ребенка еще кому-то. Она считает, что это недопустимо. И поэтому почти безотлучно находится при ребенке. Но ей крайне трудно и отдавать ребенку — даже ненадолго — все свое внимание. Она постоянно сосредоточена на других вещах, ей трудно настроиться на волну ребенка, ведь она и в себе эти «частоты» глушит. И, конечно же, чувствует себя ужасно. Ее «ребенок внутри» разрывается от крика, оставленный без внимания, она же неотлучно при своем чаде, но не имеет ни малейшего представления, как дать себе то, в чем нуждается.

Джон. И такая считает себя «негодной» матерью.

Робин. Именно! Она чувствует, что в чем-то она подводит, хотя делает все мыслимое и даже больше, на первый взгляд, чем «просто хорошие» матери, чьи дети цветут довольством. Конечно, она думает, что все кругом справляются с материнскими обязанностями безупречно, одна она не способна...

Джон. А если бы она заглянула в себя?

Робин. В том-то и проблема: она не заглядывает.

Джон. Что же, по ее мнению, не так?

Робин. Ну, обычно такая мать приходит к мысли, что у нее очень трудный ребенок. И ее ребенок действительно беспокойный, он все время держит ее на ногах, у него постоянно болит животик, он постоянно плачет.

Джон. Как и ее «ребенок внутри».

Робин. Совершенно верно. Ее «ребенок внутри» исходит плачем, потому что его не замечают. Она все равно что захлопывает дверь детской, отгораживаясь от плача своего ребенка во плоти, вместо того, чтобы взять его на руки и успокоить. Иными словами, ее плачущий в кроватке ребенок ─ зеркальное отражение ее плачущего «ребенка внутри». Ребенок несчастен, нервозен, потому что мать несчастна, нервозна.

Джон. Поразительно, все прямо соотносится с первым важным уроком из этой книги: не «мучительные» чувства источник проблем, а наше отрицание этих «мучительных» чувств. Отказываемся же мы от них потому, что все в нашей семье считали их неприемлемыми, и мы были вынуждены сунуть эти чувства за «ширму». Тут чувство... чувство ущемленности, обиды, иными словами, ревущий ребенок упрятан за «ширму». Значит, решить проблему, ослабить чувство ущемленности человек может, если достанет ребенка из-за «ширмы», признает своим и утешит.

Робин. А помните, что обычно препятствует этому?

Джон. Страх, что семья не одобрит наш поступок. Раз семья не одобряла какое-то чувство, поэтому-то и упрятанное за «ширму», попытайся мы вытащить его на свет ─ даже годы спустя ─ вновь, застыдившись, съежимся под осуждающим «взглядом».

Робин. А поскольку этот «взгляд» придавил нас, еще когда мы были малы и зависимы, попытка обернется для нас настоящей пыткой. Пройти через все это нелегко.

Джон. Помню по собственному опыту. Я, после приличной типично английской школы для мальчиков, считал себя оч-ч-чень независимым крепким парнем, а главное сверх-х-х-нормальным. Зачем мне какая-то привязанность? Все эти телячьи нежности? У меня появилось этакое снисходительно-презрительное отношение к тем, кто своим видом показывает: ему нужна забота. И только попав в Вашу группу ─ в тридцать пять! ─ я начал понимать, как нуждаюсь в любви и душевном тепле и как же трудно для меня показать, что мне это нужно.

Робин. Что Вы чувствовали, когда пробовали просить об этом?

Джон. Стыд. Свою неполноценность. В конце концов, я же представлял себя таким... «мужественным». Вначале я думал, что окружающие запрезирают меня, если я скажу им, что хочу сердечности. К тому же я обнаружил, что чувствую: «не положено» просить об этом. Но потом сделал удивительное открытие: если я показывал женщине, что нуждаюсь в ласке, я ей нравился! Она не вышвыривала меня за дверь ─ а я всегда где-то в глубине души думал, что именно так она и поступит в ответ на мою очевидную слабость. Но все же совсем не сразу я поверил в свое открытие по-настоящему.

Робин. Ну, первоначальный «рефлекс» у Вас длительное время вырабатывался, ничего удивительного, что Вы меняли его на обратный довольно долго. Но страх, чувство неполноценности, мысль, что Вам что-то «не положено» ─ это те самые чувства и мысли, которые не дают матери достать из-за «ширмы» ребенка, раз уж спрятала. Ей незачем напрягаться, чтобы выглядеть «мужественной», но она не в меньшей степени озабочена тем, чтобы не выглядеть «сущим ребенком». В этом-то и сложность, хотя у всех есть потребность быть ребенком.

Джон. Подождите, **Робин.** Но предположим, она права. Не в том смысле права, что притворяется, будто у нее нет этой потребности. Предположим, она права, думая, что не по-

лучит нужного тепла. Если неоткуда взять любви, может, лучше, безопаснее не будоражить себя? Зная, что не будет поддержки, чтобы справиться с доставляющими боль чувствами?..

Робин. По своему опыту скажу: даже так настроенным людям поддержки всегда находится предостаточно.

Джон. Но, наверное, не всем польза...

Робин. Попробую Вас убедить.

Где взять поддержку

Джон. Вы считаете, что почти всегда люди получат заботу и любовь, если попросят?

Робин. Да, только не надо отгораживаться. Они сами ставят преграды, иначе получали бы. Упрятали своего ребенка за «ширму» да еще «сигналят» ─ выражением лица, жестами, позами,─ чтобы от них держались подальше.

Джон. «Сигналят», что у них, вроде бы, нет ребенка за «ширмой»... чтобы никто не повел себя с ними как с детьми.

Робин. Разумеется, они поступают так неосознанно. Со стороны они кажутся резковатыми, воинственно настроенными ─ кому придет в голову ободрять их, проявлять к ним сердечность?

Джон. Мне, вот, вспомнилась одна девушка из нашей группы, первые три занятия всех выводившая из себя. Она явно получала удовольствие, раздражая других. А когда ей платили агрессивностью за агрессивность, просто наслаждалась. Но на третьем, кажется, занятии Вы проигнорировали ее клич к войне и обратились к ней очень дружески, буквально за минуту отогрели ее вниманием, доброжелательностью. К нашему всеобщему изумлению она, помню, расплакалась и рыдала с четверть часа. На следующее занятие она явилась сияющей.

Робин. Да, она затевала стычки только для того, чтобы никого не подпускать к своей ущемленности.

Джон. Яркий пример «групповых» эффектов. Люди часто думают, что групповая терапия ─ это скучнейшая пьеса «высоколобого» анализа. А на деле ничего подобного.

Робин. Да, психотерапевт, на самом деле, просто выжидает момент, когда кто-то уже готов встретиться лицом к лицу с мучающим его чувством, и пробует легонько подтолкнуть «партнеров» на сцену. Совершенно верно, тут мало «вербального» анализа. Великое благо даже «аналитической» психотерапии в том, что ее «средство» ─ подражание. Аналитик открыто, естественно обращается с чьими-то чувствами, находя их приемлемыми, тогда и их нерадивый «хозяин» раскованнее следует примеру... не вникая в механизм действа.

Джон. Давайте вернемся к ущемленным матерям. Так Вы говорите, они получили бы требуемую поддержку, если бы подали верный сигнал? Но эти ущемленные матери росли в ущемленных семьях, где мама, папа, братья, сестры ─ все были ущемлены. Скорее всего, и в отцы своему ребенку ущемленная выбрала ущемленного. Вероятно, у их друзей те же проблемы.

Робин. Найдутся люди, способные на поддержку. Соседи, например, и так далее. Но пусть даже все «зациклились», не забывайте про один важный источник. Часто, что интересно, дети могут дать родителям требуемую любовь.

Джон. Дети?!

Робин. Дети!

Джон. Не скажете же Вы, что детям это полезно?

Робин. А почему нет? Если дают сами, без принуждения... Дети вообще очень великодушны и с радостью дают родителям, только бы те принимали. Кроме того — если родители не собственники, не ревнивы,— дети найдут любовь не в семье, но у родственников, соседей, друзей, в школе — где угодно и, в каком-то смысле, сделаются взрослее родителей! Иными словами, у них будет что дать. И они с радостью отдадут. Больше того, меняясь на время ролями в этой семейной игре в дочки-матери, дети заранее учатся быть родителями — учатся заботиться о других.

Джон. Значит, Вы думаете, отовсюду можно получить поддержку, если человек посылает соответствующие сигналы?

Робин. Да. Возьмите, к примеру, отца новорожденного. Он чувствует себя обойденным вниманием — так? Мать должна получать от него громадную поддержку, взамен же практически ничего не дает, от общения с младенцем отец тоже имеет немного. Ему необходимо черпать поддержку из других источников: обратиться к родителям, к товарищам по работе, к друзьям и опереться на них, оставаясь опорой для своей жены и ребенка. Если он попросит о помощи, ему не откажут. Люди так устроены.

Джон. Хорошо. Итак, если кому-то не повезло в ранние годы, человек может найти подходящую замену необретенному опыту, при условии, что сознает в нем необходимость и посылает правильные «сигналы». Но нам следует быть готовыми к тому, что опыт выпадает не из приятных, что мы испытаем стыд и будем опасаться: люди нас «раскусили» и отвернутся от такого убожества.

Робин. Я бы не стал преувеличивать ожидаемые неприятности. Некоторые люди, возможно, не скрывают от себя, что временами им нужна любовь, необходимо внимание, им только надо признаться себе, что «приход» на 20% ниже требуемого. Это же совсем легко. У других, предположим, ребенок упрятан за «ширму» глубже. Но и они без особого труда решат проблему. Например, в группе матерей, которую ведет Пру, она говорит, что «отстающие» матери часто просто наблюдают за «успевающими» и видят, что и у них не без трудностей с детьми, не без своих нужд, но они, не колеблясь, признают трудности, удовлетворяют нужды. И тогда «скованные» проблемами матери немного расслабляются и тоже ведут себя естественнее. Им больше не надо притворяться, что все идет великолепно, а открывшись и попросив о помощи, они ее получают.

Джон. Звучит обнадеживающе. Но теперь расскажите о действительно серьезных случаях депривации. О вещах вроде «избиения младенцев», от которых у нас обычно мурашки по коже...

Тяжелая депривация

Робин. Изучая семьи, где малышам достаются побои, мы вновь обнаруживаем упоминавшийся цикл депривации. Избивающие своих детей родители сами обычно росли заброшенными, возможно, их родители грозили им чудовищными наказаниями и даже били. Очень поучительно познакомиться еще с некоторыми выводами Харлоу по его эксперименту с ущемленными обезьянками. Как я говорил, выращенные без матерей самки лучше смотрели за своими детенышами, если росли в играх с себе подобными или хотя бы имели фальшивую маму — тряпичную обезьяну, к которой могли прижиматься.

Джон. Даже это выработало чувство родства.

Робин. Что удивительно, наиболее ущемленные самки, отвергавшие, калечившие — а в редких случаях даже убивавшие — свое первое потомство, за вторым, третьим уже могли ухаживать, по крайней мере, на свой лад.

Джон. Что заставляло их перемениться?

Робин. Харлоу считает, что матерей переменили их первые детеныши.

Джон. С которыми они обходились так скверно?

Робин. Да. Ведь детеныши, сколько их ни отвергали, ни колошматили, неудержимо тянулись к своим матерям! И матери получали от первых детенышей заряд любви, которую и не искали. Этого хватило, чтобы они переменились.

Джон. Как же можно помочь самым негуманным из рода homo?

Робин. Удивительно, но большинство ущемленных родителей очень восприимчивы. Впрочем, они и очень трудны для контакта, требуется немало усилий, чтобы войти с ними в контакт, начать работать.

Джон. И как же все-таки Вы подступаетесь к людям, у которых особенно обделенный ребенок за «ширмой»? Как Вы помогаете им его обнаружить?

Робин. Нужно найти тактичный способ объяснить ситуацию, и в результате они примут поддержку, не пугаясь от неожиданности самого факта, что отчаянно в ней нуждаются. Можно, например, в дружелюбном тоне похвалить их за тот труд, на который они как родители отважились.

Джон. Кого похвалить? Родителей «избиенных младенцев»?!

Робин. Да. Даже их. Даже им можно сказать: «Вижу, какие усилия вы прикладываете, пытаясь правильно воспитать ребенка». И где тут ложь? Намерения всегда благие, просто люди идут единственно доступным их пониманию путем принуждения и наказания. Поэтому вместо того, чтобы критиковать, что только повредит делу, предложите им помощь в поиске лучшего пути, и уже своим отношением к ним вы покажете этот лучший путь. В других, менее тяжелых случаях можно действовать с большей прямотой. Одна из первых семей, обратившихся ко мне за помощью, жаловалась на якобы трудную дочь. Но дочь оказалась просто козлом отпущения. Вскоре выяснилось, что она была просто корзиной для всего семейного «мусора», для всех семейных проблем. История такова: дочь расстраивала родителей, начиная с двух лет и до четырнадцати — тогда-то ее как раз и направили ко мне. Мать же неоднократно во время кризисов оказывалась в психиатрических клиниках, совершила не одну попытку самоубийства. На пятом сеансе семейной психотерапии мать смогла признать, что отчаянно нуждается в любви и душевном тепле. И тогда дочь перестала быть «трудной», а стала для матери источником любви, какой она раньше не видела. Мать больше не попадала в клинику.

Джон. И все это потому, что Вы сумели открыть матери ее неудовлетворенную потребность.

Робин. Да, «услышав», при моей помощи, плачущего ребенка у себя за «ширмой», она позволила остальным членам семьи позаботиться о нем.

Джон. Не обошлось без «людоведа».

Робин. Нет, но это оказался действительно непростой случай, вызревавший» двенадцать лет, в течение которых мать семейства не раз пыталась покончить с собой. Большинству же обращающихся к вам достаточно сказать, что один человек всегда способен помочь другому, если только каждый признает свою потребность в любви и поддержке. Задумалась

бы об этом каждая британская семья хоть на десять минут, я считаю, через три недели счастливых британских семей намного бы прибавилось!

Джон. У меня к Вам последний вопрос. Мы говорили про эмоциональную поддержку, привязанность, заботу, любовь, внимание. Говорить говорили, но так и не открыли таинственный элемент «икс». Доктор, что же за этим словом ─ «любовь»?

Шире круг

Робин. А что, Вы думаете, это такое ─ любовь?

Джон. Ловко повернуто... Ну, если речь об эмоциональной поддержке, здесь, конечно, не обойтись без физического прикосновения. Без касания руками, поглаживания, объятий ─ всего, что обычно называют «лаской». Если вы испытываете напряжение, все это поможет вам почувствовать себя лучше, расслабиться, даст ощущение внутреннего покоя. И поможет обрести перед собой перспективу. Но здесь и много чего еще. Если я чем-то взволнован и просто посижу, поговорю с кем-нибудь, кто мне нравится, кому я верю, само присутствие этого человека улучшит настроение. Даже без физического контакта, даже если человек, с которым говорю, не в состоянии помочь мне советом или практически поддержать. В счет идет, кажется, само общение с ним ─ «незамутненным» суетой. Помню, Кестлер[1] писал об индейцах, собравшихся в одной деревне, чтобы послушать своего величайшего духовного наставника. Вначале он был поражен: индейцы, казалось, не очень-то слушали святое слово. Посматривали время от времени в сторону проповедника и опять принимались возиться с детьми, которых взяли с собой. Но вдруг ученый понял: они получали нечто от присутствия своего гуру, а не от его речей.

Робин. Ну, разве не ясно, что тут аналогия с нашим выводом относительно воздействия физического «удобства». Помните, Вы уже спрашивали у меня, как я понимаю любовь, и я рассказывал про обезьянок, про то, что им давала «тряпичная» мама? Мы с Вами согласились: дело в облегчении, покое, отдыхе на время, которые позволяют вернуть равновесие после расстроившей перемены. Дело в возможности «настроиться», «собраться», «исцелиться» после того, как, оказавшись «поверженными» вдребезги «рассыпались». Насколько сильно мы в этом нуждаемся, зависит от испытанного потрясения. Поразмыслите и Вы поймете: «под стрессом» мы нуждаемся в подключении к более мощной системе. Когда ребенок «под стрессом», ему необходимо подключиться к матери ради поддержки и обретения устойчивости. Матери, возможно, потребуется подключение к отцу, отцу ─ к родителям, сослуживцам и так далее. Иными словами, если нагрузка для кого-то одного непомерна, может потребоваться включение целой группы людей, способной справиться с переменой. Чем больших масштабов перемена, тем большая группа потребуется.

Джон. «Связь» ширится, как круги на воде...

Робин. Верно. Ссадина на коленке требует пластыря и маминой ласки, случится что-то серьезнее ─ доктора позовут, если рана опасная, и доктор один не справится, ребенка доставят в больницу.

Джон. Ну, а самая грандиозная их всех систем, к которой мы можем подключиться, наверное... Бог.

Робин. По крайней мере, в религиозном порыве человек достигает ощущения упорядоченности вселенной, ощущения смысла и цели всего происходящего. Несмотря на «сиюминутный» плохой оборот, человек может верить, что во вселенной все идет «правильно».

[1] Кестлер, Артур (1905─1983) ─ английский писатель и философ-антрополог.

Джон. Попутно скажу, что я всегда удивлялся необыкновенной благотворности медитации.

Робин. Я думаю, тут причина та же. Каждый, кто чувствует, что каким-то образом подключен к исполненной смысла космической системе, обретает большую психическую устойчивость и равновесие, независимо от того, верит он в Божью фигуру у пульта управления или нет. Множеству людей дано это благостное чувство включенности в превосходящий круг, хотя вы не назовете их людьми религиозными... Во всяком случае, в церковь они не ходят.

Джон. Меня всегда ошеломляла мощь наших великих викторианцев. Наверное, их секрет в крепости веры. Ведь им все беды, похоже, были нипочем, они поверженные, поднимались с обескураживающей легкостью и устремлялись дальше.

Робин. Я, кажется, упоминал об изучении здоровых семей, проведенном в Тимберлоне, в Далласе. Одно из поразительнейших открытий — в том, что здоровые семьи исповедуют какую-то трансцендентную систему ценностей, не замкнуты на себя. Я убежден: именно то, что они подключены к величайшей из возможных систем, и объясняет их редкую психическую устойчивость и «упругость». И я не устаю удивляться тому, что у многих моих «успевающих» пациентов обнаруживается интерес к смыслу и цели жизни.

Джон. Потрясающе! Начали со стресса, вызываемого переменами, перешли к привязанности и выяснили ее важность, выяснили, что ребенок, например, должен какое-то время быть связанным с матерью «на все сто», чтобы справиться со шквалом перемен, а заканчиваем открытием: самые здоровые семьи, чья отличительная черта — умение справляться с переменами, все — «держат связь» с трансцендентным.

Робин. Ну, теперь мы подготовились. Переменим тему.

ЗАПОЗДАЛЫЕ СООБРАЖЕНИЯ: ПАРАНОЙЯ И ПОЛИТИКА

Джон. Знаете, после того, как Вы рассказали про паранойю и описали механизм проекции, я вижу кругом все больше и больше примеров.

Робин. Все больше и больше людей сговариваются против Вас за Вашей спиной?

Джон. Спасибо за сочувствие, доктор. Дело, в общем, не в этом. Пока, во всяком случае. Но Вы говорили, что всякий раз, когда мы ловим себя на мысли, что нас не в чем упрекнуть, что во всех возникающих проблемах целиком виноваты другие ─ это и есть паранойя (не в клиническом смысле, просто «пойманная» мысль параноидна).

Робин. Да, если разделяем наши чувства на «хорошие» и «плохие» или на любовь и ненависть, а потом проецируем всю «скверну» на кого-то другого, на группу других людей ─ это параноидный образ действий.

Джон. Но нам не повредит изредка «поиграть в параноиков»? Например, на футбольном матче?

Робин. Нет, мы сможем выпустить пары, расслабиться, почувствовать себя среди «своих» ─ со своей командой.

Джон. И после матча нормальным людям легко погасить эти чувства?

Робин. Да, они просто «отключают» их в финале игры. Позабавились, конец потехе.

Джон. Но настоящие параноики «не отключаются».

Робин. Нет, им необходимо постоянно держать «плохие» эмоции в других людях.

Джон. Значит, если посмотрим на политику, где оправдание себя и обвинение других называют не меньше чем «искусством», то обнаружим в этих... художествах много от паранойи?

Робин. Ну, я думаю, обычные, нормальные люди занимаются политическими прениями, так же, как играют в футбол или болеют, наблюдая за игрой. Могут разозлиться в споре на выразителей иных взглядов, но потом забывают про враждебность к ним и опять принимают за себе подобных. Иными словами, я думаю, что большинство где-то в глубине души знает: политика ─ род игры, разыгрывание конфликта между группами людей по определенным правилам.

Джон. Значит, если посмотрим на «главный поток» текущей политической жизни в нашей стране, надо признать совершенно здоровым явлением жесткую борьбу партий во время дебатов и выборов, ведь потом каждый с каждой стороны погасит враждебность и будет способен завести дружескую беседу с недавним противником.

Робин. Да. В конце концов, политика ─ искусство возможного. Так ведь? Нельзя рассчитывать, что у всех взгляды сходятся, необходимо уважать различные точки зрения, по возможности искать разумный компромисс.

Джон. Но заправским экстремистам это не по силам ─ нет же? Они не способны видеть в своих политических оппонентах людей с иной точкой зрения. Они видят в них просто «скверну».

Робин. Такие политики в оппонентах видят мусорное ведро, куда можно швырнуть негодные жмыхи после того, как себя «рафинируют». Та же история, что и с козлом отпущения в нездоровой семье. Им необходимо ненавидеть своих оппонентов, чтобы сохранить рассудок.

Джон. Иными словами, ненавидя, они могут держать «ширму», чтобы не свалилась и не открыла их собственные недостатки.

Робин. Верно. Рьяное увлечение политикой ─ обычно способ личные болезненные противоречия вынести вовне и отгородиться от них.

Джон. Что же случится, если такие политики станут вникать во взгляды своих противников?

Робин. Это для них опасно, ведь тогда им придется взглянуть на свои недостатки и слабости. «Ширма» может свалиться, и они увидят в себе самих ту скверну, которую приписывали партии соперников. Поэтому, чувствуя такую опасность, они быстро «изготовятся» и выступят с подстрекательской речью, обвиняя других в стремлении залить страну реками крови и установить фашистскую диктатуру, а в результате еще на какое-то время отсрочат свой собственный срыв или, по крайней мере, сведут его в рамки, которые сойдут за норму в палате общин.

Джон. Вы хотите сказать, они не в состоянии справиться с недостатками, которые, возможно, увидят в себе?

Робин. Да. Они сохраняют свою сомнительную нормальность, представляя других «плохими».

Джон. Наверное, этот факт и объясняет поразительную политическую активность экстремистов. Они обречены на такую активность! Отключись они от дела ради приятного времяпрепровождения, они же могут сойти с ума. Политическая борьба сохраняет им рассудок.

Робин. На практике очень трудно лечить человека экстремистских политических настроений, можно только ослабить симптомы с помощью лекарственных препаратов. Тут все равно, что с паранойей ─ это фактически и есть паранойя, хитро подогнанная по меркам политического «наряда», в который рядится человек, чтобы окружающие не разглядели истины. Но если на приеме у психотерапевта он нащупает эту истину о себе, он сделает большой шаг вперед. Пациентка-иностранка в одной из моих групп, проходивших психотерапию, активистка из левых экстремистов у себя на родине, женщина, которая наотрез отказывалась обсуждать эту сторону своей жизни, вернулась с каникул сияющая. Живая, уверенная. Все в группе заметили перемену и сказали ей. Она объяснила, что произошло: она осознала, что тяга к коммунистической партии была просто способом овладеть болезненными переживаниями, связанными с ее матерью, а осознав это, она освободилась от обеих «болезней».

Джон. Как перемена отразилась на ее политической ориентации?

Робин. Ее политическая ориентация осталась прежней, но теперь она способна обсуждать свои взгляды, не видя угрозы со стороны, настроенной иначе. Она способна выслушивать чуждые ей мнения, а раньше замыкалась и демонстрировала свою непреклонность. Любопытно также, что в ответ на мой вопрос, плодотворнее теперь ее политическая деятельность или наоборот, она, не раздумывая, сказала: «Теперь от меня больше пользы». И я думаю, так оно и есть, ведь она реалистичнее смотрит на вещи, стала деловитей теперь, когда меньше поглощена нуждами психологического характера. Теперь она способна искать союзников, идти на уступки ради проведения своей стратегической линии.

Джон. Самое забавное, что экстремистские политические группировки совершено не умеют ладить между собой. Они постоянно раскалываются на секты, которые через какое-то

время размежевываются внутри себя. Над Монти Пифоновой «Жизнью Брайана»[1], где много об этом, обхохочешься. Я недавно посмотрел, что делается у нас на политической сцене, и составил список крайне левых и крайне правых партий. На самом красном краю удерживаются: Коммунистическая партия Великобритании (марксисты-ленинцы), Новая коммунистическая партия, Группа «Авангард», Социалистическая рабочая партия (троцкисты), Социалистическая партия Великобритании (марксисты), Группа интернационалистов-марксистов, «Революционная молодежь», Рабочая партия революционеров (троцкисты), Революционная коммунистическая партия, Союз спартаковцев (троцкисты), Коммунистическая организация рабочих, «Большой пожар» (первоначально маоисты), чартисты, Инициатива революционных марксистов, Рабочая партия, Институт рабочего контроля, Союз борьбы с нацизмом, Союз коммунистов-интернационалистов, Партия революционных рабочих, Революционная партия рабочих-социалистов, Группа «Власть рабочих» (троцкисты), «Борьба рабочих», Союз рабочих, Революционная коммунистическая партия Великобритании (марксисты-ленинцы сильной проалбанской ориентации). Английская коммунистическая партия, Ассоциация рабочих-коммунистов, Социалистический интернационал, Коммунистическое рабочее движение, Коммунистический союз молодежи Великобритании, «Единство ─ за социальную революцию», Революционный союз коммунистов Великобритании (маоисты), «Народная демократия» (марксисты-ленинцы), «Мировая революция», «Альтернативный социализм», «Социалистическая молодежь», Движение борцов, Социалистический союз рабочих, революционно-марксистское течение (троцкисты), Союз за социализм, «Рабочий-марксист» (троцкисты), Революционно-коммунистическая инициатива (троцкисты), Союз революционеров-социалистов (троцкисты), социалисты-интернационалисты и, наконец, Независимая партия труда. Консервативный край, оснащенные свастикой и различной символикой, почерпнутой из нордической мифологии, занимают: Национальный фронт, Британское движение, Партия британских националистов, Партия национального преобразования, «88-я колонна», Союз Святого Георгия, «Северный союз», Комитет Одина в Лондоне, «Юные викинги», «СС-Уоттон-18», Бригада одиннадцатого часа, Отряд имени Адольфа Гитлера, «Железный воин», «Рыцари Железного Креста», Бригада «Дёрлвангер», Британский союз «За порядок», организация «Самопомощь», организация «Выбор», Ассоциация контроля за иммиграцией, наконец, общество «За расовую чистоту».

Робин. Вдруг кого-то забыли?

Джон. Может, и забыл. Они так быстро размножаются, что практически невозможно знать, что там у них на сегодняшний день. Это же все равно что наблюдать под микроскопом, как делится клетка! Но мне до сих пор непонятно, почему они с такой скоростью размежевываются и почему, кажется, чаще атакуют друг друга, чем истинных врагов в противоположном политическом лагере. Что, черт возьми, все это может значить?

Робин. Ну, я думаю, тут действует механизм, несколько отличный от уже известного нам. Субъект со склонностью к паранойе пытается «хорошее» держать отдельно от «плохого», помещаемого вовне, то есть подтягивает «границы» поближе, чтобы оградить себя от чувств, которые ему невыносимы. Но, по крайней мере, человек «параноидных принципов» имеет какие-то «границы» и способен допускать существование других людей. Поэтому руководствующийся описанными принципами человек может вполне «справляться» с жизнью, если присоединится к политической партии, выступающей за близкие ему, почитаемые им в себе «идеалы» при условии, что есть другая, совершенно отличная от его партии, - партия, ратующая за все то, что человеку невыносимо видеть в себе самом. Он может «играть» в своей «команде», ненавидеть противника сколько душе угодно и будет пребывать в отлич-

[1] Монти Пифон ─ коллективный псевдоним группы комиков (Джон Клииз ─ один из ее создателей), широко известной в 1969─1982 гг. в Великобритании по теле- и кинофильмам, пластинкам и книгам. «Жизнь Брайана из Назарета» ─ фильм (1977) и одноименная книга (1979).

ном настроении. Такая жизненная «игра» привяжет его к реальной почве и убережет от потери рассудка. Разумеется, он будет неспособен, как это сделают его более здоровые соратники по партии, зарыть топор войны после окончания политических споров, ведь он не может отказаться от враждебности к другой стороне. Но все-таки может неплохо держаться среди «своих», пока есть ненавистный враг.

Джон. Значит, он годится для какой-нибудь крупной политической партии?

Робин. Да. Но если параноидная потребность в защите обострена и сопровождается опасностью соскальзывания в фазу размытых «границ», не поработай он «сверхурочно» над их нерушимостью, кончится тем, что он примется и на своей стороне возводить укрепления. Его ощущению всемогущего богоподобия (большущий шар, раздуваясь, заполняет коробку — помните?) будет угрожать любое иное бытие, если только взгляды другого человека не окажутся настолько совпадающими с его собственными, что он и не увидит в другом ничего «другого». Но так как неизбежно хоть чем-то человек человеку «другой», эта неодинаковость рано или поздно обнаружится. Отсюда постоянное дробление партии, диктуемое стремление к чистоте и совершенству. Бывшие соратники либо изгоняют друг друга, либо сами покидают прежнюю и основывают новую партию действительно незапятнанного, истинного идеала.

Джон. Точно! Настоящие экстремисты очень гордятся чистотой веры.

Робин. Конечно, ничего нет плохого в стремлении самосовершенствоваться, пока вы не утрачиваете связь с реальностью. Но как только вы пытаетесь убедить других или себя, что вы безупречнее, чем на самом деле, значит, вы уже поставили «ширму» и прячете за нее ту или иную свою сторону, недостаточно, как вам кажется, чистую.

Джон. А раз негодное за «ширмой» — значит оно проецируется на других людей или на группы других людей.

Робин. После таких художеств человек, конечно, почувствует себя чище, идеальнее... ненадолго.

Джон. Так и ощущали себяч инквизиторы — отмеченными Богом. И считали, что оказывают услугу Спасителю, заживо сжигая людей.

Робин. Кажется, многие из них всерьез верили, что действуют на благо жертвам. Сознание подсказывало инквизиторам: они спасают заблудших от жребия худшего, чем смерть. А кроме того, спасают мир от чудовищного зла, которым, якобы, поражены отправляемые на костер прислужники Сатаны. Но подсознательная посылка была в том, что инквизиторам требовалось скрыть за «ширму» зло в самих себе, и они его отрицали, проецировали на жертвы, избавляясь от которых, избавлялись от зла.

Джон. И ненадолго вздыхали с облегчением.

Робин. Да. Пока опять не ужасались сучку в чужом глазу... чтобы позабыть про бревно в собственном.

Джон. Наверное, поэтому и пытали людей — добивались признания вины. Пытали ради письменного доказательства: инквизитор на самом деле миляга, просто делает свое дело. Так облегчали душу, уже не стесняясь...

Робин. Возможно... Утверждались в правоте своего дела, рассеивая малейшие сомнения. Убеждались, что зло действительно вовне — в жертвах — а не в них самих. Признания жертв успокаивали.

Джон. Очевидно, в том же суть «охоты на ведьм», процветавшей в Англии в семнадцатом веке. Пуританам слышалось зло в зове плоти, и они упрятывали половое влечение за «ширму», проецировали его на других ─ на бедных «ведьм».

Робин. Верно. А если испытывали «запретные» желания, обвиняли ведьм, будто бы те их околдовали.

Джон. Поэтому ведьм ─ на костер! И так продолжалось до тех пор, пока атмосфера не разрядилась, и с «греховных» мыслей не сняли запрет. В эпоху Реставрации появилось много рискованнейших комедий. Перестали развлекаться за счет ведьм.

Робин. Факты ясно показывают, как опасно стремление быть... лучше некуда. Иначе кому-то приходится быть злодеем.

Джон. Но почему нам становится так хорошо, когда погружаемся в паранойю мыслью и делом? Понятно, нам лучше, если освободимся от «плохих» чувств. Но ведь этим не кончается ─ нет же? Благополучно спроецировав все «негодное» на других, можно повести себя с другими отъявленным негодяем, оправдывая свои поступки «негодностью» других. Иными словами, можно освободиться от мерзких, жестоких, злобных, разрушительных чувств, поступая мерзко, жестоко и так далее... с другими. Значит, мы «выгадываем» вдвойне?

Робин. Верно. Отметьте, что в этом механизме тоже «задействован» психологический порочный круг, откуда понятнее, почему человек к человеку может быть так нечеловечески жесток. Независимо от того, насколько преследователь оправдывает свое «плохое» обращение с жертвой, сам факт пыток или сожжения заживо на костре оборачивается для него опасностью осознать, что он наслаждается происходящим, иными словами, опасностью осознать, что он сам плохой. Значит, проекция должна быть усилена, то есть жертва должна в глазах преследователя олицетворять еще большее зло, что оправдает еще большую его жестокость по отношению к ней, что сделает для преследователя еще большей опасность осознать, каков он на самом деле, а значит... Ну, и опять все сначала. Поэтому никак не состраданием переполнится преследователь при виде мук жертвы, он будет тем безжалостнее, жесточе, бесчеловечнее, чем ужаснее будет страдать жертва. Этот порочный круг (жестокость ─ чувство вины ─ проекция вины на жертву ─ умноженная жестокость) «набирает» порочности и от того, что преследователи ободряют друг друга, будто делают правое дело. Если кто-то один засомневается в необходимости зверств, он смутит душевный покой всех, и все сначала примутся его убеждать в полезности выпавшей им «работы», но в ответ на затянувшиеся колебания все ополчатся на одного, которого тоже пихнут в костер. Этот механизм «крутится» и в обыкновенных условиях. Например, на политическом «фронте» каждый в какой-то группе счастлив чувством локтя, когда строем идет на врага. Одолеть врага ─ общая цель, и сознание общей взаимозависимости в «строю» дает благостное чувство единства.

Джон. Вы, кажется, партийную конференцию описываете? Все они там сидят, тоску друг на друга наводят. Вдруг встает один, самый запальчивый, и говорит: «Те, другие ─ сборище невиданных подлецов, левее ─ или правее ─ не рождалось в нашей великой стране. Если они придут к власти ─ или у власти останутся ─ это кончится катастрофой. Поэтому мы должны власть взять ─ или не отдавать; но битва предстоит страшная, чудовищная, нам некогда отдыхать, развлекаться, мы должны воевать и бороться, бороться и воевать, в общем, драться». Оратор сел ─ а в зале-то оживление, будто чаю с булочками напились, все глядят веселей. Просто сияют довольством, излучают доброжелательность. Но призови их оратор позабыть распри и всем вместе хорошо провести время, его бы точно линчевали на месте. Почему же громкие призывы воевать, воевать и опять воевать обычно всех расслабляют и настраивают миролюбиво?

Робин. Тот же механизм в действии: раздражение, разрушительные — «плохие» — эмоции отделяются от умиротворения, добродушия и направляются исключительно на партию соперников, что очищает «хорошие» эмоции и придает им силы. Конечно, вызванный таким фокусом «свет добра» недолговечен, ведь это обман зрения, и через какое-то время недостатки «своих» уже лезут в глаза. Но вы ненадолго получаете «отсрочку» от пристального взгляда на реальность, а она такова: каждый — включая вас — и плох, и хорош. Тут требуется взгляд на вещи взрослее, трезвее, он остудит вас, даже немного подавит. И поэтому вам легче, если можно ненавидеть врага. Люди, пережившие вторую мировую войну, вспоминают «повальную» отзывчивость, «массовую» сердечность и удивляются, куда все делось в мирное время.

Джон. Я слышал, тогда снизился обычный процент тяжелых душевных заболеваний.

Робин. Да, сведения есть. Надо сказать, что этот параноидный механизм часто включается в общественных масштабах в периоды депрессии. Помните, к примеру, промышленную забастовку в Гранвике в 1977 году?

Джон. Недели длилась... Сотни пикетов, стычки, схватки у ворот — постоянно в теленовостях показывали. И каждый, кто не считал себя «всяким там», поднимался на демонстрацию. Забастовка захватила воображение всех.

Робин. Но общественный резонанс удивлял, ведь событие его не оправдывало. Я не понимал, почему буквально все слои общества были взбудоражены и вовлечены в происходящее, пока не поймал себя на мысли, что и у меня руки чешутся пойти кинуть парочку кирпичей. И тогда вдруг оживился, приободрился, а то тоска грызла. Ага, сказал я себе, вот же в чем дело: Гранвик привлек всеобщее внимание, как раз когда всем нам предстояло осознать плачевное состояние британской экономики и перспективу неуклонного снижения жизненного уровня. Я вспомнил, что от этого часто впадал в уныние, но «заводясь» из-за Гранвика, мысленно включаясь в борьбу, чувствовал какой-то подъем, получал «заряд» адреналина.

Джон. Вскоре интерес к забастовке погас, а она не принесла никаких результатов. Что ж, принцип механизма ясен. Жизненный уровень каждого падает, потому что меняется мир, чего мы не в силах предотвратить, отсюда мы все подавлены. Но если всех нас разделить на две большие команды, и одна затянет, что мы бы все разбогатели, не будь жадных, эгоистичных хозяев, а другая станет утверждать, что и до сих пор бы не обеднели, но эти ограниченные тред-юнионы, эти лентяи-рабочие... у нас же прямо розыгрыш кубка получится! Каждому позволена агрессивность — волнуйтесь на здоровье и забудьте про гнетущие и сложные реальные экономические проблемы!

Робин. Совершенно верно. Конечно, реальные проблемы так не решаются, ведь чтобы их разрешить, необходимо обернуться лицом к фактам, какими бы удручающими они ни были. И нам необходимо сотрудничество, чтобы добиться успехов.

Джон. Итак, параноидный образ действий на самом деле может нас ненадолго взбодрить. Но и платить за это придется...

Робин. Да. В «гомеопатических» дозах от него нет вреда — если знаем, что делаем, и способны переключиться и вернуться в обыкновенный «режим» деятельности, как поступает большинство людей, поболев на спортивных соревнованиях, поучаствовав в политических дебатах. Он нас стимулирует без побочных явлений, сказывающихся на других людях. Это Вам пример того, как нормальный человек может «впасть» в детство, думать и действовать свободно, словом, может пошалить немного, когда нет необходимости вести себя осторожно и с предельной серьезностью. Но человек тут же откажется от ребячества и вернется ко взрослому мышлению, если требуется точная, взвешенная оценка событий.

Джон. Но, как Вы отметили, настоящие экстремисты не способны к этому переключению ─ они зациклились на параноидной фазе. Что же происходит, когда такие приходят к власти в государстве?

Робин. Все зависит от степени помешательства. Если лидер основательно «заблудился» в непроясненных «границах», но ловок и способен внушать доверие, получим ситуацию, подобную имевшей место в нацистской Германии. Это доведенный до абсурда параноидный механизм в действии, используемый систематически ради объявления какого-то меньшинства «козлом отпущения» для того, чтобы возмущенное, обманутое в своих надеждах население вымещало недовольство режимом на этих «козлах». А поскольку лидер очень нечетко представляет свои собственные «границы» и считает себя всемогущим ─ почти Богом ─ он должен контролировать все и вся, любую сторону жизни, чтобы не обнаружилось расхождения с его фантазией. Ну, простейший пример: всякий раз вскидывая руку, Гитлер хотел, чтобы его жест каждый повторял.

Джон. Да. И, наверное, наоборот: чем больше каждый потворствует диктатору, тем больше диктатор запутывается в «границах».

Робин. Да, я думаю, тут одна из причин, почему власть развращает. Властитель все безвозвратнее утрачивает связь с реальностью, ведь не получает отпора, необходимого для уяснения своих «границ». И чем он безнадежнее, тем больше опасается индивидуальности, несходства: он это не санкционировал ─ как же так? Несходство указывает на его «пределы», открывает, что он не все на свете, не Бог. Поэтому диктаторы обожают мундир и единообразие, без удержу ненавидят и уничтожают отличное, отдельное ─ с лица необщим выраженьем. Евреи обладают сильной, яркой, очевиднейшей индивидуальностью, и отсюда ─ всегда мишень для любого новоявленного Бога.

Джон. Люди иного цвета кожи ─ следующая. Ведь диктатор не в силах запретить эту несхожесть.

Робин. Верно. Поэтому диктатор должен избавиться от людей, противоречащих его представлению о себе. Одновременно он может приписать им все, не устраивающее его в себе ─ все, намекающее на его слабость, гнусность, отдаляющее его от богоподобия.

Джон. Дальше, я думаю, очередь других, непохожих самостоятельных государств...

Робин. Да. Диктатор должен либо завоевать их и ассимилировать ─ поглотить, либо стереть с лица земли, если поглотить не удается. Ужасно, но тут своя логика и автоматизм. И кто вступил на этот путь, тот будет вынужден тем больше проецировать и разрушать, чем больше преуспеет на этом пути. Диктатор и его клика, разумеется, не очистятся от скверны в самих себе, просто спроецируют ее на какую-то иную группу, объявленную в таком случае общим врагом номер один. Группа уничтожается, и после передышки они опять проецируют скверну на очередную группу, ну, и так далее.

Джон. Вспоминаю нашего дражайшего Оливера Кромвеля. Начал, поддерживаемый парламентом, армией и шотландскими пуританами. Они помогли Кромвелю разделаться с роялистами. Потом он сам разделался с шотландцами. Затем провел чистку в армии. Затем «почистил» парламент. А потом и совсем разогнал. Когда пришло ему время умирать, оказалось, что он уничтожил практически всех, на кого опирался его протекторат. Ничего удивительного, что на реставрацию монархии потребовалось каких-то два года. Нацисты действовали по тому же принципу. Гитлер ликвидировал коммунистов, социалистов, профсоюзы, католиков, протестантов, евреев, цыган и так далее. Проводил также чистки своих коричневорубашечников. Собирался было расправиться с верховным командованием вермахта, даже замахивался на «СС», когда события выбили у него почву из-под ног. А Сталин? Уничтожил фактически всех до одного соратников-революционеров, обвинив каждого по очереди в

контрреволюционной деятельности. У лидера подобного толка нет выбора: уничтожив противников, он принимается за своих.

Робин. Ему необходимо выискивать все новых и новых диссидентов, предателей в своем лагере. Не найди он их, диктатор достигнет точки, когда уже не сможет поверить, что вся скверна идет извне.

Джон. Его «ширма» рухнет.

Робин. И логическим концом для него будет...стереть себя в порошок.

Джон. Смешно, но мне часто рисовалась такая картина: Аятолла, кончивший тем, что остался в живых последним из иранцев, сидит и остервенело отрубает себе руки, ноги... и все остальное. А ведь поразительно: массовые самоубийства в секте Джима Джоунза случились после того, как она переселилась в землю обетованную ─ в Гайану.

Робин. Замечательный пример. Секта наконец-то спаслась от злобных преследователей-чужаков и... рядом не оказалось ни единого человека, на кого можно было бы спроецировать тяготившие их эмоции. Все труднее стало избегать правды, они были вынуждены взять обратно в себя выпущенного «демона зла» и не вынесли этого. Вы видите: смерть и разрушение в большом масштабе ─ конечный логический результат параноидных «уверток» от правды о самих себе и от критики. Именно критика ─ как отрицательная, так и положительная обратная связь ─ сохраняет наш разум. Помните аналогию с картой, к которой мы с Вами не раз прибегали? Так вот, нам необходимо постоянно уточнять «границы» наших мысленных карт, и мы можем это делать, только получая точную информацию от других. Поэтому начни человек только «слегка» тронутым ─ уничтожь кого-то, какую-то группу людей, выступающих с критикой ─ его мысленная карта исказится, перевирая реальный мир, и он покатится в пропасть безумия. Сообществу, зациклившемуся на параноидной фазе, свойственно брать под жесткий контроль все средства информации, чтобы не допустить проникновения правды извне, из-за пределов системы. Так же и семьи, о которых я говорил, обычно руководствуются правилом, что незачем откровенничать с людьми за порогом своего дома.

Джон. Есть великолепный монолог в «Крестном отце». Крестный отец отчитывает одного из своих сыновей после встречи с другой мафиозной семейкой. «Дино,─ говорит он,─ у тебя что, мозги размякли? Никогда больше не говори никому вне семьи, о чем думаешь».

Робин. К концу истории, если я не ошибаюсь, на счету этой семьи было много смертей и разрушений. Внутри семьи тоже мало что уцелело. Законы и в ненормальной семье, и в обособленной секте, в экстремистской политической группе для своих членов одни и те же: ограничить поступление информации извне. Информация, противоречащая «по-семейному» составленной мысленной карте, находится под запретом, ведь грозит развалом семье, переменами.

Джон. Тоталитарные государства подобным образом «дистиллируют» новости дня и переписывают историю, гражданам в них не рекомендуется слушать зарубежные радиостанции.

Робин. Оценили нашу британскую свободу? Обычно мы относимся к ней как к само собой разумеющейся, а ведь на ней замыкается отличие душевного здоровья от безумия.

Джон. Что удручает, так это данные «международной амнистии»: в более чем ста десяти странах на земном шаре людей могут заключить в тюрьму за мирное выражение взглядов. Однако все же просятся слова в защиту паранойи: от нее вам лучше...

Робин. На время, по крайней мере. Поэтому ее кругом столько и развелось. И, конечно же, поэтому мы с Вами тут, «тряхнув» паранойей, громоздим все зло на всяких других параноиков.

Джон. Ага, вот почему мне вдруг сделалось так хорошо!

ЧУДЕСАМИ НАБИТЫЙ ЗАЯЦ

Отдаляемся

Джон. Итак, узнали про первые младенческие попытки составить карту мира, знаем, как необходимо при этом верное сочетание эмоциональной поддержки и догадок, что мамочка все же в сторонке. Каков следующий круг идей?

Робин. Дальше идеи вертятся вокруг младенца, осознающего, что он не частица матери, а сам... «материк»; дальше речь о том, почему важны плюшевые мишки, почему один день мы открыты, «разжались», а другой — скованы, дальше о том, что печаль депрессии рознь и о пользе печали, о том, почему раздражен Бэзил Фолти, почему депрессия в каждом случае — это «химия» и почему матери должны время от времени доставлять своим чадам капельку неприятностей.

Джон. И где всему начало?

Робин. Всему начало - младенец, примерно в семь месяцев осознающий, что он существует отдельно от матери. Он яснее и яснее видит разделяющий их «пролив», с которым ему теперь надо как-то освоиться.

Джон. Вы говорили, что его тревога в этот период достигает наивысшей отметки, что это открытие его застает врасплох.

Робин. Верно. Страшно обнаружить, что между ним и мамой — провал, ну, представьте: вы одной ногой в лодке, а другой все еще на берегу. Конечно, в этот период зарождается и привязанность — стремление быть рядом с мамой, не оставаться без нее. Почему и такое удовольствие от игры в «ку-ку».

Джон. Мама тут и вдруг ее нет! Подступает страх — но она появляется. Страх позабыт — довольное гуканье.

Робин. И смех. А смех обычно указывает на то, что болезненное напряжение отпустило.

Джон. Но ребенок растет — уровень тревоги снижается?

Робин. Да, потому что он учится сам делать то, что раньше для него делала мама.

Джон. Его тревога из-за разлуки с матерью, грубо говоря, пропорциональна его зависимости от матери?

Робин. Ну, скажем, чем больше он способен позаботиться о себе, тем меньше причин для тревоги.

Джон. «Позаботиться о себе» в практическом смысле? Или речь об эмоциональном равновесии?

Робин. Имеется в виду и то, и другое. Ребенок должен научиться сам застегивать пуговицы на своей одежде, сам держать ложку, но также — »держать равновесие», «обеспечивать» себя уверенностью.

Джон. Иными словами, должен научиться успокаивать себя, что все будет хорошо, что он сумеет сделать то-то и то-то, если действительно постарается? Ну, как теннисисты успокаивают себя в ответственные моменты: «Давай, парень, ты же можешь».

Робин. Да, ребенок со временем научится подбадривать себя.

Джон. Но до тех пор каждая разлука с матерью будет наполнять его страхом?

Робин. В общем, так, но, к счастью, у ребенка присутствует и врожденное стремление исследовать окружающий мир, оторвавшись от матери. Поэтому месяцам к девяти ребенок начинает ползать «в разведку» с большим удовольствием, при условии, что для него есть любовь, есть эмоциональная поддержка, обеспечивающие отвагой в коротеньких самостоятельных «вылазках».

Джон. Но все равно мать нужна рядом на случай, если он впадет в панику.

Робин. Да и просто нужна ему, вернувшемуся! Очень важно, чтобы мать поощряла эти «вылазки», внушая: «Отправляйся, когда хочешь, возвращайся, когда я понадоблюсь».

Джон. Подождите. Прекрасно, если мать рядом. Ведь испугайся ребенок, что слишком оторвался от нее, она всегда успокоит. Но ребенок же должен учиться самостоятельности. Мы же выяснили, что это желательно.

Робин. Верно.

Джон. Значит, он должен временами обходиться без нее. А без нее он тревожится, и ей надо придти подбодрить его. Но так он не сможет научиться самостоятельности! То есть если ребенку нужна рядом мать, чтобы научила обходиться без нее... У нас же какая-то «Уловка-22» получается! Чем мать может помочь ребенку, когда ее нет?

Робин. Переходным объектом.

Джон. Так бы сразу и говорили, чтобы человеку с улицы было понятно.

Робин. Ну, мы, ученые доктора, называем «переходным объектом» плюшевого медведя.

Разрешают взрослеть

Джон. Почему плюшевый медведь ─ этот самый... переходный объект?

Робин. Потому что благодаря ему ребенок добирается из пункта, где не способен длительное время обходиться без эмоциональной поддержки матери, в пункт, где уже может обеспечивать себя эмоциональной поддержкой других людей.

Джон. И каким же образом?

Робин. Ребенок частично переносит сильнейшие напряжения чувств, крепко привязывающие его к матери, на этот объект. На любую особенно дорогую ему игрушку, с которой он не разлучается, с которой в обнимку спит.

Джон. А у меня был набитый ватой заяц по прозвищу Реджи... Значит, ребенок переносит часть эмоций на переходный объект.

Робин. Вы, наверное, воочию в этом убеждались. Мать дает ребенку какого-нибудь зайчика, кролика. Стоит ей уйти, ребенка не разлучить с оставшейся в руках игрушкой.

Джон. Ясно, почему такие игрушки-зверушки играют важнейшую роль в жизни ребенка. Раньше я не понимал, в чем тут дело. И когда для ребенка выходит на сцену переходный объект?

Робин. Для разных детей бывает по-разному, для большинства ─ на втором, даже на третьем году жизни. Теперь у ребенка есть своего рода портативная «поддерживающая система», которая помогает справиться с отсутствием матери.

Джон. Это некий заменитель матери?

Робин. Да, частично, поэтому-то значение переходного объекта так велико. Иногда ребенок сунет в рот просто край простыни, одеяла, и эти «объекты» будут ассоциироваться у него с покоем и сытостью. Будут представлять мать.

Джон. И когда ребенок таскает с собой повсюду одеяло, мишку или зайку, они напоминают ему о досягаемости матери, они ему... нет, не мнимая — «мнемомама».

Робин. Хорошо придумали! Ведь на этой стадии память у ребенка еще ненадежная. Даже если он и умеет соединить разные разности мамы воедино — в целое — материнский образ у него легко разлетается на осколки под ударом сильных эмоций. Матери слишком долго нет — и ярость, обрушившись на ребенка, уничтожит материнский образ, не устоявшийся в памяти. Ребенок не сможет вызвать образ отсутствующей матери, чтобы успокоиться. Набитый же ватой зайка поможет появиться ее образу, а образ поможет не впасть в отчаяние. Ребенок сумеет вспомнить — даже при отсутствии матери — ее поддержку.

Джон. Хорошо, частично зайчик сослужил службу. А чем еще он полезен?

Робин. Ну, дальше ребенок многое узнает о себе самом, играя с зайкой. Понаблюдайте за ребенком, увлеченным игрой с переходным объектом. Вы увидите, что объекту он отводит свою роль, себе берет мамину. В каком-то смысле ребенок превращается в маму, заботящуюся о своем зайке.

Джон. «Ты мой заинька-паинька». Или: «Не делай так, мамочка такого не любит...»

Робин. Да, уже заговоривший ребенок скажет что-нибудь вроде этого. Он узнает о своих чувствах, проецируя их на игрушку. Вот ребенок играет «мать», смотрит за зайкой, а вот уже игрушка — мать, он прижимается к ней, ищет в ней эмоциональной опоры.

Джон. Значит, попеременно принимая роль «матери» и роль «ребенка», он лучше понимает, как это — быть матерью, и лучше понимая мать, неизбежно лучше понимает себя. В определенном смысле он продолжает прояснять свои «границы», когда не спеша разбирает все, что происходит между ним и мамой.

Робин. Совершенно верно.

Джон. И, вероятно, тут очень помогает заячье «бездушие». Заяц не реагирует, не подвержен смене настроений и чувств. С ним не запутаться.

Робин. Ну-ну, продолжайте.

Джон. Есть одна эмоция, которая меня немного сбивает с толку. Соперничество. Иногда рядом с кем-то я вдруг чувствую: конкурент, но мне трудно понять, в какой степени провоцирую ситуацию я, а в какой — то, иное лицо. Непрерывное взаимодействие — непрекращающаяся смена чувств — затрудняет установление «границы», я не могу определить, где кончается мое желание превзойти другого, где начинается стремление другого взять верх надо мной. Даже если позже пробую разобраться, не удается. А тот факт, что заяц — «величина неизменная», наверное, помогает ребенку в ученичестве.

Робин. Да, я думаю, Вы правы. Кстати, тут одна из причин — и по-моему, главная — эффект психоанализа. Пациент с непроясненными «границами» сможет увидеть их отчетливее и — распутать клубок чувств, выяснить, какие тянутся к нему самому, какие чувства — воображаемые, спроецированные, потому что психоаналитик «держит нейтралитет», не реагирует, разве что изредка позволит себе беспристрастное замечание.

Джон. Вероятно, «играя» мать, ребенок также обнаруживает «правила» этой игры, учится заботиться о себе самом, смотреть за собой, что чрезвычайно важно в процессе его зарождающейся самостоятельности.

Робин. Да, верно.

Джон. Хорошо, рассмотрели вторую полезную сторону переходного объекта. Еще каким бочком славный зайка может повернуться к ребенку?

Робин. От зайки польза не только в том, что ребенок, во-первых, утешится им вместо матери, во-вторых, играя с ним, многому научится. Еще важнее, что посредством зайки мать вручает ребенку «разрешение повзрослеть».

Джон. Загадки загадываете!

Робин. Вспомните, что такое для ребенка взросление. Это переход со ступеньки, где мать для него все, на ступеньку, где привязанность ребенка распространяется и на других — на отца, братьев, сестер и так далее. И если мать радуется происходящему, если дает ребенку зайку и принимает зайку «в компанию», она тем самым подталкивает ребенка к следующей ступеньке.

Джон. То есть «сигналит» ребенку: «Я рада, что ты отдаляешься от меня». Да, наверное, понимаю, о чем Вы. Показывая, что она рада, когда ребенок играет с зайкой в ее отсутствие, она внушает ребенку, что ему весело одному, без нее, хотя она отчасти и с ним — она «в зайке», который смягчает разлуку. Что же — решение «Уловки-22»!

Робин. Шустрый зайка передает ребенку от матери и еще послание: «Отдаляйся. Не рвись, тебе не надо с этим слишком спешить — когда сможешь, ты от меня оторвешься. Но я вынесу».

Джон. Как... «оторвешься»? Насовсем?

Робин. Да. Послание — дословно — такое: «Я хочу, чтобы ты вырос, чтобы когда-нибудь совсем не нуждался во мне».

Джон. Ну, ясно, что зайцы резвы доставлять послания, но чтобы последнее донес — как-то не верится!

Робин. А мне оно кажется логически завершенной формулировкой того, которое мы уже согласовали.

Джон. Вам виднее, мудрейший. Но теперь я хочу проверить, насколько я поумнел. Итак, примерно в шесть месяцев ребенку необходимо чуть-чуть отодвинуться от матери, то есть переместиться из пункта, где он полностью эмоционально зависим от матери, в пункт, где сможет пользоваться поддержкой также и других людей. Переходный объект помогает ему в этом по нескольким причинам. Во-первых, ребенок может частично перенести свои чувства к матери на ватой набитого зайку, и, если встревожится из-за ее отсутствия, зайка «смягчит» разлуку. Во-вторых, играя с зайкой, ребенок попробует обе роли — и «матери», и «ребенка», что в результате научит его по-матерински относиться к себе, смотреть за собой, а также яснее покажет ему его «пределы» рядом с прояснившимися «очертаниями» матери. В-третьих, тем, что мать поощряет игру ребенка с зайчиком, она внушает ребенку: самостоятельность будет ему только на пользу. Иными словами, этот зайчик — »мнемомама», он же — бинокль в приграничной зоне, он же — »100 и 1 совет ребенку, присматривающему за собой», он же — средство передвижения по автономным дорогам. Не удивительно, что такие зайчики стоят денег.

Робин. Итак, немножко «отодвигаясь» от мамы, ребенок чувствует поддержку и учится самостоятельно «удерживать равновесие». И тогда становится раскованнее, постепенно обретает уверенность, умение «в открытую» встречать перемены, которые поджидают его на пути взросления.

Джон. Но ведь со взрослыми так же! Если вспоминаем о доступных источниках поддержки, нам легче справиться со стрессом, мы в большей степени открыты для новых воз-

можностей. Наверное, поэтому мы носим с собой фотографии близких, носим кольца и прочие символы нежной привязанности, которые соединяют нас с любимыми, даже... приковывают к ним.

Робин. Все они через эти вещицы поддерживают в нас внутреннюю уверенность, что сумеем справиться с переменами, которые подбрасывает жизнь, и не сбавим шагу.

Джон. Глядя, как ребенок делает первые шажки, я вот еще о чем подумал. Перемены вызывают стресс и потому, что невозможно продвинуться к чему-то новому, не сойдя со старого, привычного круга. Ребенок не может обрадоваться папе, пока чуть не ослабнет его привязанность к маме. Он не сможет полюбить школу, пока не откажется от каких-то удовольствий домашней жизни.

Робин. Совершенно верно. Даже новой мысли отдаться — и то невозможно, не расставшись со старой.

Джон. Вероятно, поэтому работать головой — тяжелый труд. Как бы там ни было, если продвижению предшествует отказ, у нас два повода для беспокойства. Во-первых, отказ от чего-то — это уже потеря, а любая потеря всегда огорчает, во-вторых, обретая что-то новое, мы в лучшем случае сомневаемся в надежности приобретения, в худшем — настораживаемся. Нас скорее пугает неизвестность... даже невозможная опасность.

Робин. Да, верно. И тревога достигает предела, когда мы зависаем в промежуточном состоянии, выпустив «из рук» старое, но не схватившись крепко за новое. Откуда понятно, почему для ребенка на этом этапе чрезвычайно важно развить в себе уверенность, что, выпуская что-то, он получит взамен другое — не хуже, возможно, и лучше. Выработав в себе такую уверенность, он сможет свободнее, без излишнего напряжения «браться» за жизнь и взрослеть.

Джон. А если не выработает такой уверенности, то отстанет? Замкнется от страха перед всем новым, «зажмется»?

Робин. Именно. С этой уверенностью мы открыты миру, мы гибче в жизни. Когда надо что-то «выпустить», нам дается это без особых усилий, ведь мы уверены, что справимся со страхом, последующим за утратой чего-то привычного. Одолевая неизбежное, связанное с утратой огорчение, мы освобождаемся от потребности в том, что оставлено позади. А затем, сталкиваясь с новым, не пугаемся, не зажмуриваемся, и перед нашим открытым взглядом оказывается не опасная бездна новизны, но, наоборот, опора.

Джон. А если мы на этой ранней ступеньке плохо успевали, мы не захотим выпускать «из рук» что бы то ни было, ведь у нас нет уверенности, что переживем потерю.

Робин. Да, и в незнакомой ситуации будем напряжены, будем настороже. Хотя такая реакция — естественный способ защиты в случае опасности, на новизну реагировать подобным образом неуместно.

Джон. В самом деле, не театр же военных действий! Не было же команды «К бою!»

Робин. Именно. Но ребенок, не получивший поддержки, когда она ему требовалась,— не имевший переходного объекта, чтобы справиться с отсутствием мамы, испугавшись «на вылазке», не находивший маминой ласки,— будет воспринимать как бой жизнь с ее переменами, стрессами, будет держаться сам по себе, будет всегда начеку, недоверчив и, как Вы выражаетесь, «зажат».

Джон. Он откажется от шанса узнать, что за новым не обязательно таится опасность.

Робин. В новом для него — новая опора, на смену материнской заботе ему бы нашлась поддержка у отца, братьев, сестер, друзей, школьных товарищей, в клубах, в своей команде, группе и, конечно же, у любимого человека.

Джон. Значит, «открытый и раскованный», «замкнутый и зажатый» — два разных персонажа на жизненной сцене.

Робин. Да, первый — подвижен, растет и меняется, второй — »увяз».

Джон. Но наверняка большинству людей приходилось бывать в обеих ролях — в зависимости от настроения. Я, например, иногда чувствую вдохновение и, несмотря на запутанность какой-нибудь ситуации, вникаю в нее беспристрастно, даже с любопытством, а моя «открытость» способствует тому, что спор легко разрешается. Но если я «под стрессом», если изготовился к бою, напряжен, распутать сложный вопрос бывает непросто. Я это говорю к тому, что я веду «двойную игру» — все решает настроение.

Робин. Вы правы. Самые «открытые» люди выставят заслон, если обессилены и не успели зарядиться, самые скованные отзовутся на тепло и сердечность. Но, тем не менее, человек склонен к какой-то одной линии поведения в жизни.

Верный путь

Джон. Итак, Вы говорите, перед нами в жизни два пути. По одному шагают «открытые и раскованные», по другому бредут «замкнутые и зажатые». А каким двинемся, практически определяет эта фаза отдаления, которую, успешно или нет, мы проходим с мамой между шестью месяцами и тремя годами?

Робин. Да, в общем, так, хотя Вы несколько перегрузили ответственностью маму. Если она держится колеи «замкнутых и зажатых», то потому что сама из семьи «замкнутых и зажатых». Что же она тут поделает? Ей совсем не легко вывести своего ребенка на «открытую» дорогу.

Джон. Для этого ей нужна крепкая поддержка со стороны. От мужа такой ждать нечего, ведь она, скорее всего, выбрала в мужья «замкнутого» попутчика.

Робин. Верно. Идея двух дорог чрезвычайно важна, когда речь о взрослении человека; давайте пристальнее посмотрим на мать с ребенком на каждой из этих двух дорог. И сначала возьмем «здоровый» пример. Здесь мать — нормальная, мы назвали ее «хорошей» матерью. Помните, что отличает «хорошую» мать?

Джон. Она способна смотреть за собой. Осознает свои потребности и с удовольствием удовлетворяет их. Поэтому доверит ребенка другим, когда ей необходима передышка от материнских забот, обратится к другим за любовью и поддержкой, когда в них нуждается.

Робин. Верно. И в результате у нее хватает любви, или эмоциональной поддержки, или раскованности, или уверенности — называйте, как хотите. А отсюда следует, что, во-первых, она способна, имея это в достатке, наделить и ребенка, то есть ее ребенок не останется без необходимой эмоциональной поддержки, а во-вторых, не будет зависима от ребенка в этой же самой эмоциональной поддержке, любви. И поэтому сможет отпустить его от себя, когда ребенок будет готов уйти.

Джон. Она не станет отнимать у него обслюнявленный край одеяла, она даст ему зайку. И ему будет легче от нее оторваться, ведь материнская любовь свяжется с зайкой, ведь мать одобрила его новую компанию. Все говорит о том, что она его не удерживает, дарует свободу.

Робин. Поэтому он увереннее в себе, а значит, отважнее, он задорен, он не боится рискнуть. Он не будет отгораживаться от новизны. Ему жить веселее. Он быстрее заведет друзей, ему всегда найдется поддержка, даже если мамы и близких нет рядом. И он будет все меньше нуждаться в маме, в родной семье. А это, между прочим, значит, что он будет еще больше им радоваться.

Джон. Почему?

Робин. Когда он вместе с семьей, его не мучит тревога, что он может остаться без нее. Радость ничем не омрачается. Он подготовлен и легче справится с любой переменой, потерей, ударом, его жизнь будет не просто богатой, но будет делаться все богаче, разнообразнее.

Джон. Так. Это «здоровый» полюс. На противоположном — мать не способна к здоровому эгоизму. Не способна взять то, в чем нуждается.

Робин. Увы. Поэтому она в нужде. А если она в нужде, как же может быть способна давать? Значит, ребенок будет прежде всего обделен эмоциональной поддержкой. Хуже того, если она в нужде, она будет зависима от ребенка, ей будет необходима его любовь и поддержка. Она уцепится за него, его нельзя будет оторвать от нее. И даже сунув ему мишку, зайку, она совсем по-другому отнесется к происходящему. Как собственница ребенка она не обрадуется, что ватой набитый заяц поглотит все внимание ребенка, оттеснив ее саму. Она готова кричать: «Караул, соперник!»

Джон. Ясно, что зайцу не носить от нее к ребенку послания: «Вот тебе моя рука, а теперь иди!» И, конечно, ребенок не отважится на самостоятельные шаги. Фактически ему будут внушать обратное.

Робин. Именно. Это одна история мытарств на неверном пути. Печальную историю можно рассказать и иначе — если мать приучена отказывать себе в потребностях материнства.

Джон. Если спрятала себя этой стороной за «ширму»?

Робин. Да. Она не испытает никакой радости от тяги к ребенку или ребенка — к ней. Она попробует подавить эту тягу с обеих сторон и оттолкнуть ребенка, цепляющегося за нее. И, конечно, ее смутит привязанность ребенка к какому-то зайцу набитому, особенно же подрастающего ребенка. Поэтому она, насколько сможет, отобьет у ребенка охоту к подобным играм.

Джон. Значит, в любой из печальных историй заяц доставит ребенку от нездоровой матери зловещее «нет».

Робин. Именно. Но раз ребенок, нуждаясь в материнском одобрении «заячьих игр», символизирующих свободу — в конечном счете, дающих свободу и от самой матери — слышит «нет», он просто не обретет свободы. Он застрянет при матери, шагу без нее не шагнет.

Джон. Застрянет, потому что не сумеет перебраться из пункта «Мама» в пункт «Все и вся», где для него нашлось бы сколько угодно поддержки.

Робин. Да, так и будет тащиться неверным путем, путаясь под ногами у матери. Или — уцепившись еще за какой-то... «костыль».

Джон. Но он все равно не получает необходимого от матери. Значит, даже при ней ему не слишком-то хорошо.

Робин. Именно. Такой ребенок всегда вроде чего-то хочет, чего-то ждет. Но никогда, кажется, не имеет нужного. Поэтому он мало полагается на новый опыт.

Джон. Бедный ребенок не знает, что делать — да? Наверное, он не столько приуныл, сколько просто сбит с толку. И... съежился, сам не понимая, почему.

Робин. Его замешательство осложняется реакцией «улицы», ведь очень скоро дети уже не зовут: «Выходи играть!» Кричат совсем другое, особенно, если бедняжка — мальчик.

Он чувствует себя совсем потерянным и несчастным, потому что его подталкивают покинуть маму, а он не представляет, как это сделать. Над ним смеются и издеваются за то, что он отстает.

Джон. Будь они с мамой один на один, они бы, по крайней мере, прижались теснее и как-то поддержали друг друга, так обычно, я думаю, случается с девочками, их задевают меньше. Они просто «домоседки», «тихони». А мальчика задразнят «неженкой».

Робин. Это еще усложняет ситуацию для мальчика, потому что желание прижаться ему теперь надо прятать за «ширму» из-за осуждения окружающих.

Джон. Теперь он вынужден отрицать и то, что «застрял»!.. Как же выручить «застрявших»? Как вывести на другую дорогу, по которой можно двигаться раскованнее, увереннее и — расти?

Робин. Это совсем не легко. Если семья уже «в пути» — неважно, верного пути держится или неверного — ей трудно свернуть с него. Хорошо, когда вам свободно шагается, и ваш путь — »открыт», но «зажатая» семья не переберется на верный путь без посторонней помощи.

Джон. Друг другу в семье помочь не способны, потому что все там сбились с... «верной» ноги?

Робин. Да. Родители, прежде всего... «подобрались». И дети в этой семье, конечно же, подсознательно усваивают привычки старших. Вся семья замкнулась, боится жизни. Это же семейная «механика». Система.

Джон. Они все не способны к здоровому эгоизму, не способны получить то, в чем нуждаются?

Робин. Именно. Если кто-то из родителей не способен «обеспечить» себя вниманием или любовью, значит, каждый в семье будет «задействован» для того, чтобы снабжать нуждающегося.

Джон. В семье на неверном пути все держатся друг за друга мертвой хваткой.

Робин. Да. Все они — »застрявшие». Подобные семьи дают, как правило, случаи, относящиеся ко второй большой группе психических расстройств, продуцируют депрессивные нарушения.

Джон. А первая большая группа?..

Робин. Это заболевания, связанные с непроясненностью «границ». Самые тяжелые тут — аутизм и шизофрения.

Джон. Ну, я немного сбился. Дайте-ка уточню направление рассуждений. Мы выяснили, что ребенок может расти, становиться самостоятельным, только если отдалится от мамы. Нормальная, «хорошая» мать отнесется к происходящему с одобрением. Вручит переходный объект ребенку, чтобы «смягчить» отдаление. Благодаря ее положительной реакции на «переходные» игры ребенок почувствует поддержку, делая первые самостоятельные шаги. И тогда, с уверенностью в том, что «не упадет», ребенок выпустит прежнюю опору и двинется к новым. А это значит — ребенок на верном пути.

Робин. Пока все правильно.

Джон. Но если мать не способна обеспечить себя необходимым, во-первых, ребенку прежде всего будет недоставать поддержки, а во-вторых, матери будет необходима любовь ребенка, поэтому подсознательно она будет противиться его отдалению и самостоятельности. Может, и даст ребенку зайца, но заяц «не от души» не принесет пользы. Ребенок не получит необходимой уверенности, чтобы выпустить прежнее, схватиться за новое. Он обречен «застрять», он уцепится за мать, будет неспособен к самостоятельности. Окажется на неверном пути, который заведет заблудшего странника в трясину депрессивных нарушений.

Робин. Вордсворт[1] не выразился бы лучше.

Джон. Из меня иногда рвется поэт. Но, скажите на милость, почему «депрессивные нарушения»? Почему не просто «депрессия»?

Печаль и кое-что похуже

Робин. «Простая» депрессия ─ только разновидность депрессивных заболеваний. Их много ─ так называемых «депрессивных эквивалентов», то есть разных случаев, когда депрессия замаскирована и проявляется в скрытой форме.

Джон. Что-то вроде психосоматических нарушений?

Робин. Да, например, есть боль ─ настоящая боль, а физических причин для боли нет. Существует тьма-тьмущая «масок»: «капризный» желудок, алкоголизм, разные фобии, необоснованная обеспокоенность состоянием здоровья...

Джон. И все это ─ скрытые формы депрессии.

Робин. Да. Вникнув, узнаете, что толчком послужило какое-то событие или особенности воспитания в семье, которые обычно ведут к депрессии. Между прочим, лечить эти нарушения невозможно, пока под маской не распознаете депрессию и не разделаетесь с ней.

Джон. Ну и что же такое депрессия, доктор?

Робин. Сначала я должен указать на существеннейшую разницу между депрессией и печалью.

Джон. Разницу?.. Обычно никто ее не замечает.

Робин. А Вы?

Джон. Редко присматриваюсь. Наверное, потому, что, убавив драматизм, скорее скажу: «Я сегодня в депрессухе», чем «Печально на сердце сегодня». Но если серьезно, мне кажется, депрессия ─ это безжизненность внутри, а печаль ─ все же какое-то переживание.

Робин. Давайте задержимся на этом, разница очень важна, мы многое упустим, если будем путать «депрессию» с «печалью». Немного раньше Вы сказали примерно такую фразу: «Человек не может двигаться вперед, не отказавшись от чего-то позади». Иными словами, не пережив утраты. А как мы переживаем утрату? Уход любимого человека, смерть кого-то из близких, потерю работы?

Джон. Вначале всегда пронзает боль. Потом мы громоздим на нее гнев, возмущение «виноватыми» ─ наверное, чтобы боль заглушить.

Робин. Через какое-то время эти чувства улеглись, а мы ─ »в синяках». На душе печаль.

Джон. Испытываем страдание.

---

[1] Вордсворт, Уильям (1770─1850) ─ английский поэт-романтик.

Робин. Они длятся назначенное природой время. Потом, если мы вполне здоровы, мы позволяем себе просветлеть душой, и нам легче. Мы почти утешились, уже пережили утрату. Уже способны оставить ее позади, повернуться к чему-то иному.

Джон. И все по той причине, что разрешили себе побыть несчастными?

Робин. Именно. Отгоревав о потере, мы будто говорим себе: «Пускай!» И двигаемся дальше.

Джон. Но если не отгоревали сполна, не сможем полностью выпустить «из рук» прежнее.

Робин. Верно. Чувство потери будет удерживать, мы не высвободимся от него, чтобы двигаться дальше.

Джон. Вы как-то отметили, рассказывая о здоровых семьях, поразившую Вас — по данным исследований — легкость, естественность, с какой здоровые люди вступают в повторный брак, оставшись без пары.

Робин. Да. Они полностью, глубоко отдаются горю. И благодаря тому, что разрешают себе до предела исчерпать эмоцию, способны быстрее большинства из нас справиться с потерей. А тогда двигаются дальше и заново устраивают свою жизнь.

Джон. Значит, скорбь — то есть истинная пытка болью от потери — не просто естественное состояние, но даже в чем-то полезное.

Робин. Именно. Мы должны дать возможность старым связям оборваться полностью, прежде чем сможем завязать новые. Старый дом сносят, когда строятся заново... Вот так и представляю печаль.

Джон. Да, мысль о том, что печаль в действительности полезна, наверное, была для меня самой важной и самой поразительной из всего, что я узнал в Вашей группе. А до того я всегда считал, что горевать — зря время терять. Да и что это еще за баловство? «Тебе-то печалиться,— мысленно говорил я себе,— в Индии вон миллионы людей живут на грани голодной смерти!» Или подбивал себя: «Кончай с этой печалью, иди развлекись!» Бесполезным занятием всегда казалось грустить. Но в Вашей группе узнал, что печаль не только в порядке вещей, но и нужное дело. А зная это, легче в нее до дна погрузиться и скорее вынырнуть.

Робин. Люди, конечно, с огромным облегчением открывают для себя факт, что печаль — вполне здоровое состояние.

Джон. Откуда бы тут взяться сомнениям? Не в том ли причина, что, подавив печаль, люди суют ее за «ширму», отказываются от нее, а значит, должны ее порицать?

Робин. Не торопитесь, и до этого доберемся. Пока запомните, что сказанное о большом проигрыше справедливо и для пустячного, только возмущение и уныние будет незначительнее и кратковременнее.

Джон. Значит, если проиграет «Уэст-Хэм», я буду приходить в себя час, проигрыш «Фулхэма» обойдется мне в три минуты печали, а «Арсенала»[1] — в 0,0006 секунды.

Робин. Очень выразительный пример. А теперь вернемся к матери и ребенку, который проходит стадию отдаления. Каждый шажок в сторону сопровождается ощущением крохотной, но — потери. Он должен каждый раз переживать маленькое огорчение. Это естественно и полезно. Именно эти краткие моменты огорчения и тревоги помогают ребенку отделиться.

[1] Английские футбольные клубы.

Джон. Не пройди он через эти болезненные моменты, он не смог бы понемножку выпускать «из рук» маму.

Робин. Верно. Поэтому мать должна суметь вынести тревогу и огорчение своего ребенка, видя, как вместе с ними ребенок постепенно обретает самостоятельность. Конечно, она должна знать меру, и если ребенок очень расстроился, ей необходимо вмешаться, успокоить его. Но если она чувствует, что все это лишь «болезнь роста», она не кинется «на спасение», а отступит и будет смотреть, справляется ли ребенок.

Джон. Значит, ей не следует лишать ребенка капельки огорчения время от времени.

Робин. Нет, не следует ─ когда ребенок постигает азы независимости. И, возвращаясь к двум жизненным дорогам, скажу, что идущая верной дорогой, здоровая, «хорошая» мать интуитивно чувствует это, она позволит ребенку немножко страданий, даст возможность «пройти» их, оставаясь поблизости на случай, если будет нужна ее поддержка.

Джон. Тут требуется тонкое чувство меры ─ так?

Робин. Требуется более или менее верное чутье, которое вырабатывается у нее со временем. Никакой безумной спешки. Она ошибается ─ она исправляет ошибки. По ходу дела большинство матерей обретает способность различать настоящее отчаяние и напускное ─ »на жалость бьющее» нытье ─ особенно у подрастающего ребенка. И если мать вполне справляется, ребенок понемножечку станет увереннее, выпуская ее, постепенно утрачивая свою полную зависимость от нее, станет находчивее в поисках новой опоры.

Джон. Значит, по-Вашему, если мать не способна вынести малейшее страдание ребенка и каждый раз бросается заслонить от него свое чадо, даже уже не кроху, то у ребенка нет шансов шаг за шагом отступить от матери. Она препятствует тому, чтобы ребенок, горюя немного, расставался бы с привязанностью к ней.

Робин. Именно! Она такого никогда не допустит. Значит, если мать не получает того, в чем сама нуждается, она будет встревоженной, подавленной, а это сделает ее слишком чувствительной к боли ребенка. Мать, идущая неверной дорогой, будет сразу же бросаться и «спасать» ребенка от нормального, полезного огорчения при каждой попытке ребенка сделать шаг в сторону независимости. Значит, ребенок не совершит скачка. Пойдет по той же дороге. Мать остановит рост.

Джон. Иными словами, у ребенка отнят шанс научиться одолевать огорчение ─ погоревать и отгоревать, не пугаясь.

Робин. Вот мы и подобрались к депрессии.

Джон. Ole![1]

Робин. Если такое повторяется ─ если мама вмешивается при первых признаках недовольства у ребенка ─ ребенок учится не переживать огорчение, но ─ совершенно обратному. Учится гасить досадное чувство, «сигналя» маме ─ в полной готовности ─ SOS.

Джон. Значит, он учится избегать испытания огорчением, чтобы не учиться тому, как справляться с потерями. И в результате ребенок не способен взрослеть.

Робин. Совершенно верно. Здоровое огорчение, позволившее бы ему шаг за шагом отделиться, вместо этого кончается «спасательными» действиями матери. И ребенок учится соответствующему поведению ─ так же автоматически, как за собачьи галеты собака приучается по команде сидеть. Он корчит несчастную рожицу при малейшем затруднении ─ задолго до настоящего огорчения. А мать всегда тут как тут, чтобы снять стресс, который бы

[1] Ура! (исп.).

ему самому необходимо научиться одолевать. Дальше ─ больше, модель поведения закрепляется у ребенка, превращается в стойкую привычку, от которой все труднее избавиться.

Джон. Это что-то вроде симуляции?

Робин. Нет, Совсем нет. Тогда бы ребенок знал, что делает.

Джон. Я имею в виду неосознанную симуляцию.

Робин. Ребенок абсолютно не ведает, что творит. Он обучается этой модели поведения в самом раннем возрасте, поэтому, становясь старше, думает что иначе не бывает. Он думает о чем-то: «Не могу вынести». Так оно и есть, он не способен вообразить, что с «невыносимым» возможно обойтись каким-то иным способом. Ведь его не научили никакому иному способу. Мне кажется, «симуляция» тут совершенно неподходящее слово.

Джон. Ну, давайте скажем так: он посылает сигнал: «Помогите, мне очень плохо!» ─ хотя на самом деле до этого далеко.

Робин. Именно. Он посылает всевозможные сигналы о несчастье, огорчении, хотя никогда не получает возможности испытать настоящее огорчение.

Джон. Но испытывает что-то неприятное.

Робин. Верно, впрочем, уворачиваясь от огорчения, испытывает совершенно другое.

Джон. Депрессию?

Робин. Ole!

Джон. Или что-то, что Вы называете «депрессией», о кладезь премудрости!

Робин. Хорошо, давайте сравним эти две разновидности неприятного опыта. Вспомните, когда Вы горюете, Вы переживаете много и глубоко. Вы неизбежно живете чувством, хотя оно жжет. Вы не ощущаете отторгнутости от мира ─ наоборот, остро, до боли, соприкасаетесь со всем вокруг.

Джон. И в каком-то смысле вы «наполнены» ─ полновесны, «в теле»: вы ощущаете и тело свое, и мир. К тому же вы ничему не сопротивляетесь. Я в таком состоянии обычно отдаюсь происходящему, поэтому открыт и знаю: кругом есть на что опереться. И хотя опыт болезненный, его можно вынести, ведь вы наполнены жизненной силой.

Робин. По этой причине, наверное, мы, в большинстве, посмотрев потрясшую нас трагедию в кино или в театре, выходим ожившими. С другой стороны, пытаясь отгородиться от подобного эмоционального опыта, мы оказываемся пусты и мертвы, нам недостает жизни и живости для общения.

Джон. Именно так было со мной почти постоянно несколько лет назад. Все потеряло смысл. Все казалось чужим, даже тело казалось чужим. Из-за сильного мышечного напряжения ─ теперь я знаю, почему. Ощущение оторванности ото всего вокруг как-то обособило. Вы правильно сказали ─ омертвило. И опустошило. При этом я, вроде, противился ощущениям, не принимал их. Жизнь давалась усилием. И первым пострадало чувство юмора. Фактически, когда я мог посмеяться над происходящим, я чуточку отходил. А еще, конечно, что-то давило, будто под прессом был. Наверное, отсюда и слово «депрессия».

Робин. Да, состояние вызывает именно такое представление.

Джон. И теперь меня вот что удивляет: грустным я не бывал, и даже не представлял, как это. Наоборот, помню, смотрел по телевизору передачу о депрессии... Спайк Миллиган[1] и другие знаменитости фигурировали... И кто-то там подчеркнул, что они нисколько не пе-

---

[1] Английский актер.

чалились под прессом депрессии, а я тогда еще ходил, недоумевал. Но почему же я не видел разницы раньше? Просто потому, что мы «хватаем» слова без разбора?

Робин. Наверное. Меньше было бы в жизни путаницы, если бы к слову «депрессия» прибегали лишь в том смысле, в каком оно употребляется психиатрами. Люди не смешивали бы два разных состояния.

Джон. А Вы думаете, каждый примет наши доказательства за неоспоримые?

Робин. Большинство примет. Я годы слышу, как люди описывают «эмоциональное» положение дел: «омертвение чувств» и «живость чувств» — ключевые понятия, разводящие «выгоревших» и «горюющих». Не забывайте, депрессивное состояние и нацелено на отказ от горечи. А Вы не выбираете: Вы не можете отказаться от одной эмоции, не отказавшись затем от других. И если сожгли мосты и не знаете огорчения, Вас не коснется никакое другое чувство. Для Вас мертвы чувства — омертвели Вы. Не удивительно, что «без чувств» Вам не разобраться в своем состоянии.

Джон. Есть еще отличие. Когда грустно, я могу сказать кому-то: «Так, огорчения, но я в порядке». И в компании я действительно на своем месте, от других ничего не хочу, просто рад общению. Но под прессом депрессии где-то в глубине души жду, что снимут с меня эту тяжесть, и мне непонятно: почему же медлят?!

Робин. Вспомните Бэзила Фолти. Он постоянно в депрессии. Но никогда не признает этого. Всю жизнь показывает окружающим, что они делают его пребывание на земле невыносимым.

Джон. Печалясь же, мы не придираемся к миру. Значит, жалобы — знак депрессии?

Робин. Да. Люди в состоянии депрессии или скрытой депрессии обязательно затянут известный мотив про то, что «никто их не любит... и за что им такое... и почему нет порядка».

Джон. Ну, если человек с детства приучился кислой физиономией «сигналить», чтобы мать поторопилась и привела мир в порядок, а она... не справилась, вероятно, в человеке укоренится недовольство матерью, не оправдавшей ожиданий. Отсюда и вечно обиженный вид, будто кто-то брался сделать жизнь правильной и подвел.

Робин. Конечно же, если вы дожидаетесь, что кто-то за вас сделает вашу жизнь ладненькой-сладенькой, вы от жизни отстанете.

Джон. Итак, еще одно объяснение неповоротливости держащихся на неверном пути. Но как их подстегнуть? Как подтолкнуть к верной дороге?

Робин. Надо найти способ растолковать им, что напрасно зовут других устраивать для них жизнь, что они сами должны за нее взяться.

Джон. И с чего им начать?

Робин. «Присвоить» горечь — прежде всего. И тут им надо помочь, потому что учили их как раз чуждаться ее.

Смена пути

Джон. Значит — возвращаясь к матери и ребенку на неверной дороге — Вы хотите сказать, что страдальческая гримаса и поза отчаяния у ребенка перестают быть знаком под-

ступившей к нему необходимости принять — одолев — перемену, а становятся сигналом для других снять стресс?

Робин. Да, очень тонко схватили суть. Только «сигналы» вас уводят чуть в сторону: во всем куда меньше задействовано сознание. Мать не замечает, не анализирует реакции ребенка, не принимает соответствующих решений. Так же, как и ребенок не обдумывает решения послать сигнал. Все совершается машинально.

Джон. Ни один не представляет, зачем он это делает.

Робин. И даже — что делает. Стиральная машина стирает, потому что она так устроена. Мать «спасает», потому что она так устроена. И не только мать — отец, все другие дети в этой семье «запрограммированы» одинаково. Обычная семейная модель, передающаяся из поколения в поколение как по отцовской, так и по материнской линии. Поэтому каждый в этой семье отстает в том же, даже если притворяется, что не отстает.

Джон. Как они могут притворяться?

Робин. Ну, отец, который критикует мать, слишком уж потакающую ребенку, и который иногда скажет, чтобы «не портила» ребенка, на первый взгляд покажется «посторонним». Но присмотревшись к этой семье в полном составе внимательнее, вы скоро обнаружите, что отец просто ревнует, ему бы хотелось, чтобы его самого так «портили». Значит, отец не выручит. Значит, в любом случае — признает ли сам отец эту потребность или отрицает — ребенок учится уворачиваться от огорчений, делая беспомощное, страдальческое лицо.

Джон. Но если все это происходит машинально, действие разыгрывается за «ширмой»?

Робин. Да. За «ширмой» у каждого в подобной семье — не только у одного, обратившегося к вам с жалобами. Поэтому и нужен кто-то, не причастный к этой семейной «традиции», только он поможет им всем увидеть происходящее, «присвоить» сунутые за «ширму» огорчения, чтобы освободить от сковавшей их модели поведения.

Джон. А друзья годятся в помощники?

Робин. Если случай из легких. Но если серьезный, если модель глубоко укоренилась — вряд ли. Человек, унаследовавший определенную линию поведения от матери, выберет и друзей по себе — с ними он не сойдет с проторенной дорожки.

Джон. Так и пару выберет... Машинальная реакция на «сигналы»? Ага, «свой» человек.

Робин. Поэтому трудно ожидать, что помощник, сделающий необходимое, ему свалится с неба.

Джон. А что необходимо сделать?

Робин. Сразу несколько вещей. Поместить человека в ситуацию, где за страдальческое лицо не дают «кусочек сахара», одновременно понимают причины для страдания «лицом» и не осуждают за эти сигналы, а предлагают эмоциональную поддержку, подталкивая человека погрузиться в огорчительные переживания.

Джон. Подождите. Дайте-ка рассмотреть каждую из вещиц». «За страдальческое лицо не дают «кусочек сахара». Что за «кусочек сахара»?

Робин. Ну, никто не бросится с криком: «Нет-нет-нет, не надо напрягаться, не нужно расстраиваться!»

Джон. Грубо говоря, психотерапевт должен настойчиво посоветовать: «От жизненных тягот не отворачивайтесь, огорчайтесь на здоровье, огорчайтесь!»

Робин. Да, уж грубее нельзя...

Джон. Дальше ─ »понимают причины для страдания «лицом» и не осуждают».

Робин. Это значит, что человеку необходимо внушить: огорчаться ─ нормально для взрослого, никто не примет его за «маленького».

Джон. Тогда человек сможет достать из-за «ширмы» свои горести и погоревать всласть.

Робин. Да. Сможет «присвоить» их. Что ему необходимо.

Джон. Но он никогда раньше не брался за подобное дело и пугается. Поэтому ему нужна эмоциональная поддержка.

Робин. Эмоциональная поддержка ─ »вещь» такая же важная, как и первые две.

Джон. Разумеется, «правильный» человек разделывается с большим числом малых потерь не за один присест ─ постепенно. Ну, бесхитростный пример: за тысячу «огорчений» я отделюсь от мамы, и если я ребенок нормальный, вступил на верный путь, я сделаю шаг за «огорчение», потом еще... Каждое «огорчение» невелико и терпимо. Но человек дурных привычек всю тысячу «огорчений» свалил в кучу за «ширмой».

Робин. И фактически позже добавил к той тысяче еще несколько тысяч, отчего страшнее стало его «богатство». Конечно, «присваивать» огорчения ему нужно не сразу, а постепенно. Он подозревает, что за «ширмой» их накопилась гора, и боится, что он их не вынесет. Поэтому ─ повторю ─ не отказывать при этом в помощи, поддержать человека так же важно, как отказать ему в привычном «кусочке сахара».

Джон. Когда я понял это в Вашей группе, я чуть не закричал «Эврика!» Раньше я думал: к человеку под прессом депрессии есть два подхода. Первый ─ вовлекаетесь, затягиваете вторым голосом: «И откуда столько несчастий на бедную голову!», считая, что поддержали, согласившись со всеми жалобами бедняги. Говоря Вашими словами, отделались «кусочком сахара». Второй подход, точнее, приступ ─ на такое я сподоблюсь, сам «хватив» депрессии,─ по-британски коротко советуете: «Виски ─ в себя, себя ─ в руки!» Раньше я бы не додумался просто сесть с человеком рядом и сказать: «Да, тяжело вам, и переживания тягостные выпали. Но я с вами посижу, а вы погорюйте». Теперь я вспоминаю, что одна девушка после того, как расстались, упрекнула меня: никогда не мог «просто побыть с ней», придавленной депрессией. Тогда я не понял, о чем это она, надеюсь, понимаю теперь.

Робин. А у меня в роду депрессивная «манера» поведения, и я долго подбирался к действенному способу поменять закрепившуюся схему. Конечно, легче «менять», когда вы в своем психотерапевтическом кресле ─ легче дается «нейтральность», невозмутимость, поддержка, когда помогаете посторонним людям, ведь вы сами меньше вовлечены. С близкими людьми тяжелее сохранить твердость, оказывая нужную им поддержку.

Джон. Своя нужда помеха!

Тяжелая депрессия

Джон. А что скажете о тяжелой депрессии? Мне часто приходилось слышать, что она ─ результат скорее биохимических причин, чем психологических, и, следовательно, поддается только лекарственному воздействию.

Робин. Ну, мы все построены из химических продуктов. Любой наш «поворот» сопровождается химической «перестройкой». Увидели хорошенькую девушку, испугались автобуса, не снижая скорости мчащего на нас, когда переходим улицу, повздорили с кем-то — химический состав крови каждый раз меняется. Конечно, такие реакции поддаются воздействию химии. И, разумеется, некоторые формы депрессии можно снять химией. Фактически лекарственные препараты незаменимы как временное средство прорвать порочный круг химических превращений, идущих в организме при тяжелой депрессии и нарушающих у пациента ясность мысли и способность к взаимодействию, так что психотерапия оказывается бессильной и даже жизнь пациента — в опасности. Но лекарственными препаратами не изменить склад личности — глубоко заложенные в ней модели поведения, о которых ведем речь. И эти модели будут по-прежнему провоцировать организм все так же... «химичить», вырабатывать все те же вещества, которые лекарства должны блокировать. Надо воздействовать на автоматизм моделями спровоцированных реакций, изменить сами модели, тогда человек избежит очередной депрессии, ему совсем не понадобятся лекарства.

Джон. Даже в тяжелейших случаях депрессии?

Робин. Трудно сказать... Со многими случаями, которые раньше лечились только медикаментозно, теперь можно справиться получившими распространение во всем мире методами семейной психотерапии. Постоянно разрабатываются все более эффективные методы, поэтому случаи, сейчас не поддающиеся психотерапии, возможно, через год будут успешно лечиться. Впрочем, в настоящее время и, вероятно, еще долго лекарственные препараты, помощь психиатра и госпитализация, предполагающая электрошоковую терапию, когда другие средства бессильны,— единственные практические меры борьбы с тяжелой депрессией.

Джон. Почему одни пациенты в состоянии депрессии «хуже» других и хуже поддаются лечению?

Робин. Есть разные мнения. Вот, по-моему, наиболее убедительное, проверенное практикой: тяжесть депрессии зависит от того, где именно «застрял» человек в фазе отделения, отсчитываемой от шестимесячного возраста. Тот, кто «ушел» недалеко, будет больше отставать и труднее поддаваться лечению.

Джон. Значит, если ребенок «застрял», только начав различать «границы», только изредка и нечетко представляя мать цельной и стоящей в отдельности, он будет... уязвимей?

Робин. Да, если «границы» непроясненные и легко стираются, «застрявший» быстрее утратит связь с реальностью в состоянии стресса. Большой удар — потеря любимого человека, крушение честолюбивых планов, крах самосознания, точнее, высокой самооценки — даст боли, страдания больше, чем он сможет вынести. Он отстал, не добрался до способности ухватиться за воспоминания о любимых людях и счастливых временах, чтобы нейтрализовать боль и удержать равновесие. Боль нависнет чудовищной тенью, и порою единственное от нее спасение — устремиться вниз по «лестнице совершенства» к примитивному уровню с «предохранительным клапаном», позволяющим спроецировать болезненные чувства на внешний мир, на других. Или человек скатится еще ниже, на уровень, где будет воображать, что властвует миром.

Джон. Он регрессирует до паранойи и даже до шизофрении?

Робин. Да, в каком-то смысле вновь окажется на этих самых ранних ступеньках человекоподобия, в безумии будет жить бредом, галлюцинациями.

Джон. Но если он успел «уйти» чуточку дальше в фазе отделения?..

Робин. Тогда он сможет ухватиться за счастливые воспоминания и, несмотря на то, что вначале пошатнется под ударом — из-за утраты — удержится в депрессии, не отступит

назад. Если человек «продвинутей», в нем больше взрослости, чтобы решать проблемы и, обратившись за помощью, взаимодействовать с психотерапевтом.

Джон. Имеются ли данные, доказывающие, что тяжелые депрессивные заболевания — наследственные?

Робин. Да. Думаю, многие сегодня согласятся, что хотя бы отчасти уязвимость — наследственная черта и по-разному проявляется в разных формах депрессии. Из-за уязвимости определенные семьи или члены семьи скорее окажутся жертвами стресса и задействуют модели поведения, о которых мы говорили.

Джон. Значит, маниакально-депрессивные заболевания — наследственные?

Робин. Специалисты, как правило, считают их наследственными заболеваниями, но есть много доказательств влияния среды. На сегодня еще не выяснено соотношение факторов.

Джон. А где их положение относительно полюсов душевного здоровья и нездоровья?

Робин. Я бы поместил маниакально-депрессивную личность на нижнем полюсе сразу же за страдающей паранойей — исходя из меры проясненности «границ» и достигнутой степени отделенности. Как и большинство психоаналитиков, я считаю, что мания еще дальше, чем депрессия, отстоит от образа действий, присущего зрелой личности, фактически — »защита» от него.

Джон. Значит, мания оказывается посередине между паранойей и депрессией?

Робин. Да. Она характеризуется некоторыми чертами ступени, дающей шизофрению или паранойю: непроясненностью «границ», утратой связи с реальностью, разделением эмоций на «хорошие» и «плохие» и проекцией неприятных вовне. Однако маниакально-депрессивная личность несколько сложнее совокупности указанных черт, потому что преодолела эту ступень.

Джон. Спешное отступление к паранойе, но на полпути — стоп!

Робин. Да. Откат назад из-за утраты, чтобы не угодить под пресс депрессии.

Джон. Но мания — почти противоположность депрессии — так ведь? Охваченный манией человек безудержно оптимистичен, в депрессии — »безвыходно» пессимистичен.

Робин. Верно. Поведение человека в маниакальном состоянии напоминает наше с Вами, когда возбуждены или ликуем — »вне себя»... Человек теряет почву под ногами, без меры экспансивен, щедро добавляет своему «я» значительности, могущественности, переполняется грандиозными честолюбивыми замыслами.

Джон. И швыряет деньги на ветер — те, которых пока не имеет, но обязательно на днях заработает.

Робин. Да-да. Он правит жизни пир. И поэтому совершенно неуправляем!

Джон. Немного похож на уже знакомый нам «большущий шар»?

Робин. Да, хотя между манией и шизофренией существует разница. По крайней мере, пока маниакальный больной «не дал задний ход». Обыкновенный «человек в маниакале» все-таки понятливее и понятнее шизофреника.

Джон. Где-то ближе к реальности?..

Робин. Да. Шизофреника так никогда и не втиснули в «границы», поэтому он так и считает себя «большущим шаром». «Маниакальный» по прежнему опыту знает, что не может властвовать миром — он усвоил этот урок, но он отчаянно притворяется «большущим

шаром». А раз он знает в глубине души, что зря надувается, от шара, в конце концов, останется пшик ─ и он опять «упадет» в депрессию.

Джон. Маниакальное состояние может длится месяцы?

Робин. Да. Иногда обнаруживается какая-то ритмичность приступов, но чаще всего схематизировать течение болезни трудно. Впрочем, специалисты, изучавшие состояние, утверждают, что стресс, большая утрата переключают механизм либо в ту, либо в другую сторону.

Джон. Так. И, наконец, что там с легкими случаями? Люди «спихивают» легкую депрессию, основательно, впрочем, повозившись...

Робин. Это больше «продвинутые», не слишком отклоняющиеся от нормы люди. Просто родители чуть перестарались, оберегая чад от «положенных» стрессов. Откуда и стойкая привычка искать у себя ссадины и раны, как только в жизни какие-то трудности. Кроме того, семьи здесь крепче «спаяны», чем идущие верным путем.

Джон. Хорошо, «взвесили» все разновидности депрессии. От самой тяжелой, когда человек может «уйти» в паранойю и шизофрению, не выдержав нагрузки ─ жизнь окажется ему не по плечу ─ до случаев, когда остается какой-то контакт с реальностью, и маниакально-депрессивная личность то в безумном порыве сбрасывает груз проблем, то опять придавлена прессом депрессии, и до «самых легких» случаев, когда люди несут бремя жизни, мало ей радуясь.

Робин. Да, суть схватили.

Джон. И как же с облегчением? Как лечить самые тяжелые случаи?

Робин. Чем тяжелее случай, тем больше вы зависимы от химии ─ от лекарственных препаратов, которые снимут особо острый синдром. Но при этом необходимо наблюдать и семью целиком, чтобы добиться результатов.

Джон. А что касается легких случаев?..

Робин. Что касается легких случаев, психотерапевтическое лечение может оказаться весьма успешным. Только бы человек обратился за помощью. Такие люди, отметьте,─ обычно из очень преуспевающих. Потребность в любви, в похвалах делает их редкими тружениками, они всем пожертвуют ради своей фирмы, ради дела.

Джон. И ради семьи.

Робин. Да, и в этом отчасти проблема! Ведь они, как Вы помните, не умеют брать себе. Прикипев к семье, к какому-то кругу людей, с которым связала жизнь, они будут преданы им, будут надежны, порой до болезненности усердны. Не умея брать себе, будут все... принимать к сердцу... Поэтому многого достигнут, заслужат немало наград.

Джон. И заработают язву. В Вашей группе, помню, все, в том числе все замужние женщины, были высшего профессионального уровня. Закрадывалось подозрение, что никто не мог позволить себе удовольствий, возможно, от чувства ответственности за свою половину (или от чувства зависимости?). В таких семьях очень цепко держатся друг за друга ─ да?

Робин. Да, даже если этого не показывают.

Джон. Но раз никто в такой семье не способен позаботиться о себе, «здоровым» образом взять нужное, значит, как Вы миллион раз повторяли, никто не способен дать. Что же они получают, крепко держась друг за друга?

Робин. От добра добра не ищут. С одинаковыми недостатками, споткнувшиеся на том же, они находят друг у друга понимание, какого у идущих верным путем не нашли бы.

Хорошо бы лучшего, но они довольствуются тем, что есть. Семья живет, пока не столкнется с утратой, пока кто-то не выйдет из круга. Смерть, разлука, большие перемены для этой семьи губительнее, чем для здоровой, нормальной, она не так надежна, ее чаще поджидают катастрофы. Вот почему большие разветвленные семьи, ушедшие в прошлое, процветали, вот почему с современной малой «оранжерейной» семьей столько возни.

Идеальных нет

Джон. Многие симптомы депрессии, которые Вы описываете, мне знакомы по опыту. В затяжную, глубокую, как семь-восемь лет назад, не впадаю, но иногда придавит-таки слегка... Например, скажет кто-нибудь что-то обидное, а я вместо того, чтобы расслабиться и чуточку сбавить самомнение, часто чувствую: «зажимаюсь». Или, когда с работой «напряженка», не даю себе передышки ─ не умею «взять необходимое». Как заведенный кручусь, отчего опять «зажимаюсь», «духом» не упираюсь в тело, с полновесностью тела теряю полномерность мира. И тогда появляется чувство ─ больше всего не люблю в себе его ─ недовольства Всевышним... за то, что решил позабавиться за мой счет, понаставил всяких барьеров. Знаю: почти все мои друзья так же «депрессивно» реагируют на стресс... Это я подбираюсь к вопросу: «Ну, а Вы?..»

Робин. Когда я занялся практикой как детский психиатр, я часто шутил с коллегами: если от меня и есть толк, то только потому, что в родной семье понемногу всего увидел ─ что к чему прочувствовал на своей душе. Тогда я еще не оправился после типичной «болезни» студентов медицинского факультета ─ они находят у себя все до одного случая из учебника. Впрочем, в моей шутке было правды с избытком. Вначале я думал, что я ─ печальное исключение, но позже, стажируясь и посещая группу психотерапии, при ближайшем знакомстве я выяснил, что у других стажеров в семьях проблем тоже хватало. Я немного разобрался в своей душе и задним умом понял: попал в психиатрию, чтобы и себя пользовать, и других лечить. Может быть, неосознанно моя семья «пожертвовала» мною во спасение страждущих. К счастью, в моей профессии недостатки обращаются в преимущество.

Джон. А в политике ─ не так?

Робин. Возможно, и так. Но в моем деле, если поставили себе диагноз, сами можете себя и подлечить, как-то распутать клубок проблем.

Как-то на днях я послушал старую запись первой у нас в стране представительной конференции по семейной психотерапии. Она проводилась в 1973 году. И первый раз, по предложению приехавших из Института Акермана в Нью-Йорке американских специалистов по семейной терапии, мы занялись разыгрыванием ролей, то есть разыгрывали сценки из своей семейной жизни или вспоминали семейные истории пациентов. Разыгрывали ─ чтобы лучше вникнуть. Тогда-то и были посеяны семена нашей с Вами книги ─ вот, познакомьтесь с выдержкой из моего выступления на закрытии конференции.

«Самое, пожалуй, важное из того, что мне дала конференция,─ я нашел связь со своей семьей. Я знал, что нуждаюсь в этом, но не знал, как этого достичь. И я понял, что все присутствующие здесь ─ моя семья, мы все время здесь наблюдали одну семью.

Всякий раз видели неуверенную мать, которая с трудом удерживает свои позиции и боится «высунуться». Она по-прежнему испытывает привязанность к своей матери и жаждет заботы мужа, детей, но, защищаясь от осознания «нужды», сама дает без меры, сама забо-

тится обо всех подряд, не замечая чьей-то «нужды» в самостоятельности. И она в депрессии, конечно же, ведь она сама... «не взяла» этот рубеж самостоятельности.

Каждый раз перед нами отец, не ладивший со своим отцом, не сумевший вырваться из «нужды» в своей матери, он раздражен, он безволен, выбирает и... остается обойденным.

Супруги не лучшим образом удовлетворяют свои сексуальные потребности, ведь они «не доросли» до этой ступени развития, они все еще цепляются за родителей, жаждут родительской любви-опеки. А без этой опеки, которую они, конечно же, не могут проявить друг к другу в достаточной мере, они не могут порадовать друг друга в постели. Дети в семье наследуют ту же модель. В результате родители чувствуют себя до крайности бессильными, но как раз поэтому пытаются предстать всесильными и чересчур усердствуют, воспитывая детей правильно.

Я наблюдал эту модель, когда разыгрывалась семейная жизнь наших пациентов, когда коллеги «играли» свою, и подумал: а не похож ли я на человека, требующего луну с неба для себя только. Может быть, все здесь видят эту луну, эту семью ─ одну на всех их собственную семью. Может быть, есть лишь одна семья, семья людей ─ просто много способов отстать и сбиться с пути».

Джон. Наверное, резонно думать, что многие читающие нашу книгу будут узнавать себя или, по крайней мере, «механику» своей семьи, семьи друзей.

Робин. Да, многие узнают себя, может быть, увидят себя бледными копиями «образов» из этой книги.

Джон. А если ничего не увидят?

Робин. Тогда они полностью преодолели описываемую ступень, но таких незначительнейший процент.

Джон. И, конечно же, будут такие, которые считают, что все на свете преодолели, хотя на деле ─ нет.

Робин. Ну, они всегда узнают себя, если захотят.

Джон. Как же это?

Робин. Они разозлятся, читая книгу, и вроде бы ─ без причины.

Джон. Умно говорите, доктор, слишком умно. Наверное, у Вас бывали пациенты, которые приходили в раж и выставляли оборону, когда Вы выдвигали предположение, что у них есть неудовлетворенные нужды?

Робин. Фактически еще труднее с теми, которые не злятся, но ловко провоцируют вас, когда подобрались к их «печалям». Помню одного такого пациента, каждый раз, появившись, он меня заводил. Пограничный случай паранойи, он много лечился, я соглашался беднягу изредка принимать, потому что его прежний психотерапевт умер. Появлялся он с интервалом в два-три месяца, выкладывал на стол книги ─ »Винни Пух», «Толкование сновидений» Фрейда, «Алиса в стране чудес», «Зависть и благодарность» Мелани[1]─ и принимался высказываться о прочитанном: что он понял. Я же тем временем пытался понять, «прочесть» его зашифрованную жалобу. Я обычно раздражался, чувствовал себя «несоответствующим» креслу, но он продолжал появляться у меня и, казалось, понемногу менялся в лучшую сторону. Однажды вместе с книгами он принес огромный бумажный пакет, из которого осторожно вытащил белого игрушечного зайца-гиганта трех футов росту и поместил его на столе среди книг. Заяц все время заваливался назад, я хватал с полок книгу за книгой, чтобы создать ему опору, пока, наконец, не устроил зайца, а пациент между тем повторял:

[1] КляйнКляйн, Мелани (1882─1960) ─ английский психоаналитик австрийского происхождения.

«Не беспокойтесь!» А потом, заведя разговор, действительно вывел из равновесия. Я так рассвирепел, что уже порывался объяснить: напрасно, мол, отнимаем друг у друга время. Но я взял себя в руки. К моему удивлению, он уходил очень довольный. Собирая книги, засовывая зайца в бумажный пакет, он сказал: «Очень Вам благодарен за то, что Вы сделали для зайчика!»

Джон. То есть просить поддержку себе он не мог, он выставил вместо себя зайку, «поддержав» которого, Вы помогли ему.

Робин. Да, наверное, так. Иначе попросить помощи он был не способен. Он облегчил и мое положение, ведь я безотчетно откликнулся на его «нужду» единственным приемлемым для него способом. Позже я понял, что он вылечил меня, также научив сердиться — держась вовне спровоцированного во мне...

Джон. Я оценил заслугу переходного объекта — он поддерживает ребенка и одновременно удерживает маму с ее ненужной заботой на «нужном» расстоянии. Сравниваю с Вами, когда лечите, поддерживаете, и вижу: Вы сами для своих пациентов, выражаясь языком ученых докторов, зайка.

Робин. Знали бы Вы, как трудно быть дельным зайкой.

Джон. Это потому, что Вы не зайка-зазнайка.

КТО ЗДЕСЬ ГЛАВНЫЙ?

Мамочка, можно я буду ангелом?

Джон. Каков следующий ряд идей?

Робин. Довольно длинный ряд интереснейших идей: отношение к власти, почему одни конформисты, другие ─ бунтари, какая строгость положена родителям и в чем главная отцовская обязанность, почему кто-то годится в команду, а кто-то ─ с непомерно большим «я» ─ нет, речь пойдет о детях, которые непослушанием или болезнью мирят родителей, об одержимости, детской истерике, о пользе нечастых родительских стычек и о райском саде.

Джон. Неужели все перечислили? И эта гора выросла, наверное, потому, что ребенку предстоит перебраться на следующую ступень развития?

Робин. Ребенок пошел...

Джон. Уже не младенец беспомощный... Или почти беспомощный...

Робин. Да, мозг развивается, нервные клетки соединяются, связываются с мышечной тканью. И где-то между годом и двумя ребенок начинает самостоятельно ходить, говорить первые слова.

Джон. А его «естественные отправления» ─ как выражаются в Уэстон-сьюпер-Мэр?

Робин. Теперь эти «отправления» совершаются не автоматически, как раньше, но «с согласия» ребенка. Примерно в полтора года ребенок уже способен иметь свое «мнение».

Джон. Бедные родители! Раньше «диссидентство» сводилось к голодному плачу и к отказу от нелюбимой каши.

Робин. Ну, еще можно было заболеть. Теперь же возможности безграничны. Ребенок подойдет, когда зовут, а захочет ─ убежит! Скажет «да», скажет «нет» ─ как захочет. Может бросать и опрокидывать вещи, хотя мамочка этого совсем «не любит». А когда посадят на горшок, может «отдежурить», а позже пустить дело «на самотек»... Ребенок все подвижнее, и родители уже показывают ему, что они «любят» и что «не любят».

Джон. Они уже «призывают» ребенка «к ответу», ведь он уже способен выбирать, что ему делать.

Робин. Совершенно верно. Ребенок понемногу обретает независимость и свободу, и поэтому становится перед выбором между «добром» и «злом».

Джон. Теперь доступно возбуждающе разнообразное «злодеяние». Откуда и приступы истерики, или капризы на этой ступеньке.

Робин. Да. Конечно же, ребенок просто пробует силы, выясняет, на что их хватит. И если сталкивается с препятствием, то... «сталкивает» препятствие, стремится преодолеть его. А иногда препятствием оказываются родители!

Джон. В каком-то смысле ребенок экспериментирует.

Робин. Да. Родители же думают, что в чем-то подвели, что-то «не додали» ребенку. Совсем нет. Капризы ─ нормальное явление.

Джон. Но почему такое буйство?

Робин. Оцените положительный «заряд». Чем яростнее вспышка раздражения, тем сильнее будет характер, если ребенок научится обуздывать свою энергию. За неистовством скрывается упрямство и упорство, которое «блокировано». Вообразите, что тут энергия, способная оторвать ракету от земли. Вспышки ярости — все равно что пробные ракеты, взрывающиеся на запуске или после взлета, потом придет умение контролировать энергию, и ракета полетит в выбранном направлении.

Джон. Никогда и в голову не приходило, что капризы «включаются» энергией — не злостью. Наверное, злость — неисчерпаемый источник энергии? Сижу, например, не пишется и все тут... значит, надо разозлиться на себя хорошенько? И тогда, очевидно, резервная энергия поможет сдвинуться с мертвой точки.

Робин. Именно этому и должен научиться ребенок — сдерживая вспышки ярости, «обуздывать» удивительную силу, чтобы мчать, как умелый всадник, усмиривший и направляющий скаковую лошадь... Капризы позабыты, когда ребенок научился управлять своей энергией и направлять ее себе на пользу.

Джон. Дело времени?

Робин. Да, при условии, что родители понимают: капризы в порядке вещей — и будут спокойны с ребенком и тверды. Все само собой наладится, ребенок «укротит» свой буйный нрав.

Джон. Значит, ребенок — как бы его назвать... «ходунок» — уже физически «умелый» и способен подумать о себе... Каков главный урок для него на этой ступени?

Робин. Приспособиться к другим, сначала — в семье, затем — в обществе.

Джон. Не приспособившись, он потеряет любовь, поддержку, помощь других, а он в этом, конечно, нуждается.

Робин. Жизнь, безусловно, будет богаче и интереснее, если он сумеет ладить с другими.

Джон. Значит, он должен по выбору быть только «хорошим»?

Робин. Нет.

Джон. Нет?!

Робин. Понимаете, быть просто «хорошим» ему не на пользу. Чтобы сделаться здоровым, самостоятельным, полагающимся на себя человеком, человеком независимого ума, на этой ступени он должен творчески браться за все, что «под рукой». Пускай получается новое, неожиданное для него — непредвиденное родителями. Иногда такое, что они... «не любят».

Джон. Значит, он должен быть достаточно уверенным в своих силах и пробовать, но одновременно — учиться приспосабливаться к другим?

Робин. Да. «Озорник» и «паинька» — это не он. Ему нужно по тропинке посередине, не налево и не направо...

Джон. Сбавьте шаг, я отстаю! Понятно, почему ему не следует быть «слишком плохим», ведь никем не любимые себялюбивые эгоисты остаются в одиночестве. Но какой вред — быть «слишком хорошим»?

Робин. Если он не экспериментирует, не думает своей головой, поневоле во всем уступает, то вырастет конформистом. Он никому не будет мешать — такой неинтересный, скучный, серый. Его везде отпихнут, и он никогда не добьется того, чего хочет или в чем нуждается. Его будто и нет — нет личности.

Джон. Бухгалтер, короче говоря. Вспоминаю свой учительский опыт: двое-трое ребят, никогда ничего не выкинувших, почему-то не вызывали интереса.

Робин. В том-то и проблема. Они не нравятся, их не любят. И постепенно они лишаются поддержки в жизни, так же, как «слишком плохие», слишком себялюбивые. Значит, у родителей «зашагавшего» ребенка весьма трудная задача ─ направлять его шаги, удерживая от крайностей.

Джон. Дать «ходунку» свободу, поощрять... нет, уже не «вылазки» ─ »выходки», поддерживая в нем уверенность, независимость, но также проявлять твердость, не забывать про контроль... чтобы он научился самоконтролю.

Робин. Чтобы смог удерживать так не просто достигаемое равновесие между конформизмом и независимостью, а это ─ наша «пожизненная» задача.

Джон. В суровый мир нас вытолкнули... После благодати в колыбели, когда мама глаз не сводит ─ мы ее «солнышко», «сердечко», «сладкое яблочко»...

Робин. Кстати, о яблоках...

Джон. Да?..

Робин. Райский сад некоторые толкуют как миф про эту самую благодать. Младенчество и есть наш «райский сад», наш «Эдем», где все для нас готово, ничего взамен не берут. «Падение» ─ это подступивший к нам выбор ─ между тем, что мы хотим, и тем, что хотят наши родители. Выбирая ─ мы уже «вкусившие от древа познания добра и зла». А прежде были «невинны», не различали «добро» и «зло».

Джон. Значит, мы должны пройти через «зло», пройти через «добро», прежде чем станем самими собой.

Робин. Должна быть возможность сделать и то, и другое, должен быть выбор между добром и злом. А отсюда с неизбежностью ─ свобода восстать против системы, даже с риском быть раздавленными! Но мы часто забываем об этом и надеемся свободными и верными себе прожить, не рискуя всеобщим уважением и безопасностью.

Джон. Да, забываем... Я, во всяком случае... Хорошо, Вы утверждаете, что ребенок не разовьется в личность, если не будет озорничать.

Робин. Ребенок как летчик-испытатель на новой машине: проверяет, на что они «в паре» способны, иногда в крутой вираж войдет, иногда его занесет...

Джон. Так, о паре, точнее, о фиговых листках... Адам и Едва узнали, что они мужчина и женщина.

Робин. По-настоящему сексуальность пробуждается в детях позже. На этой ступени дети узнают не столько про пол, сколько про физические половые отличия, которые возбуждают большое любопытство. Эта ступень, таким образом, связана с познанием выбора между «быть хорошим» или «быть плохим», но также с открытием отсутствия выбора между «быть мальчиком» и «быть девочкой».

Джон. Значит, миф не про «зов плоти», но ─ про познание половых различий...

Робин. Да. Адам и Ева узнали о своем отличии друг от друга, что заставило их осознать отдельность и одиночество каждого. И тогда они, конечно же, почувствовали себя лишенными райской благодати, изгнанными...

Джон. ...отринутыми от блаженного единства с Всевышней Мамочкой. Стало быть, миф о «Грехопадении» рассказывает про познание добра и зла, то есть ─ правил, с которыми можно согласиться, которые можно нарушить, а также про «расставание» с матерью. Но Вы

указывали раньше, что это «расставание» приходится на период примерно от шести месяцев до трех лет, свою же ступеньку «ходунок» преодолевает... Когда? От года до четырех лет?

Робин. Да, примерно... Я думаю, начиная с года и трех месяцев...

Джон. Но, значит, фазы частично накладываются одна на другую?

Робин. Разумеется. Многие уроки, которые мы должны затвердить, «накладываются». Это как с супом: мясо уже варится, когда добавляют картофель, картофель оказывается в кастрюле прежде горошка, а вода — еще раньше, но подготовка всего, что накладывается — идет одновременно.

Джон. Итак, «ходунок» переживает перемены в сложнейшей смеси. Он должен справиться с отделением от мамы, он познает новый, волнующий и немного пугающий мир вокруг, устанавливает свою половую принадлежность, учится приспосабливаться к «законам» семьи. Значит, он, едва поспевая, переписывает свою мысленную карту мира каждые десять минут?

Робин. И еще вносит многое с родительской карты — все, что относится к «законам» семьи. Он теперь учится выводить первые контуры общества.

Твердость

Джон. Недели три назад в ближайшем супермаркете я был зрителем «пифийских» игрищ. За покупками зашла мама с двумя натренированными в озорстве детьми и всякий раз, когда они делали что-то неположенное — на каждой восьмой секунде, она разражалась криком и грозила им невообразимыми лишениями, истязаниями; они же, выслушав, торопились еще что-нибудь натворить. Она уже обещала ужесточить наказание на пять тысяч ударов плетью, на пару «испанских сапог», но тут они выкинули какой-то действительно скверный фокус, чтобы знала, что у них главный. В конце концов ей пришлось накупить им конфет, и тем мама спасла супермаркет — детишки сожгли бы его дотла.

Робин. Представляю. Если в семье привыкли к крику, значит, родители не дали детям необходимых им ясных ориентиров, «руководящих указаний». Чаще всего отсюда и крик.

Джон. О'кей. Хотелось бы вникнуть в это дело — с ориентирами и пограничными линиями. Значит, чтобы приспособиться к окружающим, ребенку нужно всего лишь узнать, где проведена черта — ясная черта? Возможно, поневоле узнать и затвердить... Вспоминается нелегкое слово «дисциплина».

Робин. От латинского слова disciplina, обозначающего «учение».

Джон. Да. От него же и английское disciple, что означает, в частности, «апостол», то есть ученик, которого Иисус совсем не обязательно систематически подвергал наказаниям. Но произнося это слово сегодня, вы неминуемо вызываете в воображении собеседника картину жестокой порки с зареванными детьми.

Робин. Сильной поркой кончается как раз, если ориентиры нечеткие. Если же отец способен держать чадо в руках, рукоприкладство вряд ли понадобится.

Джон. Поделюсь своим родительским опытом. К сожалению, я не взялся за воспитание дочери вовремя. И в четыре года она стала совершенно несносным ребенком, так что я однажды вышел из себя и впервые хорошенько ее отшлепал. Удивительно — наше взаимопонимание сразу улучшилось. Мне и еще приходилось награждать ее шлепком, но такие

«награды» доставались ей реже и реже. На седьмом году отцовства я уже не прибегал к этой мере. Что действительно радовало — а ведь вы всегда чувствуете себя немножко виноватым, поднимая руку на свое чадо, хотя и знаете, что правы — дочь не затаила обиды. Кажется, как ни странно, мы даже сблизились.

Робин. Ваш опыт не исключение. По себе знаю. Рассказывали семьи, по моему совету взявшиеся тверже проводить свою линию с детьми. Дети всегда вас простят, даже еще больше полюбят, потому что наказывая, вы показываете им, как на самом деле о них волнуетесь.

Джон. Слышу: в нашем славном муниципалитете саркастически фыркают... Но ведь, проводя твердую линию, вы ничуть не меньше, чем окружающая заботой мама, доказываете свою родительскую любовь — просто совсем по-другому.

Робин. Совершенно верно. В действительности такая любовь глубже, потому что предполагает в ответ временную неприязнь, даже ненависть ребенка — родитель причиняет ребенку боль, хотя и для его же пользы. В каком-то смысле этой любовью любить труднее, ведь надавав... нужных шлепков, родитель ничего хорошего не получает взамен. Неприятие, неприязнь на время — да. Благодарность будет потом!

Джон. В разговорах с дочерью во время каникул я освежил свои еще школьные впечатления: дети презирают учителей, которые не способны навести порядок. И возмущаются ими. Предпочитают строгих. Добродушные тоже годятся — если умеют призвать к порядку. А еще ученики не выносят непоследовательных учителей, которые строги — а через минуту позволят на голову себе сесть.

Робин. Детям нужна последовательность. Бесенята не знают, как... и куда себя вести, пока им не укажут дозволенных «пределов».

Джон. Почему они не выносят непоследовательности? Потому что она их тревожит? Почему хотят знать твердо обозначенную «границу»?

Робин. Они чувствуют себя увереннее, если знают, как далеко могут зайти. Дети любят учиться, добиваться успехов, поднатужатся, когда надо, но им спокойнее, если знают, каков же «час», отведенный потехе. Они счастливее, если «в рамках», им тогда легче владеть собой.

Джон. Мне вот как рисуются ощущения ребенка: он сидит на стуле посреди комнаты — темной и незнакомой. Ему надо набраться храбрости и слезть со стула, обследовать комнату. Но темно, он не очень-то представляет себе, где стены. А слезть надо, надо добраться до стен, чтобы знать, что они есть — надежные и крепкие. Тогда он сможет, отдавшись любопытству, без всякого страха обследовать комнату. Но если стен нет, он будет бояться. Он не будет знать, как далеко можно идти. Вдруг где-то там — если зайдет «за край» — он свалится! Или не сумеет вернуться к стартовой площадке, к стулу, когда захочет. Возводя вокруг ребенка стены, в которые можно упереться, родители вселяют в него уверенность и исследовательскую отвагу.

Робин. Все верно, но одну вещь Вы забыли. Когда он достигнет стены, надо, чтобы он мог стукнуть по ней!

Джон. Если злится...

Робин. Да, и поэтому стена должна быть прочной. Он бьется об нее, но ничего ужасного не происходит, потолок не рушится, и тогда он понимает: ну, значит, это стена. Вы не почувствуете к себе настоящего доверия, пока вам не дадут возможности «полезть на стенку», и тогда вы узнаете, как справиться со своим неистовством. Дойдя до «предела», вы теперь знаете, где он, «предел», знаете, что уцелели, и люди, которых любите, тоже целы. От-

ныне вы можете верить себе даже во гневе. Вы знаете, как справляться с ним. Разумеется, приобрести подобный опыт возможно, если кто-то присматривает за вами (и смотрит за собой, владеет собой, хотя вы — вне себя, способны убить, на все способны). Они должны держать ситуацию под контролем, принять всю силу вашего эмоционального удара, но предотвратить реальный вред. Значит, если родители приготовили надежные «стены», при этом не лишают эмоциональной поддержки, ребенок может испытать свою силу «до предела», почувствует себя с ней вне опасности и постепенно научится властвовать ею.

Джон. И вы уже не боитесь своей ярости. Чудеса! Значит, именно поэтому детям требуется ясное, последовательное руководство.

Робин. Да, и иногда ребенок выкинет что-то, добиваясь от родителей этого руководства...

Джон. Я вдруг вспомнил выражение: «Ребенок напрашивается». Ну, не обязательно на хорошую трепку — на недвусмысленную строгость...

Робин. ...чтобы знать, как далеко он зашел. И тогда успокаивается. Если от родителей нет «руководящих указаний», ребенку только и остается пробным «путем» подбираться к черте! Чем дольше родители медлят в нерешительности, потому что хотят приличия соблюсти, не хотят разочаровывать ребенка (вдруг с твердостью «перегнут палку»!), тем меньше вероятность, что ребенок вообще узнает хоть что-то про «палку». И тем страшнее, в конце концов, будет эмоциональный «удар», который он обрушит на своих родителей.

Джон. Если они все-таки укажут «предел»...

Робин. Да. Чем позже они решатся, тем сильнее взрыв, дольше пыль оседает. Многие родители откладывают столкновение, пока ребенку не исполнится восемь-десять лет, даже пока он не превратился в подростка. А в таких случаях, советуя родителям «занять позицию», я предупреждаю, что это будет вторая высадка в Нормандии[1], им предстоит на неделю оказаться в сущем аду. Обычно они справляются, но, разумеется, лучше ясно указать «пределы», когда ребенок еще «ходунком» напрашивается на «указания», и помочь ему приспосабливаться шаг за шагом — день за днем учиться владению собой.

Джон. Я закипаю, слыша не в меру прогрессивных родителей и учителей, которые отказываются от обязанности держать детей «в рамках» просто потому, что кто-то может принять их за душегубов, фашистов. По моему убеждению, это вопиющее пренебрежение своими обязанностями.

Робин. И больше всего, конечно, от таких достается Фрейду, хотя на самом деле он на удивление здраво, реалистически подходил к вопросу. Но с Фрейдом, как с Библией — люди толкуют их по своему разумению.

Джон. Подождите, а если родители слишком-таки строги? Чем это обернется?

Робин. Как показывает опыт, строгое, но уравновешенное любовью воспитание не повлечет особых проблем. Человек может вырасти более ограниченным, больше склонным к конформизму, он будет довольно консервативен во взглядах, иерархию, власть будет принимать легче, чем Вы или я. Впрочем, это поможет ему преуспеть в тех профессиях, где конформизм ценится — в армии, в полиции; из него выйдет прекрасный чиновник, правовед и так далее.

Джон. Про бухгалтера забыли... Значит, он будет неотступно придерживаться указаний и не усмотрит в жесткой линии никаких изъянов.

---

[1] Имеется в виду высадка англо-американских союзных войск в июне 1944 года на северо-западном берегу Франции, или открытие второго фронта против Германии во второй мировой войне.

Робин. Любопытно, я замечал, что «дети» обычно благодарны родителям за строгость. Даже в детские годы они, кажется, чувствовали, что родителям она давалась непросто.

Джон. При условии, что родители держались строгости ради блага детей.

Робин. Да, конечно. Если суровость скрывает стремление родителей удовлетворить свои «нужды» за счет ребенка или что-то подобное — это совсем другая история... Но так же, как дети благодарят потом родителей, любивших их, но любивших со строгостью, они никогда не прощают чрезмерно баловавших.

Джон. Они каким-то шестым чувством чувствуют, что это им во вред?

Робин. Да, они, кажется, понимают, что родители балуют их или по собственной лености или от ребяческой потребности в неизменной любви, постоянном одобрении. Если дети сразу не разобрались, позже поймут.

Джон. Значит, Вы считаете, что при любви даже старомодная «викторианская» строгость не повлечет к нарушениям психики?

Робин. Нет. Но опять же повторю: строгость, уравновешенная любовью и направленная на благо ребенка.

Джон. Вы, кажется, склоняетесь к тому, что родителям если и допустимо переусердствовать, так — в строгости.

Робин. Да. К счастью, родителей выручает своего рода «программный механизм». «Программа» простейшая: «Когда дети вас сводят с ума, значит, ждут нагоняя». Поэтому не раздумывая задайте нагоняй, иначе опоздаете, не сладите с детьми. Запомните: эффект суровой дисциплины со временем ослабевает, но человек, прошедший суровую закалку, будет здоровее, нормальнее. С другой стороны, тот, кому мало помогали научиться «самовластию» в раннем возрасте, позже с трудом будет двигаться в верном направлении... к обретению власти над собой.

Джон. Но Вам, без сомнения, жалуются дети... наверное, даже взрослые... на слишком строгих родителей.

Робин. Да, конечно. Однако, когда я присматриваюсь внимательнее к семье «за плечами» у тех, кто жалуется на «слишком строгих» родителей, обычно оказывается, что родители как раз слишком слабы, ими слишком легко вертеть, как захочется.

Джон. Откуда же тогда представление о «лишней» строгости?

Робин. От родительского лишнего беспокойства, что из-за «лишней строгости» они потеряют любовь детей. А дети чувствуют родительское настроение и все принимают за чистую монету: если родители казнятся, значит, не без причины, значит, «виноваты» — не в меру строги!

Джон. Но детям доступны только родительские «мерки».

Робин. Да, и обнаружив, что родители боятся быть обвиненными в излишней строгости, дети учатся играть на родительском чувстве вины в своих интересах.

Джон. Ясно. О'кей, посмотрим, как все уложилось у меня в голове. Детям необходимы четко обозначенные «границы». Необходимы для того, чтобы, во-первых, научились приспосабливаться к окружающим, во-вторых, чтобы не тревожились неизвестностью, «не зная, как далеко зашли», в-третьих, чтобы смогли, желательно пока еще «ходунки», испытать в «контролируемых условиях» самые разрушительные эмоции «до предела» и таким образом осознать их, научиться владеть ими.

Робин. Что ж, неплохо усвоили.

Джон. Но вот чего я не понимаю. Ребенок не должен быть «слишком хорошим» — так? И если настоящая строгость, уравновешенная любовью, не сделает из ребенка тихоню, который и мухи не обидит, на чем же тогда тихони «замешены»?

Робин. Кроткими, робкими дети обычно вырастают, постоянно испытывая сильное давление со стороны родителей, приспосабливающих их к своим меркам. Но тут дело не в твердости, тут подключено чувство вины: дети растут... «замешанными в преступлении». Такие родители не говорят: «не делай этого — я рассержусь». Не грозят оставить без сладкого или немедленно отправить спать. Они говорят: «не делай этого — я очень расстроюсь».

Джон. «У папы будет сердечный приступ... мама умрет с горя... свету конец».

Робин. «Потом пожалеешь...»

Джон. «Если любишь меня, не делай...»

Робин. Или же такие родители внушают ребенку страх, повторяя, что бросят его, если не будет слушаться.

Джон. В любом случае родители взваливают на ребенка чудовищную ответственность — да?

Робин. Они надевают на ребенка смирительную рубашку или — еще хуже — заставляют ребенка самого ее надеть...

Джон. ...делая его ответственным за их, родительское, благополучие и даже за их жизнь! А еще — за сохранность семьи, что жизненно важно уже для ребенка.

Робин. Поэтому такой ребенок не сможет испытать свои эмоции из-за страха навредить.

Джон. Он ни за что не стукнется о стенку лбом, ведь ему говорили, что тогда дом рухнет.

Робин. А значит, он запуган и никогда не постоит за себя.

Отец выходит на сцену

Джон. В самом начале Вы говорили, что у отца «ходунка» появляются важные дела. Наверное, отец теперь обеспечивает поддержку ребенка и поощряет его выходить за пределы «материнского» мира.

Робин. Не только. Есть и другие... Теперь он возвращает назад жену.

Джон. Как... как возвращает?

Робин. После родов, обыкновенно, папа поддерживает маму, поглощенную младенцем, который требует почти безраздельного ее внимания. Теперь папа должен вернуть себе внимание мамы, чтобы их отношения снова стали нормальными для супружеской пары.

Джон. Позволив ребенку отделиться и отдалиться, она будет переживать чувство утраты теснейшей связи. И если отец ребенка «под рукой» и заменит потерю, если восстановится их прежняя супружеская связь, ей будет легче отпустить от себя ребенка.

Робин. Если папа в этот момент не выступит вперед, не заявит, что он муж и любовник прежде всего, а уже потом отец, он не поможет матери и ребенку сделать положенный им следующий шаг и отступить друг от друга.

Джон. Значит, папина роль теперь — облегчить отдаление, потребовав маму себе. Это прежде всего. Потом — раз он второй после мамы «источник» любви и поддержки — »подыграть» ребенку, идущему исследовать мир.

Робин. Да, он удивительно способен «подыграть», он может предложить ребенку кое-что новенькое. Отношения, в которых обычно меньше «плюша», зато больше задора, напора, выдумки. Поэтому он не только поддерживает ребенка в его первых путешествиях «вдаль» от мамы, но отчасти способен сделать это «удаление» захватывающим.

Джон. Он — все равно что мост между матерью и внешним миром, он вселяет в «ходунка», которому предстоят путешествия, уверенность, необходимую для составления новой, нужной ребенку карты общества.

Робин. Именно. Требуя себе маму, становясь между матерью и ребенком, отец уже помог перечертить карту.

Джон. «Ходунок» должен был «поделиться» мамой. Для маленького властелина большой шаг вперед — верно? Примириться с мыслью, что где-то там есть другие со своими нуждами... Значит, в каком-то смысле папа становится соперником. А не слишком ли «неуютная» ситуация?

Робин. Так может показаться только потому, что дети в последнее время «в моде», а отцы — нет.

Джон. Разъясните, пожалуйста.

Робин. Последние примерно двадцать лет «курс» отца падал, а матери — поднимался. Вначале это была благотворная перемена, но большинство считало, что слишком «далеко зашедшая»... И уж зашедшая «дальше некуда» в шестидесятые... А теперь, думается, положение исправляется, мы возвращаемся к равновесию отцовских и материнских «ценностей», которые одинаково, но по-разному важны. Что же касается Вашего упоминания о соперничестве, то поймите, пожалуйста, что, хотя для отца естественно немного ревновать жену к ребенку, он должен любить ребенка и заботиться о нем. Именно любящее присутствие отца помогает ребенку справиться с задачей «на деление», выдержать испытание группой, в которой больше двоих. Чтобы ребенок усвоил эти уроки, требуется отец.

Джон. Значит, каждый новый ребенок в семье связан особой нитью с матерью, а затем, когда папа возвращает себе маму, каждый должен оборвать эту особую нить и принять отношения группы.

Робин. И если все идет правильно, образуется вот какая группа:

Каждый из родителей друг другу «главный», и оба — в капитанской «каюте», отдельно от детей.

Джон. А если родители не обособились, дети не смогут встать отдельно?

Робин. Им, конечно же, будет намного труднее сделать это. Родители, требуя своего отдельного места, помогают детям отделиться... взрослеть. Показывают хороший пример.

Джон. Значит, папе нужно вытребовать обратно маму для блага каждого. Хорошо. А теперь о том, что касается этого обследования мира «за пределами» мамы. Отец поощряет «ходунка» ступить «за пределы». Одновременно «указывая черту», за которую не ступать?

Робин. «Указывая черту», то есть ограничивая, когда необходимо, отец помогает ребенку обозначить «пределы» на его карте мира внутреннего пользования, так сказать.

Джон. Ну, а теперь самый каверзный вопрос. Почему отец — мужчина — якобы, способнее матери по части «руководящих указаний»? Понятно, что мнение освящено традицией, но как же Меир, Индира Ганди и Тэтчер?

Робин. Я не думаю, что следует вести речь о различиях психического склада мужчин и женщин. Скорее, в силу физических особенностей, предназначивших женщину к деторождению, к роли главной опоры для ребенка на раннем этапе и на следующем — »ходунковом» — дело матери не «взять в руки», но «носить на руках». Ведь ребенок пока часто бежит обратно к маме, ему все еще необходимо успокоиться, «заправившись» уверенностью, когда мир «вон там» окажется к нему слишком суров.

Джон. «Там» — джунгли.

Робин. Вот поэтому «ходунку» и нужна любящая мать — нежная, мягкая... «здесь», наоборот, его обнимут: спасут!

Джон. А зачем?..

Робин. А значит, пока ребенок еще очень мал, пока он «ходунок», я думаю, его бы сбивала с толку и пугала мать, успешно «играющая» сразу две роли: на минутку она любящая и нежная, но тут же жесткая и требовательная. Вы помните, ребенку и так совсем не просто было соединить мамины «разные разности» в целостный «персонаж».

Джон. Иными словами, пока лучше ей, по возможности, оставаться для ребенка в непротиворечивом «образе». Так ребенку понятнее?

Робин. Именно «понятность» — одна из причин, почему, во всяком случае, на этой ступени, учить ребенка приспосабливаться ко всем остальным в семье должен папа. Шаг за шагом, конечно, по мере того, как ребенок способен больше и больше себя контролировать. Но как раз папа — тот, кто спрашивает с ребенка.

Джон. Мне кажется, другая причина распределения ролей вот в чем: многие женщины, я знаю, в глубине души сомневаются, что они «хорошие» матери. Поэтому им труднее дается твердость с ребенком, ведь внутренний голос постоянно одергивает их: «А хватает ли ребенку любви? Может, у безупречной матери было бы больше чуткости?»

Робин. Да, наверное, это типичный материнский комплекс неполноценности, и если отец возьмет на себя твердость, матери будет спокойнее — особенно, пока ребенок — »ходунок». Разумеется, когда ребенок подрастет, сделается защищеннее и лучше «прорисует» для себя родительские «образы», его меньше собьет родитель, временами любящий, временами жесткий. И тогда оба родителя могут поддерживать, оба — спрашивать с ребенка. Фактически так и случается в семьях, когда дети становятся старше.

Джон. Значит, по-Вашему, отцу «ходунка» достается особо важная роль по двум причинам. А еще у отца есть обязанности?

Робин. Ну, прежде мать и ребенок были компанией, «производящей» взаимное впечатление. И хотя уверенность ребенка в себе и его доверие к миру — все это от безграничной материнской любви, самой матери, погрузившейся в море восторга, довольно трудно реально оценить достоинства и недостатки ребенка.

Джон. И такая... «положительная» обратная связь не дает возможности ребенку четко прорисовать свою мысленную карту мира.

Робин. Карту, которая должна содержать среди «объектов» его самого...

Джон. Его самого? Вот так! Он должен сам находиться на своей карте мира. Ну да, конечно! Ему необходимо знать свои истинные размеры в соотношении со всем, что вокруг, иначе его представление о значительности собственного «я» будет нереалистическим. И сделает из него безмерного эгоиста.

Робин. Дело не только в этом. Не пометь он правильно свои размеры на карте, не узнай, где его «пределы», как далеко он может зайти, не сталкиваясь с другими, у него не

будет руководства, чтобы самым лучшим образом воспользоваться остальным миром на пути к собственной цели. Вот суть урока «ориентирования», когда указываются, затверживаются «границы».

Джон. Понятно. Значит, чтобы наши карты для «внутреннего пользования» принесли нам пользу, мы должны обозначить самих себя на картах и не наврать в масштабе.

Робин. Отец, таким образом, теперь нужен обоим ─ и матери, и ребенку. Более беспристрастный отец поможет и матери, и «субъекту», ходящему в «ходунках», объективнее оценить возможности малолетнего картографа.

Джон. Есть еще отцу работа?

Робин. Да, по меньшей мере, еще одно дело. Мы говорили, что вначале младенец ощущает себя бесконечностью. Потом, обнаруживая свои «границы», он постепенно ужимается до комочка и утрачивает ощущение всемогущества. Но не теряет равновесия, потому что близок к маме, а она представляется ребенку на ранней ступеньке самим Господом Богом. Дальше он должен утратить и эту иллюзию. Значит, если со временем он поймет, что мама не правит миром, что она должна делить власть с отцом, он еще на шаг продвинется в своем развитии.

Джон. Позже он обнаружит, что папа тоже не Бог.

Робин. Разумеется. И если отец делает свое отцовское дело правильно, он не оставит у ребенка сомнений, что он ─ часть чего-то большего и занимает свое место, как все другие.

Джон. Значит, ребенку повредило бы, узнай он, что папа под контролем у мамы. Ведь «ходунок» не сделает положенного ему «семимильного шага» ─ так? Не усвоит, что мама не Господь Бог. Если она властвует над папой, ребенок будет по-прежнему представлять ее в ипостаси самого Господа.

Робин. Правильно рассуждаете. Я думаю, ребенок на пути к истине должен узнать, что мама не Бог, что папа тоже не Бог... никто не Бог.

Джон. Это для меня ново.

Робин. Я считаю, это важнейший урок. Возможно, из-за того, что он не усвоен, семьи с мамой-правительницей потихоньку портят детей.

Джон. Что Вы говорите?

Робин. Фактически, почти во всех семьях, обращавшихся ко мне с жалобой на трудного ребенка, господствовала мать. Или мать царила, или... вообще хаос.

Джон. Поразительно!

Робин. Да. Я тоже удивился, когда обнаружил такое. Я стажировался как детский психиатр и пошел к старшей по патронажу, закреплявшей врачей за семьями, после того, как увидел с десяток семей. Я пожаловался, что случаи как на подбор. Нельзя ли, попросил я, чего-нибудь другого для разнообразия? Она мне посоветовала не волноваться по мелочам и сказала, что уже десять лет видит трудных детей ─ все росли в одинаковых семьях!

Джон. Надо же...

Робин. Если не забывать о теме нашей книги, то я должен заметить: данные по здоровым семьям показывают, что в таких семьях «власть» родители делят между собой. Оба работают и очень тщательно взвешивают, кто что берет на себя. Но если речь не о самой здоровой семье, о такой, где кто-то один «за главного», будет лучше, если главная роль достанется отцу, а не матери.

Джон. Лучше для детей?

Робин. Да. Для детей — подчеркиваю. А что происходит у супругов, когда дети спят, это, разумеется, дело супругов.

Джон. Ой, смотрите, феминистки жала оттачивают!

Робин. Напугали! Прекрасно знаю, что мои слова отдают женофобией. Я совсем не сразу усвоил этот взгляд на вещи, но, в конце концов, нельзя же отвергать очевидное. Если, конечно, представлять полностью картину в таких проблемных семьях. Вначале мы ошибались, сваливая вину на «кастрированных матерей», как мы их называли. Потом, принявшись наблюдать отцов, яснее разобравшись в механике семьи, мы поняли, что в равной мере виноваты отцы, которые уворачиваются от ответственности.

Джон. Вы хотите сказать, что матерям не остается выбора, как только взвалить ответственность на себя?

Робин. Именно. У них нет выбора. Но теперь, усвоив системный подход, мы смогли, наконец, понять, что никто тут не виноват. Система есть система. Работает автоматически. Машинально.

Джон. Повторю Вам Ваши слова. Вы «договорились» до того, что в здоровых семьях власть делится между родителями по соглашению. В других семьях кто-то один из родителей оказывается сильнее. В тех, где мать сильнее, у детей, как Вы утверждаете, ссылаясь на свой опыт психотерапевта, будут проблемы. Откуда Вы заключаете, что если нужен «главный», таким лучше быть отцу. А «вещественнее» доказательств не найдется?

Робин. Ну, я должен сказать...

Джон. ...в отчаянной попытке оправдаться...

Робин. Да нет. Понимаете, меня сами матери убедили.

Джон. И редколлегия «Спэа Риб»[1] подбила...

Робин. Убедили матери и дети. Я стою на своем...

Джон. Храбрец!

Робин. Я вовсе не сторонник дискриминации женщин. Я за равноправие, за обсуждение дел, за совместное принятие решений.

Джон. Что пристало по-настоящему здоровому человеку...

Робин. Перестаньте паясничать. Слушайте. Каждый раз, приходя с жалобами, матери из семей, о которых речь, повторяли, что очень бы хотели, чтобы отец показал свою власть. И до сих пор говорят... Не только матери проблемного ребенка — братья, сестры обычно единодушны, что отцу надо бы быть построже.

Джон. Итак, да здравствует сильный пол?

Робин. Нет, я за матерей беспокоюсь. Одна мать мне вот что сказала: «Дело в детях. Сначала все в порядке, а пойдут дети — на вас столько всего наваливается! Вы просто пугаетесь — на вас столько ответственности! Поэтому и нужна... «верховная власть». Ну, чтобы «впрыснула» бодрости время от времени, чтобы вы могли продолжать... нести свои обязанности, чтобы знали, что у вас есть силы продолжать».

Джон. Да, верно, иногда придавит задачка, а кто-то скажет вам: «Хватит ныть, ну-ка, ну-ка!» — и у вас прибывают силы. Конечно же, если у мужа какая-то власть, то и какая-то ответственность — так ведь? Что-то на нем — на ней меньше...

---

[1] Британский ежемесячник для женщин, название которого можно перевести как «запасное ребро».

Робин. Позже та же мать высказала и такую интересную мысль. «Неожиданно,— сказала она,— перед вами гора ответственности и вы... сами каменеете... И тогда «заводите» мужчину, подталкиваете к агрессивности. Он берет на себя «сильную» роль, берет ответственность... а вы получаете от него силу... Тут автоматизм».

Джон. Но при чем тут агрессивность?..

Робин. Я ее спросил: «Значит, вы не считаете агрессивность мужчины «вражеским» выпадом в подобных обстоятельствах?» «Нет, конечно же, нет»,— ответила она.

Джон. Ну, она, наверное, понимает что-то, что мне... не по уму.

Робин. Я слышу похожие откровения матерей раз за разом. Судя по всему, ступень развития, о которой идет речь, требует такой расстановки «сил». Возможно, чтобы понять это, нужно побывать на месте матери, «каменеющей» перед горой ответственности.

Джон. Эта женщина переменила взгляды после того, как родился ребенок?

Робин. Да. Я спросил ее, согласилась бы она с такими взглядами до появления ребенка? Она рассмеялась и сказала: она бы ни за что не приняла их... как чудовищно дискриминирующие женскую половину человечества. Вот почему «человечеству» бесполезно спорить об этом: опыт или приобретен, или нет... Пока — нет. Разумеется, крайне здоровый человек может и не узнать его.

Джон. Я вдруг вот о чем подумал: ребенок «хватается» за агрессивность, «напрашиваясь», чтобы родители указали ему «черту». В словах этой женщины есть смысл, если она нуждается в том, чтобы муж помог прояснить ей ее «границы», затуманившиеся из-за слишком близкой связи с ребенком.

Робин. Похоже, что так. Матери было необходимо утратить четкость «границ», чтобы вернуться на ступеньку младенца, где бы они теснее объединились, слились, «перекрываясь». Когда же ребенок уже «ходунок» и пытается «заполучить» собственные «границы», надоедая матери, ей, возможно, трудно различить свои.

Джон. Но, наверное, случается, что иногда и у мужчины придут в негодность «границы»? И он ждет не дождется, чтобы жена ему их «починила».

Робин. Еще как часто! Какого отца не оставляли присмотреть за детьми, какая жена, вернувшись, не закипала гневом, видя, что с мужниной помощью дом встал вверх дном, а дети ходят на головах.

Джон. Причем сам папаша от детей не отстает... Уж она ему учинит... «починку» границ!

Робин. Знакомый опыт?

Джон. Ох, знакомый. Неприятный — слов нет. Такой стыд!

Робин. Это, вероятно, потому, что чувствуем: «далеко зашли» в ребячестве, сейчас нам «укажут»...

Джон. Значит, мать в таком случае вводит отца в «границы».

Робин. Да, и, конечно, друзьям отца порой следует оказать ему подобную помощь.

Джон. Это как же? Что им ему сказать? «Хватит ныть, ну, загнали в угол, но ведь Бог славными друзьями не обделил!»

Робин. Именно. Одновременно поддеть и подбодрить. Заставить держать марку, подставив плечо.

Джон. Значит, по-Вашему, кто бы из родителей ни крутился ближе к ребенку, он сотрет и свои «границы», и поэтому, возможно, будет нуждаться в «починке» собственных «границ», за что возьмется человек, стоящий от родительских «трудов» немного в сторонке. А если и этот «упустит границы», ему поможет их вернуть еще кто-то, еще дальше отстоящий от ребенка. Но поскольку всего вероятнее, что мать будет ближе к ребенку на его ранних ступеньках, отец займется прояснением материнских «границ», а не наоборот.

Робин. Вот поэтому я и думаю, что нет ничего от дискриминации женской половины человечества в утверждении: отец и мать должны на разных этапах играть разные роли в родительской «труппе» — на благо ребенка.

Джон. По сути они «ведут» на разных этапах. В самом деле, женофобией уже не так отдает, если принимать родителей за членов «команды». Ясно же, смысл команды в том, что группируются разные люди разных возможностей, по-разному «бьющие» в общую цель. Что бы получился за футбол из команды вратарей или команды нападающих! Папа «плюс» мама «равно» председатель правления «плюс» директор-распорядитель. Один больше озабочен внешними связями, другая — внутренними делами. И оба одинаково важные люди.

Робин. Вам станет ясно позже, что уроки, которые затверживает «ходунок», сводятся к тому, чтобы научиться «играть» в команде.

Джон. Считаться с другими, запомнить правила, принять власть...

Робин. Верно. И если вы усвоили эти уроки и понимаете, как команда должна действовать, вы поймете, что папа и мама прекрасно «плюсуются», им незачем вступать в конфликт. Но тому, кто сам отстает, кто не сделал нужного шага вперед в «ходунках», тому не «сыграться», тот в действиях команды увидит борьбу за власть. А в моих рассуждениях — программу отъявленного женофоба.

Джон. Ловкий аргумент. Бьет рикошетом. Ничего, и у меня припасен аргументик. Все эти обязанности, которые Вы поручили отцу «ходунка»,— вернуть себе маму, тверже, чем способна материнская рука проводить «границы», убедить ребенка, что мамочка не Господь Бог, обеспечить обратную связь менее «положительную», чем выходит у ослепленной любовью матери,— все, кроме, разумеется, первой, доступны не только мужчине. Предположим, в семье нет отца...

Робин. Если мать совсем одна, «ходунку» будет действительно трудно усвоить положенные ему уроки. Но всегда найдутся дедушка с бабушкой, другие родственники, близкие друзья, соседи, учителя, люди, к которым прибегнет мать — и ребенок, чтобы отцовское «дело» не осталось не сделанным. И все пойдет хорошо, пока мать признаёт, что нуждается время от время в уточнении своих «границ»... в оговоренном нами смысле.

Джон. То есть требуется всего лишь кто-то, не втянутый в эмоциональный «водоворот», в котором находится мать с детьми. Это может быть другая женщина.

Робин. Да, часто — бабушка. Хорошая бабушка полезнее плохого отца, но, разумеется, любящий отец — самое подходящее лицо, которому следует поручить названные обязанности, ведь он годится и на иные важные роли в жизни ребенка и в жизни матери.

Мистер Хват

Джон. Значит, если отец исполняет отцовскую роль, «ходунку» в семье надают «руководящих указаний» с лихвой. А ему как раз и необходимо стукаться о «твердую власть». Я забыл, почему.

Робин. Потому что, если вам можно стукаться лбом о стену, возведенную родителями, вы научитесь двум вещам. Во-первых, вы испытаете себя на прочность, вас больше не будет пугать разрушительная ярость, вы узнаете, что способны взять ее под контроль и сможете воспользоваться ею, когда захотите. Следовательно, вы научитесь постоять за себя, присмотреть за собой, обеспечив свои нужды. Во-вторых, раз стены тверды, вы узнаете о нуждах других людей, об ограничениях, поставленных вашему «я» обществом. Следовательно, научитесь точно отображать мир на своей мысленной карте, которая содержит и вас самого — в верном масштабе.

Джон. О'кей. «Ходунок» выбрал верный масштаб. Что дальше?

Робин. Дальше он приучается правильно соотносить свои потребности с потребностями других людей. Ему жизнь не будет то и дело ставить подножку. Он учится разбираться в «механике» мира, узнает, где его место в мире и какой он в нем «величины», узнает, каким его видят другие. Постепенно он делается независимее, самостоятельнее и возьмет, что ему нужно, ведь он уже знает «все ходы и выходы». Он быстрыми шагами двигается вперед.

Джон. Усвоена наука «ходунковой» ступени...

Робин. Более или менее. Есть еще один важный аспект. Не забывайте, «ходунок» должен сделать скачок от отметки «в парочке с мамочкой» до отметки «папа не третий лишний». Должен стать членом команды вместо «самого-самого», неразлучного с мамою.

Джон. Усвоивший эти уроки будет успешно «играть» в команде.

Робин. Да. Такой легко войдет в любую группу, легко разовьется в группе.

Джон. Разовьется?! Нет, этого мне не понять. По-моему, группа сковывает. Ну, не сковывает — связывает. Наверное, я в «ходунках» не доучил уроки...

Робин. Я тоже. Но вспомните, вы же всегда можете позже подтянуться, если стремитесь не отставать. Во время войны в воздушных силах я подтянулся. Удивительно, но я обнаружил, что вопреки домашним «заготовкам» не чувствовал себя слабым или униженным, когда сержанты муштровали нас на плацу. Наоборот, обретал самоуважение, уверенность, а с ними — прекрасный «тонус». Учась составлять целое, подчиняться силе порядка, чувствовал себя сильнее. Думаю, этот опыт и помог мне разобраться с опытом «ходунка», когда я потом занялся детской психотерапией!

Джон. Вы хотите сказать, что если на вас жестко «наступают» — для вашей же пользы — вы обнаружите в себе запасы «наступательной» энергии, о которых не подозревали.

Робин. Которые, возможно, стесняли вас, пугали... А в результате вы окажетесь ближе к своему потенциалу.

Джон. Ну, я обычно стараюсь не делать того, что мне тяжело. Не беру Эверест, не встаю рано утром. Но если никак не выкрутиться... верно, сделаю — и необыкновенно радуюсь достижению. Наполняюсь уверенностью. В другой раз, кажется, уже легче... Только вот никак не встать рано утром...

Робин. Пройдя эту ступеньку, человек учится правильно воспринимать требования, предъявляемые к нему группой. Препятствия, понимаете, для того и «создаются», чтобы их одолевать — не для того, чтобы на них жаловаться. Становясь частью большой группы, человек становится сильнее, сообразительнее — по-настоящему «человеком умелым».

Джон. Все это мне очень интересно, ведь, честно говоря, я всегда «злоумышлял» против больших групп, то есть против власти, подозреваю, по той причине, что мой отец ─ любящий из любящих ─ не был со мной достаточно строг. Сквозь пальцы смотрел на мою «крепнущую» безответственность. Но в последние несколько лет кое-что для меня стало понемногу меняться, наверное, потому что пришлось принять некоторые обязанности ─ не хватило «умения» отвертеться. И если раньше я был за бунт, то теперь вижу: это путь «наименьшего сопротивления». Самый легкий путь, потакание своему «я». Фактически, я теперь тайно сочувствую тем, кто продолжает делать дело, засучив рукава, не зажимая носа. Впрочем, нужно знать правильный подход к власти. А правильнее всего, чтобы человека не толкали ни в бунтари, ни в конформисты, он должен сам подумать и оценить, хороша или плоха какая-то власть. Многие, наоборот, не раздумывают; скажут «да» или «нет» власти, в действительности не имея свободы выбора. Скажут с ходу, машинально.

Робин. Косность в отношении к Авторитету с прописной «А» для меня равнозначна незрелости. Власть, иерархия, организация ─ на этих «шарнирах» вертится мир. Все до одного посетители не могут сразу пройти во вращающуюся дверь. Да и на ровном месте сороконожка, подняв все до одной сорок ног, свалится. Нужна «подгонка», если механизм сложный, если «задействовано» много людей. Это как танцевать шотландский рил[1]: вы не сами по себе, вы должны знать положенные движения, чтобы вас приняли в хоровод, а в хороводе покружиться ─ настоящее удовольствие! Зачем вам своевольничать и портить всю музыку?

Джон. Да, верно. Господи, прости, я ненавидел данные Тобою «шарниры»! Я думал, Ты хочешь тем принизить людей. Но я всего лишь «ходунок» ─ несмышленыш. Однако, многие застряли на этом месте, многие не решили, как им относиться к верховной власти. Иначе зачем бы нам так усердствовать, освещая споры Джона Макенроу[2] с судьей. Пустячные споры ─ но иногда они идут вторым, третьим «номером» в теленовостях! Наверное, потому, что тут архетип «перепалки», которую ведет «бунтарь» с «властной фигурой». И каждый, кажется, имеет свое громогласное «мнение»: или решительно держит сторону Макенроу, как Вы, или не менее яростно поддерживает судью, как я. Эмоциональный потенциал растрачивается ─ так ведь? Мы приходим в возбуждение там, где, по сути, от нас требуются... убеждения.

Робин. Да, но не забывайте, здоровый человек умеет сохранять равновесие, недолго поиграв «крайние» роли ─ »робота» и «разбойника». Занятия, жизнь толкают нас в одну какую-то крайность, и нам, наверное, следует подправлять равновесие на досуге. Я много сижу в своем психотерапевтическом кресле и много «сужу», поэтому испытываю настоящее удовольствие, наблюдая, как Макенроу «за меня» разбойничает, загоняет в угол судью. Вы, комик, только тем и занимаетесь, что низвергаете авторитеты, я думаю. Макенроу пробуждает в вас... «задремавшего» старосту класса.

Джон. Но ведь некоторые наверняка постоянно повернуты к миру какой-то одной стороной.

Робин. Все равно в каждом их две, пускай одна видна лишь на досуге, в фантазиях и мечтах. У душевно здорового человека обе стороны «налицо», а если не так, будет или перманентный бунтарь ─ возможно, правонарушитель, тот, что попался и теперь ловит случай вынудить «внешнюю» власть позаботиться о его «внутреннем» равновесии, или ─ прямая противоположность ─ консерватор, который одержим идеей порядка, строго придерживается установлений и придерживает язык, хотя всех вокруг доводит до белого каления тупо-

[1] Шотландский народный хороводный танец.

[2] Американский теннисист, многократный чемпион Уимблдонских турниров.

стью и упрямством, а втайне, вероятно, упивается картиной, как распиливает своего шефа циркулярной пилой.

Джон. Значит, даже если мы в «ходунках» протопчем дорожку между конформизмом и бунтарством, позже должны постараться не сойти с нее.

Робин. Эти усилия окупаются душевным здоровьем. И свободой в политической ориентации.

Джон. Меня осенило. Если в «ходунках» мы не отстали, если позже не сбились с дороги, очевидно, получив в руки власть, сумеем лучше употребить ее.

Робин. Думаю, лучше. Хороша та власть, которую проводит человек, умеющий «выносить» решение, прежде чем его вынести, способный собрать всю доступную информацию, выслушать всех нижестоящих. Потом им — или ею — самостоятельно принимается решение, которое тот, кто его принял, готов исчерпывающе объяснять и настойчиво осуществлять.

Джон. Меня совершенно захватили эти правила «правильной» власти, когда в «Видео-Артс»[1] я делал фильм о том... в какой капусте находят решения. Я понял, что если с людьми советовались, они примут решение, с которым не согласны, при условии, что их мнение серьезно взвесили и потрудились убедить в жизненности «выношенного» решения. Ну, а как действует власть, сбившаяся с пути?

Робин. Она или вообще практически недейственна, хотя изредка совершает опрометчивые шаги в стремлении показать решительность — за чем обычно следует отступление,— или же держится авторитарных методов, притворяясь, что авторитаризм ей чужд. Такая власть нетерпима к многоголосию мнений, естественному на совещательном этапе, она лишь выясняет, кто «заодно» с ней. Все остальные ведут подкоп!

Джон. Она объявляет о решении и, не разъяснив его, скрывается с глаз. На три четверти «списано» с британской администрации и на девять десятых с правительства.

Робин. Джон, округляете!

Джон. А Вам доводилось слышать, что Хеселтайн[2] обсуждал решения с Движением за ядерное разоружение? Ну, ладно, извините, увлекся. Просто подошло время... моим капризам. Значит, если «ходунок» сделает прыжок и будет уже не в парочке с мамочкой, а в команде с мамой и папой, он научится здоровому отношению к власти и умелой «игре» в командном составе. Обратная связь принесет пользу, он выберет для себя верный масштаб на мысленной карте.

Робин. И, конечно же, постоянно узнавая новое, будет перечерчивать карту, карта будет постоянно меняться. Но, в основе правильную, ему не придется менять ее значительно и особенно напрягаться. Если он поведет себя чуточку не так, как нужно, ему укажут — он поправится и подправит карту. Его поведение будет соответствовать ситуации. Он довольно легко договорится с другими, найдет приемлемый компромисс, когда его интересы столкнутся с интересами других людей. И каждый раз других и самого себя будет на карте «править», отрисовывать более или менее машинально. Он никогда не устанет учиться преодолению жизненных препятствий, тому, как действовать на благо себе и своей команде.

Джон. Говоря «машинально», Вы имеете в виду «без борьбы, без усилий»?

Робин. Внутренняя борьба обязательно сопровождает каждую важную поправку карты — вслед за выговором, серьезной критикой. Но поскольку карта в основе верна, поправка будет не так значительна, не вызовет боль, о чем я и сказал. Поправка внесена — карта под-

[1] Собственная киностудия Д. Клииза, производящая фильмы для обучающихся бизнесу.
[2] Британский государственный деятель.

ходяще ориентирует. До новой поправки, само собой разумеется. А человек подходяще отвечает на вопросы, которые ставит перед ним жизнь. Иными словами, вы можете положиться на него, он человек ответственный.

Джон. А я-то не сообразил, что ответствен тот, кто умеет подходяще ответить. Хорошо, значит, если «ходунок» сыграется в «тройке», а потом — и в других командах, каждый будет симпатизировать «игроку», ведь в человеке чувствуется ответственность и не чувствуется себялюбия, хотя такой позаботится о своих нуждах, такого в сторону не отпихнуть. «Игрок» будет просто Пат Хват.

Робин. Почему Пат?

Джон. Давайте симпатизировать и Патрише, и Патрику. Мы же с Вами за равноправие.

Робин. Отлично, давайте...

Аутсайдер

Джон. А теперь опишите мистера — или мисс - Мазилу. Людей, не усвоивших нужных уроков. Что это за люди?

Робин. А Вам как они представляются?

Джон. Они в свое время плохо прыгали и не взяли расстояние между отметками «2» и «3», не достаточно отдалились от матери.

Робин. Но все-таки отделились. Они не льнут плющом, «не вянут» в депрессии. Они немного продвинулись в сторону самостоятельности.

Джон. Да, но не сыгрались в «тройке», не умеют выступать в команде.

Робин. Верно. Поэтому им, по-моему, прекрасно подходит прозвище «аутсайдер».

Джон. Подождите. Эти люди «аутсайдеры» — потому что они «со стороны»... крикунов или тихонь?

Робин. С обеих являются. Человек «со стороны», который кричит о своем «весе», явно «давит», он с первого взгляда несносен, но так же тяжело в команде и с тем, кто тише воды — »исподтишка» точит.

Джон. Упрям?

Робин. Просто не справляется на своем месте, а кажется — и не виноват.

Джон. Вредит делу, заставляя клиентов заполнять по шестнадцать бланков без единой ошибки.

Робин. Или вообще не дает бумагам хода, чтобы... дело «крутилось» с предельной скоростью.

Джон. В любом случае такой — не «свой» в деле.

Робин. Да. Для него присоединиться в команде — значит подчиниться, перемениться, претерпеть доводку до подходящего размера.

Джон. А разве он попал пальцем в небо?

Робин. Так ведь подходящий для команды — это верный размер. Впрочем, конечно, такому чувства лгут, такой сокрушается, что утратит нечто немалой важности.

Джон. А на самом деле в этом «нечто» ему никакой надобности. В этой иллюзии. В «Большущем-Я». В младенческом, фактически, «я», недостаточно «ужатом».

Робин. Да. В его семье ему не помогли «ужаться» — одновременно ведя наступление и оказывая поддержку. Поэтому у него не соответствующая реальности карта мира, на которой он сам не верной величины, на ложном пути.

Джон. Значит, он, скорее всего, просчитается. Оскорбит спутника. Или двинется войной на Россию. «Большущее-Я» ослабляет его, делает незащищенней.

Робин. Именно. Обычно трудно убедить такого, что «подгонка» пойдет ему на пользу, даст умение добиваться желаемого. Да, конечно же, процедура «подгонки», когда указывают «границы», кажется, «сводят на нет», болезненна: нам «я» никогда не «ужать» без боли. Но в итоге из нас получаются солидные люди. Я думаю, многие инстинктивно чувствуют, понимают, что у мягких, чересчур снисходительных родителей обычно вырастают дети слабые, с трудом «одолевающие» жизнь, цепляющиеся за представление о своей «самой самости».

Джон. Но все же они должны обойти мертвую зону депрессии.

Робин. Да, в них есть какая-то тяга к общению, к благу, даваемому группой. Им предстоит найти себе место, где бы они могли казаться нормальной частью целого — людьми, принимающими власть и правила группы,— хотя такие втайне хранят иллюзию, что они — центр вселенной.

Джон. И как «аутсайдеры» удерживают реальность от соприкосновения со своими иллюзиями?

Робин. Они не прорисовывают себя на своих мысленных картах. И вообще объекты у них на картах «набросаны», связи смазаны, собственная же персона в недосягаемости от остальной «топографии». Поэтому у таких представление о себе и представление о других не увязываются.

Джон. Иными словами, «аутсайдер» — »посторонний» на своей карте.

Робин. Потому-то мне и кажется словечко удачным. Он будто отвел для своего «лика» специальный массив памяти, он не хочет помещать его на карту среди всех прочих лиц.

Джон. Он не хочет замечать ничего, что укажет на несоответствие его карты реальности, на обыкновенность его... особы.

Робин. И, конечно же, он не хочет замечать, что ничего не замечает! Другие требуются для правил, но он — вера его крепка — он нужен для исключений. Поэтому он на самом деле никогда не станет частью группы, хотя будет делать вид, что он «свой». Кого-то, может, обманет, но большинство в группе будет чувствовать в нем чужака. Вместо согласованности действий, готовности что-то отдать, что-то взять, а главное, готовности к необходимому превращению, он всегда будет стремиться менять других.

Джон. Чтобы самому не менятья. Поразительно! Он должен менять других, потому что ему не вынести собственной перемены. Вероятно, «дотащившему» до взрослых лет свое непомерно громадное «я» человеку будет грозить такая страшная боль от процедуры «подгонки» этого «я» к реальности, что он — или она — не сможет ни на минуту расслабиться, защищая свою фантазию от сокрушительного удара реальности. Человек будет постоянно сигналить другим, чтобы не обронили и дурного словечка на него, а еще лучше, найдет себе

окружение, в котором будет уверен, в котором никогда не услышит ничего противоречащего его карте ─ никакой критики.

Робин. Верно. Лестью, пресмыкательством, нажимом, упрямством он будет всегда достигать цели. Он всегда будет кукольником, для которого люди ─ марионетки, их надо заставить плясать под свою дудку. У такого нет стремления подладиться под других в большом хороводе.

Джон. Значит, люди, нуждающиеся во власти, тратящие жизнь на обретение власти, хотят одного: вынудить других подлаживать к себе. А тогда кто посмеет сказать, что у них «лики» раздуло, «фигуры» разнесло ─ никаких прокрустовых «шалостей» они с собой не позволят!

Робин. Именно.

Джон. Ну, а человеку с добротной, соответствующей реальности картой нет нужды контролировать других?

Робин. Нет. Он хорошо «знаком» со своей личностью и уверен в себе.

Джон. Подождите. Я не успел как следует усвоить подтекст ─ текст уж слишком захватывающий. Значит, властолюбец не способен по-настоящему «играть» в команде, ведь он не может взять и отдать. А значит, не способен быть действительно ответственным, по Вашим словам, потому что его первейшая забота всегда ─ защитить свое «я» от реальности, а не подходяще ответить на ситуацию.

Робин. Кроме того, его могущество зависит от группы.

Джон. Речь не просто о зависимости от «некритической массы»? О том, что он, в какой-то смысле, все еще маменькин сынок ─ да?

Робин. В каком-то смысле... Если вы можете сами застегнуть пуговицы, вам не нужна для этого мама. Вы ─ независимый человек. Но если вы сами не справляетесь, вам надо править другими и заставить их сделать для вас то, что не можете.

Джон. Заправила нуждается в «наемных руках», чтобы провернуть грязное дело. А промышленный магнат, являясь домой, заставляет жену отчитаться по статье «карманные деньги детишкам». Да, вам не обойтись без власти над ближними, если собой не владеете!

Робин. Именно! Если ваше «я» ─ ваш мысленный автопортрет ─ непомерной, нереальной величины, вы над собой не властны. «Аутсайдер» меняет жизнь на власть над другими, чтобы закрыть им рот... Сам-то он уже давно закрыл глаза на свой атавизм, на свое не выстрадавшее разумных размеров «я».

Семья «аутсайдеров»

Джон. Вы рассказали про «аутсайдера» ─ я хочу узнать и про семью, в которой такие растут. Ребенок, как следует из основного закона семейной «механики», не усвоит уроков ни одной из ступенек развития, пока уроки не усвоены родителями, только тогда и способными чему-то учить. В этой семье, наверное, неучи...

Робин. Это же очевидно.

Джон. О'кей, значит, я не ошибусь, если предположу, что в семье ребенка, не взявшего прыжком расстояние между «парой» и «тройкой», все ─ »аутсайдеры»?

Робин. Не ошибетесь. Если ребенок отстал, значит, его родители ─ из отстающих, «неуспевающих» с той же ступеньки. Значит, всем будет не по силам групповая задачка «отдаем ─ берем», все будут в какой-то степени манипулировать друг другом. В такой семье ─ постоянная скрытая борьба за власть. И настоящая путаница: каждый дергает каждого за ниточку, смешались кукловоды и куклы.

Джон. Понятно.

Робин. На самом деле понять картину очень непросто. Ведь речь о семье, о сложнейшей системе. Нам трудно, как бы ни напрягались, осмыслить все связи. Не только между «курицей» и «яйцом», то есть между поколениями, но ─ круговые, нелинейные связи каждого с каждым, одновременно контролирующего и контролируемого.

Джон. Так. Только почему об этом сейчас? Разве с самого начала мы не о семье завели речь?

Робин. О семье. Но когда разыгрывается «ходунковое» действие и отец выходит на сцену, связь «по кругу» становится доступнее для желающего в ней разобраться.

Джон. О'кей. Рассказывайте про связь «по кругу» в системе «семья».

Робин. Ребенок застрял, потому что папа застрял. Мама недаром такого в мужья выбрала, ведь сама из семьи застрявших. «Ходунка» не вытянуть, пока мама не вытянута папой, потянувшимся да как-то и вытянувшимся, чтобы взяться за «ходунка» и тоже вытянуть.

Джон. Мне кажется, я все понял, а это значит ─ что-то не уловил.

Робин. Сосредоточьтесь, расставьте по местам в голове мысли, протяните связи, может, и поймаете ─ не там, так тут... Значит, в семье «аутсайдеров» не будут отчаянно цепляться друг за друга, как в семье депрессивного образца. В этой ─ ценят независимость. По крайней мере, на словах.

Джон. А на деле никто из них не справился с прыжком от отметки «в парочке с мамочкой».

Робин. Да, прыгали, но недалеко оказались. По-настоящему не отдалились. Поэтому, хотя они и приветствуют самостоятельность и независимость, они совсем не так самостоятельны и независимы, как думают. Они, кажется, и подталкивают «ходунка» идти своим путем, но потихоньку тянут остаться «под одной крышей».

Джон. Противоречиво ориентируют «ходунка».

Робин. Да. «Уже большая девочка»,─ говорят. Или: «Большой мальчик ─ большие не плачут». Пристыдят: «Один не может справиться!» Но уже через минуту слышно: «Ой, будет лучше, если я помогу».

Джон. Убеждают, в конце концов, ребенка, что он не способен справиться сам, и удерживают его в зависимости. «Ты такой беспомощный. Не можешь посмотреть за собой».

Робин. А если ребенок все же берется что-то сделать сам, тут слышится: «Забыл про меня? Ты не любишь мамочку?»

Джон. Или еще хуже: «Беги, беги, резвись, не о нас же тревожиться». И «ходунок» оказывается буквально в безвыходном положении, точнее, в двойственном, противоречивом положении «выйти не выходя». Как же, черт возьми, он поступит?

Робин. Ему надо отыскать способ оставаться «в двух шагах» от родителей, то есть зависимым, одновременно делая вид, что по указке он уже «вышел в люди» ─ независимые и самостоятельные, те, что сами себе голова.

Джон. Ничего не понимаю. Как он может и то, и это?

Робин. Ну, в действительности есть несколько ходов. Самый простой — ход «ходунком»: он растет, но продолжает быть капризным, непослушным, недисциплинированным, бунтует против порядка, всех в семье задевает и раздражает.

Джон. Простите, но мне неясно, как этот ход решает проблему.

Робин. Ну, смотрите: препираясь, воюя с кем-то, вы держитесь с людьми рядом и привлекаете к себе их внимание. А свое — отдаете им.

Джон. Ага! Ссорясь, вы оказываете им внимание!

Робин. В то же время, воюя, вы держите дистанцию между вами и ими, как на поле битвы — полоска ничейной земли. Вы чувствуете — и другим так кажется — будто ведете себя независимо, отстраняетесь от других.

Джон. Дошло. Значит, ребенок провоцирует родителей в ответ на их противоречивые указания.

Робин. Но не забывайте: мы идем «по кругу». Перед нами семья «кругового» порока... или поруки. Если ребенок не допускается до какого-нибудь фокуса, чтобы затеять стычку, мать выдумает, к чему придраться. А если они ладят, папа тут как тут — расшевелит, разозлит.

Джон. Они все в двойственном положении, поэтому все должны постоянно враждовать друг с другом, ведь это лучшее решение их дилеммы.

Робин. И эта система «крутится» в их семьях поколение за поколением.

Джон. Как обычно. При этом, конечно же, никто не подозревает, что происходит.

Робин. Да. Но родители, как правило, в одном согласны, несмотря на то, что постоянно меряются силами.

Джон. Что кто-то виноват!

Робин. Да, хотя все дело в системе. Ребенок же часто становится козлом отпущения.

Джон. Поразительно! Расскажите про какой-нибудь случай, то есть про какую-нибудь семью, которую вы наблюдали.

Робин. Ну, ко мне направили четырнадцатилетнего мальчика, вечно воевавшего с родителями и учителями, иначе говоря, все еще «ходунка» в четырнадцать лет. Я познакомился с ним и его семьей, с родителями, старшим братом восемнадцати и старшей сестрой шестнадцати лет. И не мог не заметить, что мальчик просто вынуждал родителей держать его в центре внимания, постоянно провоцировал их, раздражал, но при этом возмущался, что они вмешиваются в его жизнь, требовал «отвязаться» от него. Этим ходом он добивался того, что оставался «в связке», но вел себя вроде бы независимо.

Джон. Он выпутывался из своего двойственного положения. Ну, а родители?

Робин. Было ясно, что отец и мать остерегаются дарить друг другу внимание, они оба охотнее сосредоточивались на мальчике. Как и ему, им было бы неловко «играть» затянувшееся действие с «ненаглядным младенцем», но они могли оставаться в ролях «мамы» и «папы» — избегая более интимных ролей «мужа» и «жены» — пока их трудный ребенок все еще в «ходунках». Я отметил, что всякий раз, когда я подталкивал их взглянуть друг на друга, завести свой разговор, сынок принимался кричать им, чтобы оставили его в покое, что они как раз и делали в тот момент. Они сразу же забывали друг о друге и устремляли взгляд на него.

Джон. Вам пришлось указать «границы».

Робин. Не лишая поддержки, конечно же. Дружелюбие к детям, но мягкая просьба не шуметь, не мешать разговору родителей. Трудность была в том, что при детях родители очень смущались обнаруживать свою нужду во внимании, поэтому после двух общих встреч я дважды виделся отдельно с супружеской парой.

Джон. Еще провели «границу» ─ между родителями и детьми.

Робин. Да, каждому поколению ─ отдельное место. Конечно, указал родителям, как им самим «границы» указывать.

Джон. Беря в Вас пример...

Робин. И посоветовал заверить детей, что все нормально, объяснить, что родителям «тоже иногда нужно друг другу уделить немного внимания». Одни, они в конце концов признались: обоим хотелось бы чуточку больше любви, ласки, что я им и прописал. Удовольствие, включая секс, три раза в день! А также по временам детей не замечать!

Джон. У них на картах закрепилось правило, отрезавшее подступ к нужному, недостающему.

Робин. Да, вроде того, что родители всегда безупречны, без недостатков. Поэтому я постарался переписать это их правило, выступая для них в роли «заботливого родителя». Сам расшатывал эту их установку как только мог!

Джон. Каким образом?

Робин. Проявлял больше интереса к родителям ─ не к детям, демонстрировал, что я делаю то, что мне нужно, получаю удовольствие и тому подобное.

Джон. И что же произошло?

Робин. На пятую, последнюю беседу они опять собрались у меня все вместе. Родители, сияя, сидели рядышком на диване, мальчик больше им не мешал. Все его попытки заполучить родительское внимание были напрасны. Позже, я слышал, он постепенно угомонился, но симптомы, с которыми его направляли ко мне, более или менее прошли еще во время наших встреч. Он поднажал на учебу, стал успевать.

Джон. И Вы им не объясняли систему их семьи, просто поменяли ее, дали другую «картинку»...

Робин. В последнюю встречу я как раз объяснил каждому модель семьи, и, обсуждая услышанное, они обнаружили, что модель «появилась на свет» больше четырех поколений назад! Младший ребенок в семье всегда был трудным, по крайней мере, начиная с семьи прапрапрабабушки и прапрапрадедушки.

Джон. О'кей, это была семья с «ходунком-разбойником». А как работает система в семье с «ходунком», который и мухи не обидит?

Робин. То есть в той, где ярость загнали в подполье, потому что семья не умеет с ней справляться?

Джон. Да. Только тогда мне непонятно, может ли система работать. Если ярость держит каждого «в связке», одновременно позволяя ему удерживать дистанцию, он же потеряет дистанцию, подавив ярость.

Робин. Не потеряет. У него есть возможность вести пассивное сопротивление, устраивать что-то вроде сидячих забастовок.

Джон. А пример не приведете?

Робин. Примеров можно привести много, чаще всего я сталкивался с «необучаемостью» у детей, уже пошедших в школу. Ребенок пялится на доску, морщит лоб, глубокомысленно сосет карандаш, но в него ничего не проникло!

Джон. Да, помню, был у меня такой мальчуган в годы моего учительства. Он внимал с таким усердием, что на внимание растрачивались все его силы, на ответ сил уже не оставалось. Помню, я не смог ему втолковать, что река Нигер находится в государстве Нигерия, а река Конго — в Бразильском Конго. Когда я спрашивал его: где река Нигер, в Нигерии или в Бразильском Конго, он всегда затруднялся ответить. Я пробовал его ободрять, говорил, что не думаю путать, говорил, что мечтаю услышать правильный ответ,— все впустую, он просто не понимал связи между словами, хотя я «протягивал» ее с десяток раз... Нет, я не мог рассердиться, я испытывал какой-то благоговейный страх.

Робин. Рассердились бы, затянись эта пытка. Когда я встречался с учителями, они просто кипели возмущением, ведь ребенок — сама невинность, сама беспомощность — делал их в собственных глазах виноватыми за то раздражение, которое сам же и вызывал. Фактически их возмущение было вполне обоснованным, потому что такого сорта трудный ребенок, замаскировав, приносил свой бунт против родителей в школу — дома он не мог бунтовать открыто.

Джон. Из-за семейного табу.

Робин. Верно. Но мог повоевать — конечно, «под маской» — в школе с учителями, которые устойчивее родителей к ярости.

Джон. А разве дети не вытворяют подобного дома?

Робин. Дом не школа, дома забастовки принимают иные формы.

Джон. Рассеянность?

Робин. Откладывание дел на «вечное» завтра, медлительность, опоздания, туман во взгляде, когда от них требуется сосредоточенное внимание, решение чем-то заняться, тут же забываемое ради новой затеи, и так далее.

Джон. Просто «отсутствие».

Робин. Точно.

Джон. Значит, ребенок получает с избытком родительское внимание в виде замечаний, и дистанция сохраняется, они не жмутся друг к другу, то есть ребенок следует двойственному указанию «расти не вырастая», а также придерживается табу. Но ведь еще коечто достигается — а? Я в детстве был «отсутствующим» и уверен, что это — хитрый путь завоевать какое-то пространство, «кусочек» уединения.

Робин. Сказав про «отсутствие», Вы попали в самую точку. Да, эти дети отсутствуют, они где-то, где могут обрести относительную свободу, свою собственную жизнь — подальше от всяких уловок, ловушек, мертвой хватки. Возможно, единственный путь к свободе — это уйти в себя, но внешне подчиниться родительской власти.

Джон. Хорошо, а почему они «бунтари» в школе? Потому что там ярость не воспрещается так строго, как дома?

Робин. Именно. Их ярость меньше страшит учителей.

Джон. Притом ребенок — ангел с виду.

Робин. Но он нуждается в головомойке за молчаливый бунт точно так же, как «ходунок», шаловливый, проказливый и нормальный, нуждается в указании «гриниц».

Джон. Значит, эта самая «необучаемость» — способ нащупать «границы»?

Робин. Верно.

Джон. И если учителя твердо укажут «границы», ну, потребуют взяться за ум...

Робин. ...тогда, как знаю по опыту, от «необучаемости» и следа не останется.

Джон. Правда?

Робин. Чистейшая. Как только учителя поймут, чего ребенок в действительности добивается, и отчитают, по-настоящему рассердившись, то есть отнесутся к нему как к явному бунтовщику, бунт обернется обыкновенным озорством, которое учителя прекрасно распознают и пресекают, а потом, со временем, ребенок, как и «ходунок» в хороших руках, исправляется. И конечно, легко предсказать, что произойдет дальше.

Джон. Что?

Робин. Родители начнут жаловаться, что ребенок стал вести себя воинственнее.

Джон. Он освободился от табу.

Робин. Именно. Но они не могут с этим мириться. Поэтому-то психотерапевту и важно видеть всю семью и каждому помочь справиться со страхом, вызываемым яростью.

Джон. А что на самом деле такой ребенок думает о своих действиях? Подозревает, что «играет» с яростью?

Робин. Нет, наверное. Нет — пока ему твердо не укажут, что мозги «засоряет» ярость. А тогда ребенок, кажется, начинает понимать, что был непокорным. Вел себя вызывающе.

Джон. Но прежде ребенку нужно понять, что люди, отвечающие за него, не боятся ярости и помогут ему обуздать ее.

Робин. Похоже, так. Узнав, что другие способны справиться с яростью, он свободен присвоить чувство ярости и больше не притворяться, что ее в нем нет, ему больше не нужно изолировать ее от тех, на кого она направлена.

Джон. Как это — »изолировать»?

Робин. Трудно найти подходящие слова, чтобы объяснить, как это. Я уже говорил: не в том дело, что чувства не испытываются — испытываются каким-то образом. Но существуют порознь. А поэтому бессмысленны. Различные чувства — ярость, страх и прочие — все тут, все «без изъяна», только в чем их неповрежденная суть, человеку неясно, потому что чувства изолированы одно от другого, разъединены. Такая же «прерванность» эмоциональных связей — корень, от которого целый букет душевных болезней, называемых «неврозами навязчивых состояний».

Неврозы навязчивых состояний

Джон. Что такое навязчивое состояние? Когда человек чувствует побуждение что-то сделать, о чем-то думать?

Робин. Человек чувствует, как разные его стороны ведут в нем непрестанную борьбу, которую он не способен решить в пользу той или другой стороны. И даже на самом деле не представляет, за что борьба.

Джон. В чем его отличие от «аутсайдера»?

Робин. Случай тот же, просто «тяжелее» тянет. И как с прочими психическими расстройствами, порочный круг надо искать там, где начинается попытка решить проблему, потому что попытка только множит проблемы. Желание держать себя вне собственной мысленной карты, отдельно от других людей оборачивается «метастазирующим» нарушением единства, когда разъединяются уже разные стороны личности. Одна сторона личности ─ сознание не уравновешивается и не руководит другой ─ инстинктом, побуждениями. Поэтому личность «теряет связь» с собой и не доверяет себе. Постоянно тревожится, что «отбившаяся» сторона полностью выйдет из-под контроля, и кончится все катастрофой.

Джон. Каковы симптомы?

Робин. Иногда просто преувеличенный и необъяснимый страх сделать что-то, что, кажется, будет иметь пагубные последствия, или страх, что уже ─ неосознанно ─ сделано что-то ужасное. Человек чувствует необходимость постоянно убеждаться: нет, не совершил, не совершал «ничего такого», заверять себя: нет, не сделал, когда ослабил самонаблюдение. И, естественно, он постоянно за собой наблюдает. Он знает, что это глупо и никто не поймет его.

Джон. А чем именно ему не хотелось бы «запачкать руки»?

Робин. Тем, от чего обычно удерживает сознание. В особенности это насилие и распутство. Впрочем, может быть и любое другое осуждаемое обществом действие.

Джон. А я за навязчивое состояние принимал стремление всегда пересчитать стекла или надевать одежду в определенной последовательности.

Робин. Ну, я начинаю с нарушений грубее, когда человек отдает себе отчет, какое чувство, побуждение его страшит... хотя он в некоторой степени и «выключил» чувства. Я еще не касался развертывания порочного круга.

Джон. Расскажите, расскажите.

Робин. Происходит вот что: из-за отсутствия связей возникает тревога, но человек этого не понимает. И чем больше страшится, что потеряет контроль над собой и поддастся безумной ярости, тем больше порывает связь с чувствами. То есть усугубляет прежнюю разъединенность своих разных сторон.

Джон. Набирается порока...

Робин. Именно. Попытка страдающего навязчивостью разъединить, замаскировать, подавить чувства бесполезна, потому что уменьшает его реальный контроль над собой и увеличивает страх, что случится то, чего он старается не допустить. Он добавляет усилий, «рвет» и «глушит», но тревога растет тем безудержнее. Он все беспокойнее, нерешительнее, все меньше готов на риск, все очевиднее «привидение». Он только и делает, что думает, тревожится, но у других впечатление, что он эмоционально ─ мертвец, разве что тревога прорывается из него... часто мыслями, которые он не способен остановить, которые обнаруживают так пугающую его утрату самоконтроля.

Джон. Навязчивые мысли диковаты?

Робин. Да. Например, он с ужасом думает, что газ или электричество наделают в доме дел, что он ушел, а дверь не запер, что влезут воры, поэтому он проверяет краны, замки, выключатели снова, снова и снова. Только что проверял ─ а его тянет вернуться, проверить еще раз. Или же он боится чем-нибудь заразиться, моет руки «до дыр», не берется за дверные ручки.

Джон. То есть одновременно переживает «вредные» чувства и сознательно пытается убить их в себе.

Робин. Если он боится, что его сексуальная энергия вырвется из-под контроля, он может сдерживать себя, например, страхом венерических заболеваний, что говорит и о его сексуальных потребностях, и о сознательных попытках не удовлетворять их... Нужда мыть руки у виноватых в умерщвлении чувств трагична ─ помните леди Макбет с ее отчаянным и бесполезным «Прочь, проклятое пятно...»?

Джон. Но Ваш трагический «герой» не имеет по-настоящему реального представления ни об одной из сталкивающихся сторон.

Робин. Да, тут, очевидно, пружина его навязчивых мыслей и действий. Помогая человеку, вы должны крепко его поддерживать, когда он «включает» эти свои «опасные» чувства и познает их.

Джон. Кажется, я уловил. Похоже на водителя, который, боясь аварии, забрался на заднее сиденье: он может оправдаться тем, что не прикасался к рулю! И эти действительно ужасные навязчивые состояния ─ результат недостатка твердости у родителей?

Робин. Да, хотя, не скрою, некоторые психиатры, по-моему, глубоко заблуждаясь, объясняют расстройства чрезмерной строгостью. Мой опыт свидетельствует о прямо противоположном: советую родителям быть жестче, последовательнее, и дети в семье, страдающие подобными неврозами, быстро приходят в норму. Со взрослыми то же самое. Дай им психотерапевт волю спонтанно ассоциировать, он умрет от скуки или от старости, а вылечить не успеет.

Родительский спор

Джон. Я хотел бы узнать еще кое-что о семье «аутсайдера». Поскольку родители тоже «аутсайдеры», не сильны в науке «отдавать ─ брать», они будут бесконечно бороться за власть. Не смогут согласовать свои «руководящие указания» ребенку. Откуда одна из причин незнания ребенком ясных «границ».

Робин. Правильно.

Джон. Откуда и неограниченная возможность у ребенка настраивать родителей друг против друга ─ верно?

Робин. Да, хотя получается, что мы сваливаем вину на ребенка, но все дело в системе. Может показаться, что ребенок восстанавливает родителей друг против друга, в действительности это каждый из них пытается перетянуть его на свою сторону.

Джон. Но им и невдомек.

Робин. Да, они оба думают, что просто отстаивают свой символ веры. Отец будет утверждать, что мать портит ребенка ненужной мягкостью, мать будет говорить, что у отца слишком тяжелая рука и твердое сердце. У родителей «ничья», а в результате «разыгрывается» ребенок. Можно ли винить его, если и он вздумает «поиграть»?

Джон. В конце концов, про другие игры он не знает... Но иногда ему, наверное, неприятны все эти родительские споры?

Робин. Да. Иногда дети выворачивают игру наизнанку, пытаются поправить семейное равновесие. Большинство детей все же жаждет любить обоих родителей.

Джон. Чтобы ─ опять ─ сравнять счет...

Робин. Это не единственная тактика, которой пользуется ребенок. Опыт семейной психотерапии показывает, что многие дети находят удивительные решения, чтобы смягчить напряжение между родителями. Конечно, находят бессознательно.

Джон. Но если родители сцепились в нескончаемом споре за власть, что может сделать ребенок?

Робин. Ребенок может смягчить остроту родительского спора, главным образом, «сделавшись» проблемой, по которой у них разногласий не будет.

Джон. Ага! Сделавшись трудным ребенком, он заставит родителей объединить усилия, чтобы переделать его трудный характер.

Робин. А если и не заставит их объединиться, по крайней мере, сможет свести родительский конфликт к спору о его воспитании. К «локальной войне». Вместо глобальной, которая часто приводит к разводу.

Джон. Печально — а? Ребенок должен так стараться для родителей, чтобы устойчивее был их союз!

Робин. Я тоже сочувствовал ребенку, когда только занялся семейной психотерапией. Но теперь для меня это все механика: барахлит мотор, значит, нужна починка. К тому же теперь, когда появилось столько новых и эффективных методов корреляции семейного «поведения», можно им помочь, если они способны взглянуть в лицо неприятным фактам. Отсюда мой оптимизм, уравновешивающий сочувствие им всем.

Джон. И каковы неприятные факты?

Робин. Возьмем ситуацию, когда родители постоянно ссорятся и каждый пытается перетянуть ребенка на свою сторону. Вот вам несколько схем. Сначала мать и ребенок заодно — отец лишний.

Час-два спустя уже отец и ребенок вместе «играют» — мать «не принимают».

Если ребенок попробует исправить ситуацию, отвлечь родителей от конфликта, объединить их, он может сделать это одним из двух способов. Во-первых, у него есть ход «ходунком» — он идет в «разбойники». Становится таким непослушным, несносным, так злит родителей — они забывают, что злы друг на друга!

Во-вторых, он может «сделаться» нервным, больным, и родители забудут про распри в тревоге за ребенка, объединятся, чтобы ухаживать за ним, чтобы вылечить. Или ребенок использует — в тех же целях — свою хроническую болезнь, астму, например.

Джон. Фантастика! В обоих случаях он сведет родителей вместе. В первом — действуя вроде громоотвода, принимая на себя отрицательный, критический «заряд», а во втором — притягивая все нежные чувства... Минуточку! Вы говорили, что иногда ребенок восстанавливает родителей друг против друга, а на самом деле... только про способы свести родителей вместе...

Робин. Все хитрее в действительности.

Джон. Вы хотите сказать, что дети способны сводя — отдалять?

Робин. Именно. Описанные два способа — всего лишь два компонента сложнейшей семейной системы, которая регулирует степень близости и отдаленности между членами семьи. В каждой семье существует традиция — скорее привычная потребность, а не сформулированное правило — нормальной дистанции между мужем и женой. Им удобно на привычной дистанции, но они почувствуют неудобство и от излишней близости — фамильярности, и от чрезмерной независимости, грозящей «вольностью» уйти, бросив детей. Поэтому, как только дистанция между ними неприятно уменьшается, либо, наоборот, пугающе увеличи-

вается, приводится в действие ребенок, часть системы ─ нажим на рычажок! Чтобы «восстановил родителей друг против друга»... на привычной дистанции. Конечно же, тут автоматизм. «Нажим» в системе осуществляется автоматически.

Джон. Кажется, я начинаю понимать кое-что про «круговую поруку» в системе «семья», но как же трудно держать по местам в голове мысли, протянуть связи... Хорошо, рассказали о способах, какими ребенок может отвечать на родительскую борьбу за власть. А теперь давайте разберемся с ситуацией, имея в виду его мысленную карту мира. Если родители не способны достичь согласия, ребенок получит две разные карты ─ по карте от каждого?

Робин. Да. Две в какой-то степени противоречащие одна другой карты. И все потому, что дети хотят любить обоих родителей, преданы обоим. Если же у родителей нет согласия, единственное для ребенка решение ─ принять взгляды обоих родителей, поместив в два разных отсека своего запоминающего устройства.

Джон. Родительский конфликт ребенок вберет в себя.

Робин. Именно.

Джон. И вынужден руководствоваться двумя противоречащими одна другой картами. Такое руководство до душевного покоя не доведет.

Робин. До невроза доведет, если ребенку или взрослому в таком двойственном положении не помочь осознать конфликтную «связь» его двух карт, не помочь действительно свести их воедино. Но Вам, наверное, будет интересно узнать, что некоторые, оснащенные двумя «конфликтующими» картами, достигают творческих высот.

Джон. Я слышал, что невроз сопутствует способности к творчеству. Фактически тысячу раз убеждался в этом. Но почему, как Вы считаете, некоторые с двумя картами становятся людьми творческими, а другие─ нет?

Робин. Все, по-видимому, определяется отношением человека к своему внутреннему конфликту. Если пассивен, то есть отрицает его, избегая осознавать от нежелания разрешать, будет невротиком. Творческий человек, похоже, пробует преодолеть конфликт, в какой-то мере осознавая его, ищет способ сочетать две «конфликтующие» карты.

Джон. Невротик не сможет, наверное, допустить, что семью раздирали противоречия, а «художник» сможет.

Робин. Я думаю, Вы близки к истине. И несомненно, что, стремясь воспользоваться обеими картами, объединив их, люди двигаются нехожеными путями, открывают что-то новое.

Джон. Но люди творческие, пробующие справиться со своей внутренней проблемой, тем не менее обнаруживают невротические симптомы?

Робин. О, да! Конфликт «за спиной» сделал их уязвимыми. Впрочем, способность к творчеству очень помогает им.

Джон. Значит ли сказанное, что невроз «творит» творчество?

Робин. Нет. «Конфликтующие» мысленные карты в ответе либо за невроз, либо за творчество. Либо за их комбинацию, в которой творческий импульс направлен на обуздание невроза.

Джон. У меня, по меньшей мере, двое друзей, опасающихся психотерапии: боятся «вылечиться» от творчества. Вы, наверное, возразите?

Робин. Да, мне таких открытий делать не приходилось. Мой опыт, опыт коллег свидетельствует, что творческие люди, побывав в наших руках, набираются творческих сил. А Вы разве возразите?

Джон. Нет, в общем. Не думаю, что моих — сколько бы их ни было — прибавилось, но чувствую: я теперь свободнее распоряжаюсь отпущенным, не скуплюсь, так сказать. Ну, хватит уж про себя. Давайте опять о тех, кто препирается. Ясно, почему родители — »аутсайдеры» навяжут ребенку две карты: они в постоянном конфликте. Там же, где нормальные отношения, где родители согласны в том, как воспитывать ребенка, он обеспечен одной непротиворечивой картой. Но ведь и нормальные родители не могут быть согласны во всем.

Робин. Будь так, они бы навредили ребенку!

Джон. Потому что...

Робин. Потому что все мы всю жизнь должны разрешать противоречия. И нам нужно поучиться этому под родным кровом. К счастью, в любой семье папа и мама чуточку непохожи, потому что сами росли в чуточку непохожих семьях. Поэтому они — во всяком случае вначале, потом в меньшей степени — будут вести споры о том, как воспитывать ребенка. Но если они в свое время успешно усвоили правила «сложения в группу» и не попали в «аутсайдеры», они будут готовы слушать друг друга и, споря, добьются компромисса.

Джон. Значит, и нормальные родители не видят в конфликте ничего ненормального! Поэтому, к примеру, помогут конфликтующему «ходунку» справиться с яростью и, таким образом, нормально развиваться, шагнуть на следующую ступеньку. Он также получит согласованные ориентиры, которые нанесет на свою карту.

Робин. Да, но и еще кое-что... Усвоит, что иметь свое мнение — нормально, естественно быть непохожим, притом лучше всего, если собрать разные мнения, поразмыслить и найти общее — устраивающее непохожих людей. Иными словами, ребенок не просто получает непротиворечивую карту мира, «ходунку» не надо далеко ходить за примером — пример прямо перед глазами и учит, как находить решение, если собственная непротиворечивая карта противоречит непротиворечивым и самым разным картам других людей.

Джон. Значит, он учится на примере.

Робин. Самый эффективный способ. Дети больше схватят и глубже вникнут, «набивая глаз», чем слушая вас во все уши... Поэтому если родители говорят ребенку, что он должен уметь защищать себя, но сами всегда пасуют, у ребенка, разумеется, плохой пример для подражания — противоречащий дельным речам. Такому ребенку будет трудно постоять за себя в группе, показать независимость и находчивость... чтобы его приняли «играть» в команду. Из него получится конформист. Его «свалит» невроз.

Джон. Значит, родителям полезно иногда схватиться в споре?

Робин. Бесспорно! Пока они любят друг друга и могут, объединив усилия, достичь компромисса, по крайней мере, в руководстве детьми. К тому же, способность выпустить агрессивную энергию, по-видимому, связана также с умением легко разряжать сексуальное напряжение. И если супруги не страшатся битв, это на пользу им, браку, детям.

СОЗРЕВШИЕ МЫСЛИ: ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ ЗДОРОВЕЙ

Джон. Мы немного говорили о команде: о том, как отдавать, брать и достигнуть согласованности с другими. Но имели в виду одного ребенка. Легко ли достается семье второй ребенок?

Робин. Совсем другое дело — по мнению родителей. Ведь уже одолели прыжком пропасть между тесной «связкой» молодой пары, все свое внимание посвящающей друг другу, и семьей, где оба должны в согласии смотреть за третьим. Теперь они просто шагнули от малой — к большой семье.

Джон. Основные правила — те же? Навыки, которые обрели, «играя в тройке», можно применить и в пополнившейся команде?

Робин. Да. При прочих равных условиях родителям даже легче: уже известно, что потребуется, как дать ребенку нужное. Первый ребенок — это для родителей заново открытая от неведения Америка — понятная тревога, что идут неверным путем. Но со вторым — глаз наметан, рука набита. Они уже знают, что их страхи в основном беспочвенны, они уверенно справятся с несложной проблемой, не заглядывая в книги, не обращаясь к специалистам. Мой совет — рожать сначала второго!

Джон. Да, но все же за двумя смотреть не легче, чем за одним.

Робин. Вы правы, но я говорю о том, что если «смотреть» отдельно, то за вторым — легче, чем за первым. Хотя, конечно, хлопот прибавляется. Не только потому, что теперь два рта — накормить, две попки — отшлепать. Надо освоиться с новыми отношениями увеличившейся семьи.

Джон. Вы хотите сказать, что ко времени появления второго первый ребенок уже одолел пару ступенек, оба требуют заботы, но — разной.

Робин. Родители теперь делят свое внимание между детьми сообразно потребностям каждого. Отец — если родители способны взаимодействовать — в основном берет на себя старшего ребенка, оставляя матери заботу о младенце. В наше время супруги, конечно, могут подменять друг друга, но я уже объяснял, почему такое распределение ролей имеет смысл, когда дети малы.

Джон. А если родители плохо взаимодействуют?

Робин. Тогда вариантов несколько. В семье «аутсайдеров» борьба за власть может стать изощреннее, когда дети подрастут,— вырастет число возможных «военных» союзов. В семье, «повязанной» депрессией, мать объединяется с одним ребенком, отец — с другим, но это не здоровое распределение ролей, а разрушение супружеской связи. Вместо супружеской пары образуются две парочки: в одной ребенок при мамочке, в другой — при папочке. В семье с неустоявшимися «границами», где без проекции и шагу не ступят, есть «хороший» ребенок, идеализированный, и «плохой», козел отпущения. Дети будут вести себя соответствующим образом — как «предписано».

Джон. Хорошо, теперь давайте посмотрим на большую семью глазами детей. Каково это — быть старшим, младшим или средним?

Робин. Ситуаций множество: для ребенка — старшего, младшего — имеет значение даже пол прочих детей в семье и, конечно, место родителей в семейном «строю». Впрочем, есть несколько общих и очевидных моментов, обусловливающих различное положение де-

тей в семье. Старший, например, неизбежно получает с избытком родительского внимания. С одной стороны, это замечательно: больше стартовый «капитал» — ему достается больше поддержки, больше помощи. Но негативная сторона его положения в том, что от старшего и больше ждут, на него больше давят, хотя тут залог достижений, успехов; старший, однако, перегружен родительскими амбициями и может в результате потратить свою жизнь на реализацию родительских устремлений. Кроме того, конечно, для первого настоящая катастрофа — появление в семье второго ребенка.

Джон. Вы были старшим ребенком в семье — да? Помните, как это — »в старших»?

Робин. Я был старшим из пяти сыновей. Еще бы не помнить! Первые четыре года жизни был переполнен безоблачным счастьем — пока не родился брат, а тогда будто бомба взорвалась, и надолго все во мне посерело, затянулось сеющей пепел тучей. Как многие первенцы — убежден — я был изначально «испорчен», и поэтому еще сильнее негодовал на «новость», отчего у всех близких попал в «черные списки». К тому же в моей семье водилась «фамильная» боязнь зависти, мои родители держали ее за «ширмой». И они «отвращали» меня от зависти страхом вместо того, чтобы «указать границы», что помогло бы мне постепенно одолеть ее.

Джон. Значит, Вас и Ваших братьев изводила ревность?

Робин. Чудовищно! Мы без устали ссорились из ревности, а родители не знали, как с нами справиться. «Откуда такие ревнивые,— обычно сокрушались родители,— мы же стараемся ко всем относиться одинаково». И действительно, старались. Но поскольку зависть, ревность ужасно пугали и тревожили их, нам не дали возможности «наревноваться» — »переревновать» и усвоить ревность как нормальное, естественное среди прочих, положенное человеку чувство. Но я-таки теперь ученый, и когда ко мне за консультацией обращаются семьи, жалуясь на ревность среди детей — хотя каждому кусок пирога режут по линейке и никого не обделяют пенициллином, если простыл один,— я знаю, что делать. Я говорю им, что у них во многих отношениях замечательная семья, но они явно не преуспели в зависти, им нужно поупражняться, а потом придти ко мне еще раз.

Джон. То есть очень доброжелательно Вы подталкиваете их «сознаться» в зависти — осознав, вытащить зависть из-за «ширмы».

Робин. Да. Полезно «вести дело» шутя. И пусть папа проявит инициативу — за обедом в воскресенье пусть попросит маму положить ему на тарелку на одну картофелину меньше, чем всем остальным, предполагая, что каждый позлорадствует всласть. Он с удовольствием сделает этот почин, чтобы подать всем хороший пример — какова и цель. А кроме того, ему решать, кто будет следующей жертвой поучительной шутки.

Джон. Родителей не заденет, что Вы посчитаете их тоже «больными» завистью?

Робин. Нет — если посчитают так в рассчете на то, что они помогут детям переболеть чужим «здоровьем» — »перезавидовать» — и научиться справляться с завистью. Разумеется, вы подаете такой же совет самим родителям — не прямо, эзоповской речью. Даете также и им возможность вытащить зависть из-за их «ширмы», вздохнуть легче... духом соперничества, которое нормально для их отношений. Ведь дети обычно открыто выражают естественное соперничество, которое присуще и родителям, ... старающимся не смотреть в глаза правде.

Джон. Родителям присуще естественное соперничество?

Робин. Они соперничают, будучи разными, обладая разными преимуществами,— как мужчина и женщина, отец и мать. Тут также отголоски ревности к братьям и сестрам, с ко-

торыми они росли в своих семьях. Если родители научатся легче принимать естественное «напряжение», существующее между ними, ссоры детей утихнут сами собой.

Джон. Я был единственным ребенком в семье и думаю, что не усвоил многих уроков, которые Вы затвердили, «погрузившись» в естественное соперничество братьев, сестер. Поэтому в какой-то степени я прятал за «ширму» свой дух соперничества и чувство зависти, я стал осваивать их лишь в Вашей группе.

Робин. А еще, как думаете, где промахнулись ─ »в единственных»?

Джон. Ой, удар не по правилам! Я был слабее сверстников ─ родители «единственного» носятся с ним, потому что больше не на кого излить нежность, не о ком тревожиться.

Робин. И единственный ребенок в семье уже принимает себя за «единственного в своем роде»!

Джон. Да, раз вы единственный, значит, начинаете считать себя особенным. Поэтому, наверное, во мне есть что-то от «аутсайдера». И раз вы один у родителей, вам труднее «вырваться» от них, стать независимым. После Кэмбриджа я полтора года прожил в Штатах и, признаюсь, как ни стыдно, что домой почти не писал. Но таким неуклюжим способом ─ даже не осознавая ─ думаю, я перерезал, наконец, пуповину.

Робин. Единственным детям освободиться от родительского вмешательства даже труднее, чем старшим.

Джон. А в других отношениях как сопоставимы «единственные» и «старшие»?

Робин. У «единственных» обычно больше напора и меньше сомнений, чем у «старших». Возможно, потому, что им не пришлось пережить травму: их, «одних-единственных», не свергали с престола.

Джон. Ну, а младшие?..

Робин. Невыгодность их положения в том, что они могут так и остаться «младенцами», ведь родителям больше некого носить на руках. Как и старший или единственный, младший ребенок обеспечен особым родительским вниманием, но в отличие от старшего или единственного, он получает поддержку всех братьев, сестер. Средние дети немного «заброшены» им ─ донашивать одежду старших, натягивать носки, севшие после многих стирок, но как раз эти-то прекрасно «сыграются» с чужими детьми, натянут нос и старшим, и младшим. Впрочем, запомните, все от мала до велика в семье умеют прекрасно объединиться в команду, если хотят перехитрить родителей или вырваться из пут. Умеют разделять и властвовать. Способны выйти из-под контроля и уйти из-под наблюдения, запутав родителей, заготовив алиби друг для друга, оставив следы в разных направлениях,─ как выбравшиеся на волю заключенные, которые разбегаются кто куда, зная, что шериф с отрядом не пустится за всеми сразу.

Джон. А раз сумели дружно вложить в «игру» подхваченное за тюремными... простите, родными стенами, то такой команде проще избежать родительских проблем.

Робин. Да. Одно из условий недурного «роста» в проблемной семье ─ расти в куче сестер и братьев. И родители могут исправиться с подачи детей. В моей практике был замечательнейший случай: у меня появилась пара, самая вспыльчивая, необузданная и буйная, какую мне когда-либо приходилось встречать. Я не мог справиться сам, подключил жену, но они просто затыкали нам рот. Тогда мы позвали их вместе с детьми. В следующий раз в нашей приемной сели в круг одиннадцать человек: мы с женой, буйная пара и их семеро детей ─ подростков, молодых мужчин и женщин. Мы поразились: какие же нормальные и приятные «дети» по сравнению со своими родителями! Благодаря «детям» мы смогли, впер-

вые с начала знакомства, конструктивно побеседовать с родителями об их сексуальных отношениях.

Джон. Дети помогли?.. Как?

Робин. Главным образом то была заслуга старших дочерей. Одна в особенности прекрасно себя показала. «Я не хочу, чтобы ты расстраивался, папочка,— начала она,— но думаю, ты не станешь возражать против того, что я скажу...» Он велел ей продолжать и затих, внимательно слушая. И она продолжала: «Беда в том, папочка, что ты не очень хорошо понимаешь женщин. Крик, брань... этим путем ничего не достичь. С ними надо лаской...» Ну, и так далее. Он проглотил все это, согласно кивая головой — мы смогли вступить. Конечно же, другие «дети» поддерживали ее, в малочисленной семье этот «номер» вряд ли прошел бы.

Джон. Похоже на аргумент в защиту демократии — а? Чем больше высказано мнений, тем проще выбрать полезное. Я, единственный ребенок в семье, знал только родительский взгляд на вещи и, пока не попал в Вашу группу, не набрался нового семейного опыта, взяв себе во временные родители Вас и Пру, а остальных — братьями, сестрами, я не смог освободиться от некоторых приобретенных в Уэстон-сьюпер-Мэр шаблонов поведения, которые мне мешали жить. Возможно, имей я братьев и сестер, в полезных прениях я бы почувствовал раньше!

ЧТО ВЫ ТАМ ВДВОЕМ ДЕЛАЕТЕ?

Нет дела важнее

Джон. Мы упорядочили «границы» стали независимыми, вошли в команду. Какая следующая ключевая идея?

Робин. Секс. Теперь речь о том, о чем Вы всегда хотели бы узнать, но не спрашивали ─ боялись, что это Вам уже давно положено знать. Например, зачем нужны два пола, чем отличаются мужчины от женщин и действительно ли отличаются, почему инцест ─ нелепая затея, на самом ли деле женщина ─ прототип мужчины, а мужчина ─ результат адаптации, в чем причина гомосексуализма, почему Эдип, не желающий взрослеть, убил отца и почему последние разработки в сфере сексуальной терапии дают замечательные результаты.

Джон. И до этого дошло, потому что ребенку пора перейти на следующую ступень?

Робин. Да. «Ходунок» осознает свою половую принадлежность.

Джон. О'кей. Но сначала объясните, пожалуйста, кое-что. Я в жизни слышал сто тысяч неприличных анекдотов, и только семь меня рассмешили. Но все просто падают, если в ударной фразе ─ непристойное словцо. Раньше я думал, что мог, слушая эти анекдоты, «удержаться на ногах» потому, что секс меня смущал больше, чем их. Теперь я уверен в обратном. И однако: почему нас всех смущает секс?

Робин. Думаю, потому, что пробуждает немыслимой силы ─ шоковые для мысли ─ эмоции. Нас приводит в смятение его истинная мощь.

Джон. А неприличные анекдоты ─ способ обезвредить «бомбу»: притвориться, что эти эмоции на самом деле не так сильны, ведь над ними можно посмеяться.

Робин. Вероятно, Вы правы.

Джон. И почему же, как Вы думаете, секс ─ столь мощная сила?

Робин. Причин множество, все мы о них знаем, но ухитряемся постоянно забывать. К примеру, он ключ, впустивший нас в этот мир! Нас бы не было, не одари наши родители благосклонностью друг друга.

Джон. Мысль, что папочка с мамочкой... спариваются, может вызвать «перегрузку» воображения ─ правда? Не говоря о другой ─ что наша жизнь однажды так и началась.

Робин. А задумавшись о том, откуда мы тут, наткнемся и на такую ─ когда-нибудь нас тут не будет.

Джон. Которая, в свою очередь, поведет к вопросу: «Зачем мы тут?» ─ обычно мы стараемся обходить его стороной.

Робин. Да, все эти мысли немного сбивают с толку. Притом секс сам по себе ─ переживание ни с чем не сравнимое по глубине и благотворности ─ исключая религиозный экстаз, который большинство из нас никогда не испытает.

Джон. Потрясение до основ.

Робин. Волнующая вещь ─ землетрясение, но ведь и устойчивости лишает. Секс смущает нас еще и потому, что волнует, радует в той мере, в какой мы способны «расшнуроваться», предаваясь действу. Мы должны подчиниться стихии.

Джон. И не знаем, куда нас занесет? Безоглядно погрузившись в переживание, возможно, обнаружим в себе что-то, о чем не подозревали?

Робин. Да. Даже разговор о сексе может «отозваться» неожиданно. Еще один аспект: вся наша жизнь «замкнута» на секс. Например, наше безмятежное детство тоже отсюда — от умелого и успешного одоления родителями мятежной силы секса. Сексуальные отношения — основа брака, а брак — основа семьи, от которой мы так зависимы, пока не выросли. Я думаю, дети, не зная, чувствуют это, если родители счастливы, светятся радостью, источник которой — сексуальное удовольствие, доставляемое ими друг другу, дети — сразу заметно — тоже счастливы.

Джон. Взрослые, мы никогда не забываем, что наш брак скреплен такой взрывоопасной и непредсказуемой силой. Наверное, поэтому без секса не обходится ни один фарс. Все мы глубоко в душе признаем разрушительные возможности страсти, поэтому сочинитель фарсов может помещать своих героев в ситуации, рискованные до нелепости — мы всему поверим.

Робин. И, конечно, чем больше твердим себе, что секс не всесилен, чем больше подавляем в себе эту силу, тем безудержнее и сокрушительнее она будет, прорвавшись. Как же нам не испытывать благоговейного страха перед мощью секса и не пытаться скрыть страх за шуткой!

Джон. Так, но из всего этого не ясно, почему говорить о сексе в своей семье детям и родителям труднее, чем с посторонними.

Робин. Правило укоренилось настолько глубоко, что большинство, включая людей моей профессии, не задаются таким вопросом. Я думаю, дело вот в чем: секс — причина причин, толкающая детей расти, обретать независимость, покидать родительский дом. Для родителей горькая радость — увидеть в своих чадах мужчин и женщин, которые однажды оставят их, найдут себе пару; дети тоже могут изведать горечь, оттого что никогда не будут близки с родителями так, как родители друг с другом. Особенно остро семья ощущает власть секса, когда дети достигают половой зрелости: родители и дети — с обеих сторон — открывают, как они привлекательны.

Джон. И тогда расставание приближается...

Робин. Расставание детей с родительским домом заставляет обе стороны вспомнить о другой ждущей их разлуке,— родители, вероятно, первыми уйдут из жизни... Тревожащие, печальные мысли. Вот поэтому и неловко вести разговоры о сексе в своей семье.

Джон. Но многие родители сегодня откровенно говорят с детьми о сексе.

Робин. Да, но если Вы заметили, из-за неловкости они ударяются в другую крайность: сыплют фактами, но умалчивают о чувствах. А главное — чувства.

Джон. Однажды в группе Вы сказали, что когда родители закрываются от детей в спальне, они смущаются, Вы думаете, не столько из-за секса, столько из-за того, что отделяются и отдаляются от детей, даже маленьких.

Робин. Да. Спросите у большинства родителей, откуда их смущение, их страх, что дети случайно услышат, как в спальне совершается половой акт. Родители Вам не смогут объяснить. Не объяснят и сами себе. Но эта, по видимости, лишенная здравого смысла тревога стала понятной мне — а потом и родителям, с которыми я говорил,— когда я додумался: дело в том, чтобы исключить детей; чувствуя себя не допущенными к особой близости и радости родителей, завидуя им, дети получают мощный толчок во внешний мир, где только и найдут такую же радость.

Джон. Значит, не подпуская детей и вынуждая их осознать болезненный факт «стены», мы можем не сомневаться: в конце концов они покинут нас ради кого-то где-то там...

Робин. Так и должно быть. Дать им уйти — бесценный родительский дар. Но нам жаль, нас тревожит разлука... Наконец, последняя причина неловкости от секса в семье: чтобы дети получили толчок к зрелости, необходимо «верной величины» сексуальное напряжение между родителями и детьми.

Джон. Какое же?

Робин. Не слишком высокое, но и не слишком низкое. Не холодная, гасящая сексуальную силу атмосфера, но и не чересчур накаленная.

Джон. Грубо говоря, ни фригидности, ни инцеста.

Робин. Все в семье чувствуют, что с сексом надо быть осторожными. Ничего удивительного, что в семье обычно не затевают разговоров о сексе, это все равно, что затеять прогулку по минному полю.

Джон. Внушительный список «дорожных знаков» у Вас получается. Мне ориентироваться уже легче. Но об одном Вы не сказали — как нелеп сам по себе половой акт. Вообразите, что Ваше... «дело» слушается в суде. Главный судья, может случиться, не поверит ни единому Вашему слову! Примет Вас за сумасшедшего. «Потом,— потребует уточнения он,— потом что Вы сделали?»

Робин. Я часто ловлю себя на мысли: этот веселый ритуал заведен с той целью, чтобы мы, осознав, что помещаемся в самом низу мироздания, перестали «распухать» с головы. Знакомы, без сомнения, с идущим из глубины веков религиозным представлением, будто мы несем в себе Бога, будто душой человек способен подняться до Бога? Сразу сообразите, что нам от земли — никуда, если вспомните, как делаем зверя о двух спинах.

Джон. Отличная мысль! Это исступленное нащупывание блаженства — всего лишь кожура от космического банана... Ну, сколько же нам ходить вокруг да около? Знаю, принято поговорить, прежде чем добраться до главного — до секса, но не хватит ли?

Робин. И я думаю, дольше тянуть нельзя.

Почему пола — два?

Робин. Значит, «занимаемся» сексом... Суть в том, что тут счет «на два». Пола два, и это потому, что только «один» «плюс» «другой» дадут... «новенького».

Джон. Вы хотите сказать, что непорочное зачатие даст ребенка, который будет все равно что клон матери?

Робин. Да, если бы мы, как низшие растения и животные, могли плодить детей почкованием, делением, они были бы генетически наша точная копия. Но в человеке хромосомы наполовину от матери — из яйцеклетки, наполовину от отца — из спермия. Поэтому-то и возможна генетически новая комбинация.

Джон. Что такое хромосома?

Робин. Совсем не учили биологию?

Джон. Учил, но учитель был в прошлом регбист международного класса, он тоже не знал.

Робин. Ну, это крохотная, микроскопическая нитка бусинок, где любая буинка несет «указания», как «создать» человека. В каждой человеческой клетке 23 пары таких хромосом, несущих законченную программу, по которой «создан» и «действует» данный индивид.

Джон. Значит, в каждой клетке — «руководство» по созданию «новенького». Но зачем «пары»?

Робин. Хромосомы должны быть в паре, чтобы после деления клетки в каждой из двух вновь образовавшихся имелся полный набор, который затем опять самоудваивается. Теперь главное: пара хромосом у мужчины поразительно отличается от пары у женщины. В обычной женской клетке — две одинаковые удлиненные хромосомы, называемые «икс-хромосомами», а в обычной мужской — удлиненная икс-хромосома и другая, меньшей длины, называемая «игрек-хромосомой». В отличие от всех иных клеток, в половых клетках — сперматозоидах у мужчин и яйцеклетках у женщин — непарный набор хромосом.

Джон. Дальше?..

Робин. Самое трудное уже позади. Дальше, когда материнская яйцеклетка соединяется с отцовским сперматозоидом для создания клетки «новенького», материнская содержит икс-хромосому, а вот отцовская может содержать либо икс-, либо игрек-хромосому.

Джон. Значит, отцовская половая клетка определяет пол ребенка?

Робин. Правильно. В самом начале, когда «новенький» в материнском организме еще очень мал, он снабжен зачатками половых органов обоих полов. Но если игрек-хромосома отсутствовала, зачатки мужских половых органов пропадают, развиваются матка и влагалище.

Джон. Если отцовская хромосома оказалась икс-хромосомой, получим комбинацию икс-икс, то есть девочку.

Робин. А если отцовская была игрек-хромосомой, то присутствие игрек-хромосомы во всех клетках «новенького» переключит его развитие в мужскую сторону. И вместо женских половых органов разовьются тестикулы. Под действием вырабатываемых ими гормонов зачатки женских органов полностью отпадут и у вас — пенис.

Джон. Я и не представлял, что женщина — отправной тип. Значит, клетки «новенького» развиваются в женскую сторону, если не переключаются в мужскую игрек-хромосомой?

Робин. Да. Но если игрек-хромосомой даны «указания», обратное переключение уже невозможно. Направление развития определилось.

Джон. Можно ли эти нехитрые планы — икс-икс или икс-игрек — как-то расстроить?

Робин. В редких случаях такое возможно. Ребенок оказывается с одной икс-хромосомой, это определенно женский организм, но — не способный к деторождению. Случается комбинация икс-икс-игрек — с мужскими половыми органами, но с незначительно развитыми тестикулами, при этом со слабо развитыми грудными железами. Бывает комбинация из одной икс- и двух игрек-хромосом — такие люди мужского пола ненормальны во многих отношениях. В некоторых обстоятельствах, например при опухолях, вырабатываются избыточные половые гормоны или же активность гормонов снижается; бывают случаи, когда женщина, принимая во время беременности какие-то препараты, нарушает гормональный фон в организме, и механизм переключения в «новеньком» срабатывает позже и не без погрешностей, но это крайне редкие случаи.

Джон. Итак, физически вы можете быть только «одним из двух». А психологически?

Вехи психологического развития

Робин. Давайте начнем с вех сексуальной психологии растущего ребенка, уже добравшегося до «ходунковой» ступеньки.

Джон. В какой мере «ходунку» известно про его пол?

Робин. Именно на этой ступеньке ребенок пускается в исследование. Впрочем, сразу он, кажется, хочет — и верит, что может,— быть «за двоих». Развитие для него равнозначно отречению от противоположного пола.

Джон. Это, должно быть, большой шаг вперед для него, «ужимающего» свое «я». В каком возрасте он минует эту веху?

Робин. Примерно в два с половиной года ребенка начинает интересовать отличие мальчиков от девочек. К трем суть вопроса о половой принадлежности твердо усвоена.

Джон. У «ходунка» еще молоко на губах не обсохло...

Робин. Простите, я имел в виду ясное, неизменное представление у детей о том, к какому полу они относятся. Скажем, просто знание своего полового признака.

Джон. Значит ли это, что к трем годам можно различать «мальчишечье» и «девчоночье» поведение?

Робин. Ну, разница углубляется непрерывно — частью обусловленная «врожденной» половой принадлежностью, частью тем, что родители изначально по-разному относятся к мальчикам и девочкам, и каждому известно, как чудовищно трудно разграничить эти два «влиятельных» фактора. Осознание ребенком своей половой принадлежности, точнее, выводы, которые он делает, узнав о половых признаках,— еще фактор — даются ему не сразу. Но к четырем годам дети уже разделяются на группы соответственно полу, и какая же веселая, возбуждающая забава для них — демонстрировать свои половые «признаки»!

Джон. Гордятся своим новеньким «приобретением»...

Робин. Похоже... Другая особенность этого возраста: интерес к половым органам, к вопросу о том, откуда берутся дети, и к браку обычно сопровождается восхищением, романтическим и в действительности очень трогательным чувством маленького мальчика к матери, маленькой девочки к отцу. Дети с ними очень нежны, «берут в плен» и часто ревнуют их к родителям своего пола. Ребенок вмешивается и пробует разлучить родителей, когда они слишком поглощены друг другом, или находит повод зачастить по ночам к ним в спальню, нарушая супружеское уединение.

Джон. И как долго ведет «осаду»?

Робин. Если родители мягко, но решительно осадят ребенка, закроют перед ним дверь спальни, он должен более или менее справиться с собой к шести годам. Романтическое чувство уходит «на глубину» и таится там, пока половые гормоны не подготовят переход на подростковую ступень.

Джон. Ребенок должен справиться с чудовищной ревностью и ужасным фактом, что его исключают.

Робин. Да. Но это необходимо. Если ребенок пройдет через это тяжелое испытание сейчас, позже избежит проблем.

Джон. Возникающих из-за неумения отдалиться от родителей?

Робин. Верно. Итак, в шесть ребенок уже бросает попытки разрушить супружескую «крепость» родителей. Наступает длящийся примерно до двенадцати лет период, известный под названием «латентного».

Джон. Но насколько латентен... скрыт интерес ребенка к сексуальным вопросам? Не «скрылся» же совсем?

Робин. Нет. Конечно, нет! Дети, как взрослые, учатся прятать свой интерес, а между собой по-прежнему бурно обсуждают тему. Но влечение к родителям противоположного пола, «сотворившее» первый любовный треугольник, пропадает. Дети, освободившись от него, находят чем заинтересоваться, заняться.

Джон. Совершенствуются в сквернословии, учатся мучить людей, например, заставляя завидовать.

Робин. Да, занимаются, чем и положено заниматься здоровым детям. Но, вступая в подростковый возраст — возраст полового созревания,— сосредоточиваются на переменах, которые происходят с ними под действием гормонов, поставляемых активизировавшимися половыми железами.

Джон. Девочки опережают мальчиков — да?

Робин. Да, яичники теперь ежемесячно вырабатывают яйцо, и у девочек начинаются менструации между десятью и шестнадцатью — в среднем, в возрасте тринадцати лет. Под воздействием гормонов меняется, становится женственнее и внешний облик, несколько раздаются бедра, растет грудь, то есть организм готовится к вынашиванию ребенка. Вся перестройка организма девочки занимает три-четыре года.

Джон. В то время как у мальчика...

Робин. У мальчика соответствующие изменения начинаются позже и идут дольше — от четырех до пяти лет. Тестикулы вырабатывают мужской половой гормон, и у мальчика расширяется грудная клетка, нарастает мышечная масса, конечно же, увеличиваются гениталии. Голос делается ниже, на теле появляется волосяной покров. Тестикулы вырабатывают семя — он готов зачать ребенка и знает об этом, потому что во сне у него происходят поллюции.

Джон. Я думал, тому виной французские фильмы поздно вечером по телевизору.

Робин. У вас «мокрые сны», ... если накопленную семенную жидкость не удалить мастурбацией, чтобы предотвратить «половодье».

Джон. Отлично. О каком возрасте мы говорим?

Робин. Первые «мокрые сны» вполне естественны между одиннадцатью и шестнадцатью, средний возраст — тринадцать лет.

Джон. А что происходит в психологическом плане?

Робин. Половые гормоны, помимо прочего, ответственны за половое влечение и фантазии, иногда очень тревожащие подростков, потому что они не ожидали «такого» от себя, не знают, почему с ними происходит «такое». Они не могут наглядеться на новые формы — новое «воплощение» — «той стороны» и неожиданно получают признание друг у друга.

Джон. А раньше держались порознь, изредка переругиваясь.

Робин. Да, но теперь их тянет друг к другу. Вначале они, безопасности ради, смешиваются только большими группами и обычно прибегают к испытанным приемам общения: поддразнивают, сбивают «противника» с велосипеда, но временами, очень смущаясь и торопясь опять затеряться в «толпе», оказывают друг другу робкие знаки внимания. Постепенно

группы делаются меньше, молодые люди разбиваются на четверки и, в конце концов, на пары.

Джон. На мой взгляд, в психологическом плане половое развитие сводится к четырем основным ступеням. Первая — до двух с половиной — это ступень, когда ребенок устанавливает свою половую принадлежность. На ступени от трех до шести ребенок переживает и преодолевает романтическую любовь к тому из родителей, кто противоположен по полу. Затем идет ступень латентного развития — от шести до двенадцати лет — когда интерес к вопросам пола по видимости не превышает интереса ко множеству других вещей. Наконец, на подростковой ступени гормоны стремительно делают свое дело, возбуждая бурю новых мыслей и чувств.

Робин. Хорошо, теперь вернемся и рассмотрим подробнее каждую ступень.

«Ходунок» узнает свой пол

Джон. Вы говорили, что дети, только сделавшись «ходунками», вероятно, думают, будто могут быть обоеполыми.

Робин. Да. Они пока «своевольничают».

Джон. Эти маленькие «аутсайдеры» должны присоединиться либо к «мужской», либо к «женской» команде. А им границы «тесны», им кажется, что их слишком «ужимают».

Робин. Да, им не нравится, что у них не будет того, чем может похвастать другой пол. Но, конечно же, придется смириться. Малышке придется смириться, что «этой штучки» ей не иметь, а малышу — с тем, что у него не родится ребеночек. Но вначале им трудно.

Джон. Кто поможет?

Робин. Прежде всего родители.

Джон. Которые учат не столько словом, сколько примером?

Робин. Это главное. Ребенок постигает свою половую принадлежность, подражая поведению того из родителей, кто одного с ним пола. Но наука дается куда легче, если он может одновременно изучать противоположный пол и сравнивать.

Джон. Поэтому ему необходимы оба — и папа, и мама.

Робин. Или, по крайней мере, двое людей разного пола, которые бы посвящали ему много времени.

Джон. А что за образцы ему нужны?

Робин. Ну, раньше все было ясно. Отцам подобала мужественность, матерям — женственность, и каждый знал, что есть что. Но в наше время, когда роли полов уже не соответствуют традиционным, путаницы не избежать.

Джон. И к чему придем, по-Вашему?

Робин. Думаю, многое сохраним от традиционной модели, а те, которые попробуют слишком крутой поворот, даже вернутся к ней. Однако лучшее из нового усвоим. Большинство мужчин и женщин будут за равноправие, где-то за равенство, но также — за совершенно определенное различие... Определенное психологической разнородностью.

Джон. И как все это увязывается с нуждами ребенка, которому следует правильно «выучить» роль, закрепленную за ним его полом?

Робин. Здоровье, счастье, уверенность «не отходя от роли» достигаются в том случае, если родители, показывающие ребенку пример и обучающие примером, могут отчасти выступать «за другого». Но, конечно же, каждый из них доволен своей особой ролью, во многом отличной от роли другого.

Джон. Значит, отношения родителей, пробующих унифицировать роли, не на пользу ребенку?

Робин. Похоже, такой пример его запутывает. Нужно, чтобы родители делили поровну какие-то обязанности, имели какие-то общие интересы, выступали сообща там, по крайней мере, где речь идет о воспитании ребенка. Но ребенку также нужно видеть, что родители разные, делают разное дело и уважают, ценят друг друга за то, что разные. Чтобы определиться, где находитесь, нужно два ориентира и — на определенном расстоянии друг от друга.

Джон. Иными словами, отец делает сыновей мужчинами, выступая перед ними образцом «крайне» мужских качеств?

Робин. Нет. Любопытно, но в действительности отец не сделает из сыновей настоящих мужчин, если будет вести себя как «образцовый» мужчина. Или — со всей мужской твердостью давить на них, чтобы они вели себя по-мужски. Может выйти совсем наоборот! Только в том случае, когда отцы твердые, но при этом также любящие, участливые, иногда разделяют повседневную заботу о детях, из их сыновей и дочерей вырастут «надежные» мужчины и «верные» женщины.

Джон. Ну, а матери?..

Робин. То же самое. Если они «утвердились» в своей женственности, принимают «в круг» дочерей, но также счастливы от присутствия мужского «начала» в семье — мужа и сыновей,— они помогут детям правильно «взяться» за свою роль.

Джон. Похоже, что отцовское «присутствие» на сцене жизненно важно время от времени; ему, в отличие от матери, незачем постоянно оставаться на сцене.

Робин. Да, похоже, что так. Важно не сколько он остается на сцене, а что делает в свой «выход». Но по многим свидетельствам, отсутствие отца в ранние годы оборачивается осложнениями в сексуальном развитии детей, особенно мальчиков.

Джон. Потому что если у девочек есть, по крайней мере, образец, которому им положено следовать, хотя и нет для сравнения противоположного примера, у сыновей вообще не будет образца... а только пример неполагающейся им роли?

Робин. Верно, впрочем, дело не только в этом, а еще и в том, что развитие мужчины превосходит по сложности развитие женщины. Мальчику предназначено нечто «сверх» того, что определено для девочки.

Джон. Подобно тому, как изначально необходима игрек-хромосома, чтобы развитие «новенького» пошло в мужскую сторону?

Робин. Да, тут психологическое подобие биологического «поворота». Вот Вам наглядное разъяснение происходящего с ребенком в год и три. Поскольку дети и мужского, и женского пола начинают жить в материнском организме и только мать может кормить их грудью, дети обоего пола сначала обычно привязаны к матери, и поэтому я помещаю их по одну сторону воображаемой реки. Отец — он на другом берегу — сначала для детей «фигура на расстоянии». Он, так сказать, спонсор, поддерживающий предприятие. Значит на этом

этапе мать оказывает на детей большее влияние, и дети обоего пола принимают ее за образец.

Джон. Если ситуация не изменится, мальчик не узнает необходимого ему мужского примера для подражания?

Робин. Верно. Значит, чтобы психологически развиться в мужчину, он должен перейти мост и присоединиться к отцу.

Джон. А девочка остается там же, где и была,— с матерью?

Робин. Да. Конечно, она всегда может поиграть на мосту, пройти какую-то часть моста, а то и «далеко зайти», если озорная девчонка. Но все ждут, что она вернется на свой берег, и ее первая сильная привязанность к матери будет способствовать этому.

Джон. Значит, перейти мост — та самая сверхзадача, предназначенная мальчику?

Робин. Да. Задача в том, чтобы одолеть сильнейшее материнское «притяжение».

Джон. И что же помогает ему освободиться от привязанности к матери, перейти реку?

Робин. Два момента. Первый — настроенность матери оборвать со своей стороны эмоциональную «пуповину», соединяющую их, облегчить ему отдаление, иначе ему будет трудно освободиться от первичного «тяготения». И второй момент — любовь отца, желание принять его в мужскую компанию.

Джон. Если он получает помощь с обеих сторон, сколько времени уйдет у него, чтобы преодолеть мост?

Робин. Он должен преодолеть мост примерно к двум с половиной. Фактически трудно обратить движение вспять после полутора лет. Но оба «новичка» по берегам реки осматриваются вокруг, изучают отведенное им место еще несколько лет.

Джон. Значит, примерно в три с половиной мальчик уже на отцовском берегу, то есть он доволен и горд оказаться мужчиной.

Робин. Он оборачивается к мамочке и начинает «заигрывать» с ней, точно так же, как девочка через реку принимается «заигрывать» с папой.

Примерно до пяти лет у детей длится период романтической любви к родителям противоположного пола, о чем я упоминал.

Джон. Эдипов комплекс.

Робин. Да, но надо добавить сюда ревность к родителям одного с ними пола, а также страх, что этот «третий» отыграется на малолетнем нарушителе супружеского спокойствия.

Джон. Хорошо, пока сын идет к нему по мосту, как отец поможет развиться дочери?

Робин. Девочка тоже должна встать отдельно от матери. И отец, делающий свое отцовское дело (мы говорили, он указывает «границы», оставляет за собой твердость, побуждает к исследованию мира и, конечно же, «возвращает» себе жену), помогает девочке стать независимее. И хотя девочка на одном берегу с матерью, она отдаляется — именно потому, что должна найти себя.

Мужское «я»

Робин. Эта метафора с рекой и мостом поможет нам разобраться еще кое в каких головоломках «мужского» и «женского» поведения. Мужчины стесняются обнаружить потребность в женской поддержке и заботе обычно больше, чем женщины — попросить мужчин о поддержке.

Джон. Мужчины боятся, что их перетянут на «тот берег»?

Робин. Именно. Они связывают эту потребность с ребячеством, место которому на материнском берегу реки. Некоторые мужчины опасаются, что, разреши они за собой «присмотреть», у них не хватит сил преодолеть мост и выбраться на мужскую сторону.

Джон. Ласка обратит их в вечных младенцев?

Робин. Да, или в женское подобие. Поэтому они испытывают огромный страх перед властью, которую, как чувствуют, имеют над ними женщины, и этот страх соразмерен глубоко спрятанной потребности в ласке. Часто кончается тем, что они принимают позу «настоящего мужчины», презирающего и чернящего женщин... с тем, чтобы эмоционально удержаться от них на расстоянии.

Джон. А то вдруг ненароком обнаружат свою нужду — ведь окажутся в материнском плену навсегда!

Робин. Да, и эта внутренняя слабость мужчины еще усугубляется тем, что по традиции он видится охотником, добытчиком, на котором лежит забота обо всех.

Джон. Подождите, но «под стрессом» любому мужчине требуется особый уход. Почему одних он пугает, а других — нет?

Робин. Все зависит от того, способен или не способен мужчина допустить, что иногда хочет, чтобы его поддержали, даже понянчились с ним. Если способен, он будет знать меру: он уступит желанию, чтобы взять его под контроль, и тогда оно, появляясь, уже не тревожит. Он также узнает, что когда потребность удовлетворена, «аппетит» пропадает, и он может спокойно вернуться «в мужчины». Поэтому он не боится своей нужды в женской заботе, нуждаясь, не опасается за свою мужскую «устойчивость».

Джон. Признавая нужду, крепче стоит «на своем» как мужчина?

Робин. И сохраняя крепость, всегда признает нужду.

Джон. Но если не способен допустить нужду, если отрицает ее...

Робин. Он прячет свое желание, а значит, утратит связь сам с собой. Он никогда не переживет желаемого, однако он во власти желания, которое тем больше, чем меньше утолено. И он охвачен ужасом, ведь если оно одолеет, если он поддастся... конец зрелому человеку!

Джон. Опять «Уловка-22». Он не признает нужду от страха, что не сможет подчинить ее себе, но ему не обрести уверенности, что подчинит, пока он ее не признает. Значит, его мужское «я» неустойчиво?

Робин. Даже если он не из «настоящих мужчин», он будет держаться от женщин на расстоянии. Женщины представляют угрозу — могут разглядеть его скрытую нужду.

Джон. Ну, а через мост... Если женщина нуждается в поддержке, в заботе, особых сложностей у нее не возникнет, ведь такая потребность уместна по ее сторону реки.

Робин. Запрет, останавливающий «воителя», для нее не существует, она попросит поддержку в нужде. Ей легче принять ситуацию как естественную, поэтому ей легче и сохранить свое женское естество. Фактически, когда я наблюдаю за мужчинами и женщинами у себя в кабинете — а пришедшие на консультацию к психотерапевту обнажают душу,— я

постоянно поражаюсь: насколько же женщины сильнее мужчин. Внешне многим из них, кажется, недостает уверенности, свойственной мужчинам, но по существу они куда тверже их стоят на ногах.

Джон. Меня часто спрашивали, почему наш Монти Пифон редко выставлял на посмешище женщин, а у меня ответ был один: о женщинах я знаю мало, но из того, что знаю, вижу — они совсем не так глупы, как мужчины.

Робин. Именно! Они не держатся слепо за правила, не живут в мечтах об успехе, положении, власти, как мужчины, их все это меньше волнует. И поскольку ко всем этим вещам относятся с меньшей серьезностью, они не такие хрупкие, их «я» не такое ранимое. Поэтому, между прочим,— раз они ближе к реальности,— куда легче поддаются лечению.

Джон. А феминистки? Некоторые «заразились» мужским стремлением к власти и потребностью в успехе — так ведь?

Робин. Да. Активные феминистки, которые присваивают традиционно мужскую роль, уступают, по существу, другим женщинам в стойкости, во всяком случае, мне встречались только такие.

Джон. Так, мы вдруг заговорили об успехе, положении, власти. Не потому ли, что всем этим в действительности пробуют компенсировать недостаток подлинной веры в себя?

Робин. Да. Присмотревшись внимательнее, Вы поймете: показная значительность нужна мужчине, чтобы отгородиться (и пустить ложным следом окружающих) от сидящего в нем страха, что он «не соответствует» своей мужской роли.

Джон. Возможно, поэтому начальственное позерство так смешно — мы догадываемся об уязвимости за «фасадом».

Робин. К этой мужской уязвимости, что интересно, женщины относятся снисходительно, бережно. Они — часто в ущерб себе — обойдут опасную ситуацию, чтобы мужчине не пришлось признать свою слабость.

Джон. А о какой конкретно слабости речь? О том, что ему трудно признать свою естественную по временам нужду в заботе?

Робин. Да, если в его собственных глазах эта нужда — свидетельство несоответствия» мужской роли. И он прячет ее за мощным фасадом, который женщина ни за что не решится рушить. Я хорошо знаю, как обстоит дело, благодаря коллегам-женщинам. Консультируя супружеские пары, семьи, они часто позволяют мужу «выйти сухим из воды», а потом жалуются, до чего он их разозлил. «Надо было осадить,— отвечаю я в таких случаях,— ему бы пошло на пользу». «Нет,— говорит обычно женщина-психотерапевт,— я не могу, это все равно что оскопить его».

Джон. Хотя на самом деле он нуждается в том, чтобы ему указали на его слабость, которая идет от боязни, что хочет женской заботы? Иначе он не одолеет эту слабость — да?

Робин. Да.

Джон. А женщины — опытные врачи?

Робин. Именно. Профессией «назначенные» помогать людям, вынуждая их признавать факты, женщины-психотерапевты вначале не решаются подвергнуть этой «операции» мужчин. У женщин стремление обойти прямоту будто врожденного свойства. Даже успехи женского движения, кажется, не освободили большинство женщин от внутреннего запрета подвергать сомнению мужскую способность удержаться на «том берегу». Поразительно, но эта женская потребность — «обтекая», оберегать мужское «я» — наверное, один из самых «глубинных» инстинктов.

Разные-всякие

Джон. Вы говорили, что женщина, которая переходит мост, попадает в беду. А зачем ей вообще ступать на мост?

Робин. Если мать у дочери холодная, мало дает, а отец дает больше, она может пройти часть моста или даже добраться до чужого берега. Последнее кончится для нее транссексуализмом.

Джон. А это значит...

Робин. Это значит, она ощущает себя мужчиной. Психологически она уже превратилась в мужчину. Хочет вести мужскую «линию», хочет, чтобы ее принимали за мужчину, поэтому может решиться на последний шаг ─ изменение пола.

Джон. Кто попадает в ловушку транссексуализма с мужской стороны?

Робин. Мальчики, застрявшие на материнской стороне, подогнавшие себя «под маму» и принимающие себя за настоящих женщин.

Джон. А почему они не попробовали ступить на мост, чтобы двинуться в отцовскую сторону?

Робин. Обычно мать такого мальчика, позаботившись о блаженном младенчестве сына, не позаботилась вовремя помочь ему отделиться ─ противилась расставанию.

Джон. И отец не смог убедить перебраться на его сторону?

Робин. Не смог, чаще всего он просто «ноль»... Поэтому для таких мальчиков, если им не помогли одолеть мост к двум с половиной, когда закрепляется осознание половой принадлежности, «поворот» в мужскую сторону становится все менее возможным. Даже лечение не дает результатов. Им «не интересна» мужская психология, они тоже решаются на операцию по изменению пола.

Джон. Так. Ну, а те, которые на мосту? Которые отправились на противоположный берег, но не добрались. Они ─ гомосексуалисты?

Робин. Да. Гомосексуалисты ─ это те, кто «растянулся» по всему мосту...

Джон. Значит, матери дали им отойти на какое-то расстояние?

Робин. Ну, как правило, у гомосексуалистов-мужчин матери ─ собственницы по натуре.

Джон. Но в меньшей степени собственницы, чем матери транссексуалов?

Робин. Во всяком случае, здесь меньше уподобления в паре «мать ─ ребенок». Кроме того, у меня сложилось впечатление, что сыновьям при таких матерях все же не довелось изведать райского блаженства. Значит, меньше причин оставаться на материнском берегу.

Джон. Что делает отец в этой семье?

Робин. Обычно о таком говорят, что от него «мало толку», он не способен оказать нужного воздействия на сына и «перетянуть» на свою сторону. Если он не «пропал», он живет в семье дальним родственником, отцом-недоучкой. Или он человек грубый, не способный любить. Но как бы то ни было, гомосексуалисты-мужчины ушли достаточно далеко по мосту и причисляют себя к мужскому полу. Ушли, очевидно, страшась матери.

Джон. Почему?

Робин. Все потому же: мужчина боится сил материнского «притяжения», боится остаться на материнском берегу навсегда. У гомосексуалиста боязнь этого «притяжения» еще сильнее, ведь он не добрался до отцовского берега. Но раз он «не подружился» с отцом, больше материнских «пут» его ужасает мужская ревность отца к сыну-сопернику.

Джон. Значит, если гомосексуалист не добрался до отцовского берега, он никогда не обернется к матери, не будет «заигрывать» с ней, «не переболеет» Эдиповым комплексом?

Робин. Нет. Он останется на мосту, стремясь к отцу... К отцу, какого хотел бы иметь, в каком нуждался, но какого так и не обрел. Поэтому его будет тянуть к мужчинам, он, «не обернувшись» к матери, не испытав к ней влечения, «упустит» женщину из жизни.

Джон. Вы думаете, что гомосексуалист, по существу, так и ищет любящего отца, от которого получит недостающее?

Робин. В этом главное, хотя, конечно, все сложнее. По многим причинам. Но я вижу в гомосексуалисте человека, не узнавшего нормальных гомосексуальных — что значит распространяющихся на свой пол — теплом и любовью проникнутых отношений с отцом.

Джон. Гомосексуальные отношения... с отцом?

Робин. Я не имею в виду манипуляцию с гениталиями. Но я все же говорю о физическом касании, точнее, о грубоватой шумной возне, наподобие той, какую затевают футболисты, когда кто-то из команды забьет решающий гол.

Джон. Да и вообще не промажет... Значит, тот, кому от отца вдоволь досталось крепких — с любовью «отобранных» — тычков, тот перейдет мост?

Робин. И, между прочим, позаимствует силу и твердость у отца, подчинившись отцовской твердой руке,— мы уже говорили об этом. Он будет чувствовать в себе запас прочности, позволяющий принять ответственность за семью. Мужчине-гомосексуалисту чаще всего не удалось взять препятствие под названием «власть», и всю жизнь он гонится за случаем пережить непережитое, впрочем, ищет символ отцовской власти и силы — пенис мужчины,— а не реальные вещи: твердость, ответственность.

Джон. Вот это мысль! Значит, Вы думаете, мужчинам-гомосексуалистам по нраву чужой пенис, потому что символизирует нечто, чего им недостает?

Робин. Да. Пенис означает отцовскую любовь и сердечность, его заботливую власть и хранящую силу и дальше — чувство, что эта твердая сила воспринята, «присвоена». Откуда желание гомосексуалиста множить опыт с чужим пенисом. Но пенис всего лишь пенис — «главными вещами» гомосексуалист не владеет, он неудовлетворен, ненасытен, переходит от партнера к партнеру.

Разумеется, я говорю о мужчинах, которые добрались до середины моста, удовольствовались этим и отказались от попыток достичь берега. Те же, кто ближе к отцовскому берегу, могут открыть для себя, что отношения с мужчиной, если они глубоко задевают чувства, дают что-то «недоданное» отцом. И вот такие способны перейти мост, включиться в «мужскую команду». Подобная глубокая привязанность к другому мужчине иногда не обходится без физической близости, которая, впрочем, очень часто и не нужна — нужна отеческая сердечность.

Джон. Так, если мужчины и женщины гомосексуального склада растянулись по всему мосту — кто застрял ближе к мужской стороне, кто к женской,— они же могут найти пару среди «своих», приняв, соответственно, мужскую и женскую роли, и благодаря какой-то «несхожести» дополнять друг друга, как это обычно у правильно сориентированной пары?

Робин. Я думаю, Вы правы — могут. Но все же давайте не будем перегружать наш воображаемый мост суетливой толпой. Это все-таки метафора поисков себя, а не партнера.

Джон. Хорошо, но мы практически не говорили о женщинах гомосексуального склада.

Робин. Знаете, специальной психологической литературы о женском гомосексуализме мало, если сравнивать с тем, что написано о гомосексуалистах-мужчинах. Похоже, будто гомосексуальные отношения у женщин рассматриваются как более естественные, не требующие «расследования».

Джон. А что пишут по этому вопросу авторы феминистского толка?

Робин. Они впереди психотерапевтов и считают такие отношения едва ли не нормой. Мой профессиональный опыт убеждает меня, что действительно женский гомосексуализм отличается от распространенного у мужчин: тут подлиннее, что ли, поддержка, любовь. Эти женщины порой и не обращаются за помощью к специалистам. Для многих женщин гомосексуальные отношения, кажется, просто ступень развития.

Джон. Но, подобно мужчинам гомосексуального склада, эти женщины ведь тоже пропустили эпизод «заигрывания» с противоположным полом в семье, они по-прежнему обращены лицом к матери.

Робин. Да, в их случае действует тот же принцип: обычно они ищут — поскольку были лишены — проникнутой любовью физической близости с матерью.

Джон. Так, подводим итог, не выпуская из виду воображаемый мост. На материнском берегу, но чуть поодаль от матери — женственные девочки, на отцовском берегу — мужественные мальчики. Транссексуалы с мужской стороны не покидали материнский берег, с женской стороны — пересекли мост и добрались до отцовского берега. Гомосексуалисты растянулись по всему мосту. Хочу задать Вам последний вопрос. Кажется, сегодня общепризнанным стало мнение, что психологической конституцией, на 100% гетеросексуальной, могут похвалиться очень немногие. Не будет ли правильнее поместить большинство из нас на мост, иными словами, допустить, что большинство имеет некоторую, возможно, слабо выраженную склонность к гомосексуализму?

Робин. Вот тут метафора немного подводит. Но чтобы она все-таки еще послужила, давайте скажем, что в определенных обстоятельствах мы можем вернуться на более раннюю ступень развития, хотя предпочитаем придерживаться в своем поведении более зрелой. Например, нередко мужчины, надолго изолированные от женщин,— находясь в тюрьме, в море, в закрытом учебном заведении,— вступают в половую связь с мужчинами же, поскольку выбора нет, хотя это мужчины гетеросексуальных «привычек». Но Вы правы, у нормального человека должно быть место всем и всяким чувствам.

Джон. Но он не склонен поддаваться всяким...

Робин. Да. Или он не осознает их, потому что спрятал за «ширму».

Сексуальная политика

Джон. Так, я вижу в Вашем мосту, на всех его участках и на обоих берегах мужчин — по физическим признакам — и женщин. Местоположение индивидов указывает на психологически понимаемую их половую принадлежность. Но в чем психологическое различие между мужчиной и женщиной?

Робин. На этот вопрос чрезвычайно трудно ответить. Вы, разумеется, знаете, что между мужчинами и женщинами — существенная разница, но как только захотите точно — «с линейкой» — определить, где кончается «женственность» и начинается «мужественность», отличие не уловить. Во всяком случае, «замеры» возможны только в отношении «среднего» мужчины и «средней» женщины.

Джон. Конкретная женщина может интересоваться астрофизикой и пускаться в кругосветные плавания чаще другого конкретного мужчины.

Робин. Частичное наложение психологических «дорожек» не исключение — правило, в чем многие не отдают себе отчета. Фактически, психологических отличий у индивидов одного пола набирается больше, чем отличий, определяющих разницу между «средним» мужчиной и «средней» женщиной.

Джон. Значит, какие-то отличия все же установлены?

Робин. Да, хотя слабо доказаны.

Джон. Подождите. Мы говорим о врожденных отличиях или о, так сказать, приобретенных?

Робин. Опять же, чрезвычайно сложно определить, врожденной является некая особенность или объясняется особым, разным в каждом случае воспитанием, которое получают мальчики и девочки. Совершенно очевидно, что если в школе мальчики узнают сведения из области науки и техники, а девочки учатся шить и готовить, мальчики с азартом возьмутся и починят мотоцикл, а у девочек лучше выйдет пирог, они аккуратнее пришьют пуговицы. Разные ожидания и разное воздействие, которые «разводят» мальчиков и девочек в противоположные стороны, столь мощно «включаются» с момента рождения, обнаружившего физическую половую принадлежность ребенка, что трудно доискаться ответа на вопрос о сути врожденных особенностей, отличий.

Джон. Но какие-то найдены?

Робин. Да, однако не забывайте, это только «усредненные» данные. Некоторые отличия врожденного свойства описывает Коринна Хатт, вызывающий у меня доверие наш, британский специалист по этому вопросу. Она упоминает, например, превосходящий у мальчиков уровень энергетического «обмена» — то есть потребления и расхода энергии — и наряду с большей их активностью также большие возможности при решении задач конкретного характера — так сказать, в пределах видимости и осязаемости. Девочки же отличаются превосходящей скоростью в развитии — физическом, умственном, им быстрее даются навыки общения в группе, они быстрее и искуснее овладевают речью. Мужчины, к тому же, агрессивнее женщин. Предпринятый двумя американскими исследователями Маккоби и Джаклин тщательнейший обзор существующей по этому вопросу литературы убеждает в справедливости таких выводов, впрочем, подводит к уточнению: даже различие в способностях к визуально-пространственному и речевому «охвату» предмета, по-видимому, возрастает там, где женщина занимает подчиненное положение, и сглаживается там, где обоим полам гарантирована независимость. Как видите, есть сомнение, что это различие врожденного свойства.

Джон. А что известно о разнице в агрессивном потенциале?

Робин. Эта разница четко установлена и общеизвестна. Она явно связана с физиологией. Например, повышенное содержание мужского полового гормона в организме толкает мальчиков к подвижным, «далеко заходящим» играм, к воинственности, в то время как повышенное содержание женского полового гормона — а у обоих полов в наличии гормоны обоих типов: и мужские, и женские — делает мальчиков податливее, спокойнее, лишает

неуемной живости и напора. Но даже здесь нельзя игнорировать обратную связь: этологии сообщают, что у самцов некоторых видов животных содержание мужского полового гормона «подскакивает», если рядом доступная самка, и падает, если в стычке с другим самцом он оказался побежденным или чем-то подавлен.

Джон. Вы хотите сказать, что раз оба пола имеют оба типа гормонов и гормональный баланс зависит от происходящего в окружающей среде, то мы возвращаемся на круги своя?

Робин. Но путь не так прост, как кажется...

Джон. Хорошо, врожденное это свойство или нет, мужчины все же, в целом, агрессивнее женщин ─ верно? Поэтому стремятся господствовать, им нужно больше власти, чтобы больше присвоить.

Робин. Да, поэтому не удивительно, что одна из главных забот женского движения ─ обретение женщинами большей уверенности. Но опять же не забывайте, мы говорим о различии между «средними» представителями полов. Женщина, с избытком наделенная агрессивностью, намного агрессивнее обделенного агрессивностью мужчины... С этим вопросом можно долго биться и крайне мало добиться. Я занимался им какое-то время и заметил, что в любом источнике аргументациия «кусает себя за хвост»: мужчины потому мужчины, что делают положенное мужчинам, а положено мужчинам, разумеется, именно то, что делают мужчины.

Джон. И не делают женщины...

Робин. А также наоборот... Иногда кажется, вот он, ответ, но схватить все равно не успеете ─ скрылся.

Джон. И Вы в глубоком невежестве, будучи чрезвычайно осведомленным специалистом. Не расстраивайтесь, экономисты еще как живут, смирившись с таким же вот неудобным положением.

Робин. Беда в том, что нам необходим ответ, ведь мы в самом «цейтноте» строящихся по-новому отношений между мужчиной и женщиной. Модель «Я ─ Тарзан, ты ─ Джейн» уже не устраивает большинство в нашем обществе, но мы пока не остановились на лучшей ─ пригодной для обоих партнеров... и для детей. Обе стороны, как мне кажется, стремятся занять жесткую позицию из-за боязни, что иначе противная сторона получит преимущество. Обе предвзяты в суждениях, ссылаются на не вызывающие доверия факты.

Джон. «Подгоняют» факты к своей точке зрения?

Робин. Да, хотя, я думаю, чаще всего ненамеренно, без умысла. Просто люди видят то, что хотят видеть, что отвечает их убеждениям и предрассудкам. Тут, в сфере отличий, обусловленных полом, как и в случае с тяжелыми расстройствами психики, наподобие аутизма и шизофрении, люди обнаруживают избирательную «слепоту» и принимают желаемое за действительное. Одни видят существенное различие между мужчинами и женщинами, другие не видят никакого. Об этом надо помнить и обращаясь к тщательнейшим, как кажется, исследованиям вопроса, покольку позиция автора определяет, что он будет «замерять» и как, а в конечном итоге ─ выводы, интерпретацию полученных данных. Поэтому, оценивая мнения и выводы «экспертов», прежде всего оцените, насколько открыта и непредвзята их точка зрения, а для этого познакомьтесь с их публикациями, поищите следы эмоционального «суждения» о предмете. Даже если факты с виду «упрямы», за ними может скрываться спорная позиция.

Джон. Вы считаете, что, как сказал бы ученый, «доказательства по вопросу о причинах различия полов в психологическом плане сегодня особенно сомнительного качества»?

Робин. Как обычно в науке, если открытия имеют важное для общества значение,— тут примешивается политика. Но в одном я сегодня абсолютно уверен: и традиционная «незыблемая» позиция, и крутая феминистская одинаково ошибочны, ответ надо искать где-то посередине, однако на поиски уйдет время.

Джон. Но Вы ежедневно сталкиваетесь с супружескими парами, с семьями, пускай Вы не можете как ученый безукоризненно обосновать ответ — нутром Вы же чуете?

Робин. Моя единственная «догадка» близка к уже «запатентованной» — и нами обсуждавшейся — гаттмэновской. Я имею в виду родительское «чрезвычайное положение».

Джон. С рождением детей родители берутся за различные роли в срочном порядке.

Робин. Да, потребности детей — не что иное — толкают мужчин и женщин к разным ролям, вынуждают рассчитаться «на первый — второй». Ребенку, как мы выяснили, нужен кто-то, близкий по эмоциональной настроенности, чтобы с радостью лелеял его, без устали заботился, подолгу не отходя. Это «номер один» при ребенке. Кто бы ни «подключился» к ребенку — он в какой-то мере «отключается» от суровой реальности внешнего мира. Совершенно очевидно, что в примитивных условиях такое «отключение» — риск, если нет еще кого-то, кто бы сосредоточился на внешних делах и внешней угрозе, кто мог бы позаботиться о «номере один», чья прямая забота — ребенок. «Второй», в отличие от «первого», должен уметь воевать и добывать пищу, значит, ролью ему «назначены» физическая сила, агрессивность, предусмотрительность. Поскольку ребенка вынашивает и вскармливает грудью женщина, естественно, что она будет играть при нем «первую» роль, а мужчина — «вторую».

Джон. Значит, в прошлом мужчин и женщин с раннего возраста готовили к разным ролям, чтобы они могли «сыграться» с ходу, когда появлялись дети. Роли «отрабатывались», вошли в общественную привычку, крепнувшую век за веком. Хорошо, но ведь со всем этим более или менее согласятся и «освободительницы» из женского движения — разве нет?

Робин. Они действительно усматривают в отношении полов своего рода приспосабливание, считают, что в значительной степени мужчины и женщины приучены к разному поведению,— и тут они правы. Но они не хотят замечать очевидной цели, которой служит — по крайней мере, служило в прошлые времена — это приспосабливание. А цель — выживание и благополучие детей. В чем феминистки совершенно неправы, так это в выводах относительно преступного сговора мужчин. Мужчины обучаются своей роли, как и женщины своей,— в силу обстоятельств; система не давала сбоев потому, что оба пола обучены удерживать друг друга на «своем» месте.

Джон. Все как в системе под названием «семья», которая противится любой перемене, «затеянной» кем-то из членов семьи. Откуда и настоятельная необходимость лечить семью целиком — налаживать систему, а не выбирать одного, «за всех» виноватого; кто-то один отвечает за неполадки в системе в той же мере, что и остальные. Наверное, самым воинственным «освободительницам» надо бы хорошо запомнить Ваше заключение опытного врача: Вы не раз повторяли, что, обвинив кого-то одного, только помешаете выздоровлению семьи как системы!

Робин. А в системе, называемой «общество», до сих пор действовал свой отрегулированный механизм: мужчины удерживали женщин внизу — они так обучены. Женщины — они обучены так — удерживали мужчин наверху, чтобы мужчины могли удерживать их внизу. Круг. Не размыкаемый на «причину» и «следствие».

Джон. Понятно, почему большинство женщин, как Вы отметили раньше, внутренне испытывают сопротивление, если надо осадить мужчину.. И, знаете, меня радует, что теперь, научившись у Вас, я скажу: «Ищите систему!» — вместо известной французской фразы, когда нужно найти виноватого в такой, примерно, ситуации:

Женщина. Ты, мужское создание, мне не нравится твоя выходка.

Мужчина. А ты, женская твоя суть, что натворила?

Женщина. Но послушай, ты большой, сильный, могущественный, поэтому ты свободен: что захочешь, то и сделаешь. А я слабая, приниженная, затоптанная, я не выбираю. Делаю, что должна, на что толкнули. По этой причине и не несу ответственности.

Мужчина. Значит, я отвечаю за то, что делаю, а ты за то, что делаешь, не отвечаешь.

Женщина. Долго же до тебя доходило!

Робин. Ну, мужчины не лучше. Вспомните про мужа-подкаблучника, постоянно удерживающего жену в боевой готовности. Он расписывается в собственной беспомощности, он требует от нее снисхождения.

Джон. Вы правы. Значит, нам следует смотреть на общество как на систему и не вступать в отдающую паранойей конфронтацию двух полов, которые выискивают на противоположной стороне заговор. Но, возвращаясь к теории о «чрезвычайном положении» родителей... Если отличие мужчин от женщин обусловлено потребностью вырастить потомство, тогда, конечно, все проясняется, тогда понятно, почему девочки и мальчики во младенчестве такие похожие, почему, подрастая, расходятся каждый в свою сторону.

Робин. Даже обособляются в отдельные группы. Будто на учебных сборах в двух лагерях! Больше всего — это верно — мужчины и женщины разнятся, так что порою с трудом понимают друг друга, сделавшись молодыми родителями. Хотя еще совсем недавно, до появления первого ребенка, верили, что очень близки.

Джон. Но когда дети подрастают, покидают дом?.. Если верить Гаттмэну, различия должны сглаживаться.

Робин. Именно так и происходит. Под шестьдесят некоторые супруги даже меняются «дорожками».

Джон. Да ну?

Робин. Разве не замечали? На шестом, седьмом десятке женщины становятся активнее, общительнее, увереннее, честолюбивее, чем были прежде, а мужчины — мягче, утрачивают прежнюю суровость, обнаруживают в себе чувства и чувствительность, «открывают» природу, их тянет покопаться в саду. Сначала мужчины и женщины все больше похожи, затем — все больше несхожи, но теперь конфликт полов «вывернут наизнанку». Женщина могла всю жизнь жаловаться, что мужчина не разделяет ее чувств, эмоционально далек от нее. Когда же мужчина, наконец, готов «приблизиться» и «разделить», ей не до него с его чувствами, она торопится поймать мэра, она опаздывает на занятия в Открытом университете. А мужчине, прежде вечно недовольному домоседкой, теперь бы хотелось, чтобы она осталась с ним дома.

Джон. Странно, я замечал такое, но не вдумывался, возможно, отложил пока за «ширму», потому что наблюдение не соответствовало моему взгляду на вещи... Значит, теория Гаттмэна неплохо работает — верно?

Робин. Да, и должна прийтись по вкусу тем, кто в женском движении, потому что обнаруживает: поведение полов до крайности изменчиво, даже если каждый пол снабжен некой важной «программой» врожденного, биологического характера.

Джон. Подводим итог. Психологи до сих пор не ответили на вопрос, в чем отличие полов, не могут четко разграничить «мужское» и «женское» поведение.

Робин. Нет. Дефиниций нет.

Джон. Тогда скажите, как лучше вести себя друг с другом людям, живущим вместе, пока вы, психологи, не разберетесь с тем, что у вас в головах, и не дадите нам, наконец, ответ на этот насущный вопрос?

Робин. Хорошо, что Вы требуете практического совета. Людям ─ всем нам ─ лучше слушать, что подсказывает жизнь, и избавиться от предубеждений. Это, кажется, идеальный рецепт для счастливого супружества. Так мы на самом деле сможем увидеть друг друга. А значит, понять друг друга, помочь друг другу развиться в интересную, разностороннюю личность ─ уйти от стереотипов.

Эдипов комплекс

Джон. Где там наш «ходунок»... К трем годам, если все нормально, мальчик перешел по мосту реку и оказался на отцовском берегу, а девочка осталась на материнском. И если каждый держится берега, они, по Вашим словам, признали свою принадлежность к мужскому и женскому полу... Хотя никто и не может ясно растолковать, как быть мужчиной и как ─ женщиной.

Робин. По крайней мере, они усвоили, прежде всего благодаря родителям, как должны вести себя мальчики и как ─ девочки. А родители руководят, ведут и указывают, «куда» и «как» вести себя, во многом автоматически: по-разному одевая их, по-разному обращаясь, разговаривая, играя с ними, даря разные игрушки и так далее. Добавьте сюда еще биологические ─ что бы ни крылось за этим словом ─ отличия!

Джон. И они безошибочно чувствуют, к какой из двух команд принадлежат...

Робин. Чувство принадлежности крепнет в них не только благодаря своей команде, которая зовет: «Будь с нами, будь как мы!» Но и благодаря чужой, подчеркивающей, что она для «других».

Джон. Теперь, когда мальчики и девочки на разных берегах, они могут обернуться и разглядеть родителей противоположного пола ─ на «том» берегу.

Робин. Да. Настала пора «эдиповой» фазы, которая продолжается примерно до шести лет.

Джон. В мифе Эдип убивает папочку и женится на мамочке по неведению.

Робин. А узнав обо всем, от ужаса, измучившись чувством вины, ослепляет себя.

Джон. И эта ранняя комедия положений имеет отношение к нашему «семейному» делу, потому что Эдип полюбил свою мать?

Робин. Да. Потому что настала пора, и маленькие мальчики «заводят роман» с мамочками. Они не только нежно любят, они не хотят «делиться» мамочкой ни с кем, и часто показывают, что ревнуют к отцу.

Джон. Они бы не прочь отделаться от отцов по примеру Эдипа. А между маленькой девочкой и папой происходит похожее?

Робин. Да.

Джон. И первым разглядел, что творится, Фрейд?

Робин. Он был поражен тем, какое важное место отводили этой мелкой драме в своих историях все приходившие к нему родители, не меньше его удивляло всеобщего, казалось, характера стремление людей забыть этот эпизод, даже отрицать, что в их жизни случалось что-то подобное.

Джон. Вероятно, людей смущало, что их «школа чувств» могла включать переживания, сигналящие об инцестуозных наклонностях, поэтому, если они и не вычеркивали пройденную ступеньку, то хотели принизить ее значение.

Робин. Да, но нельзя недооценивать значение этой фазы в развитии ребенка. Он захвачен чувствами, он не только испытывает ревность, но временами пугается своей чудовищной ревности. И понимает, что затевает: украсть того из родителей, кто «чужой» по полу, у «своего». Не удивительно, что ребенок также испытывает чудовищный страх, ведь «свой» по полу будет ревновать не менее сильно.

Джон. «Комплекс кастрации» замешен на страхе ребенка, что «свой» по полу накажет его за кражу? Наказание под стать преступлению...

Робин. Фрейд, последователи Фрейда уделяли много внимания этому моменту, и действительно, страх родительской ревности и мести проявляется в такой форме. Но не сводится к одной-единственной форме, точнее, с другого края «меч» страха заточен еще острее: ребенок страшится утратить любовь и поддержку того из родителей, кто по полу «свой», для еще маленького ребенка это значило бы лишиться необходимого.

Джон. Ребенок оказывается в очень сложной ситуации, пробуя украсть одного из родителей, но боясь мести «обкраденного». Что требуется для разрешения его сложной проблемы?

Робин. К счастью, простое средство. Взаимное родительское расположение, когда на первом месте — супружеские отношения, и прежде всего, забота о сексуальном удовлетворении друг друга. Если это так, родители мягко, но решительно пресекут попытку ребенка вмешаться в их отношения. Дверь в спальню для него будет закрыта. И ребенок почувствует облегчение, ведь тогда он поймет, что ему не удастся украсть «чужое». Ребенок подозревает, что сумей он — и рухнет брак, а чувством защищенности он обязан прочному браку.

Джон. Ребенка вынудили «переболеть» ревностью, узнать, что он исключен.

Робин. Мучительное испытание, конечно, но — необходимое. Впрочем, муки ребенка умеряет родительская нежная забота, когда речь обо всем остальном. Еще раз подчеркну: ребенку необходимо испытать поражение, понять, что не завоюет «чужого», но «поразят» его заботливой и любящей рукой: «свой» из родителей, вопреки страху ребенка, не предастся ревности, наоборот, будет любить, поддерживать его, как и прежде.

Джон. Значит, главное, что должен ребенок усвоить: родительский союз прочен, и родители друг у друга на первом месте.

Робин. Совершенно верно. А лучший способ для родителей внушить это детям — вести себя при них естественно, не скрывать от детей свою привязанность друг к другу. Если родители «справляются» и с главным делом, тогда надо отвечать на романтические чувства детей, чтобы помочь детям обрести уверенность в их сексуальных возможностях, реализовать которые пора настанет.

Джон. Итак, примерно в шесть ребенок, к своему огромному облегчению, узнает, что его битва проиграна!

Робин. А тогда он решит: пускай нельзя «их» разбить, к «ним» можно присоединиться. Мальчик, которому «нельзя» жениться на мамочке, может, по крайней мере, надеяться, что и ему «достанется» мамочкиного восхищения, если он идентифицируется и обретет сходство с отцом. Девочка, подражая матери, может рассчитывать, что привлечет внимание такого же неотразимого мужчины, как папа. И это путь к взрослению, мощный стимул лучше учиться в школе, успешнее находить место в разных группах: на спортивной площадке, в клубе — везде. Иными словами, ребенок способен шагнуть на следующую ступеньку развития.

Джон. Так. Но если ребенок не успокоился от сознания нерушимой крепости брака, то по одной из двух причин. Или крепости в помине нет, или о том, что есть, родители не довели до его сведения... чтобы запомнил.

Робин. Да, и последний родительский промах серьезнее, чем кажется на первый взгляд. У родителей, слишком потворствующих ребенку, у тех, что и мысли не допускают, чтобы ребенок почувствовал себя обделенным, исключенным, которые ни за что не обнаружат недовольства маленьким смутьяном, у таких ребенок в «эдиповой» фазе часто «обзаводится» всевозможными страхами.

Джон. А как они проявляются?

Робин. Обычно в замаскированной форме. Но символика игр, привычных ребенку, а также его фобий, ночных кошмаров сводится к ужасному для ребенка конфликту между любовью и ревностью.

Джон. Значит, если родители боятся исключить ребенка, кончится тем, что ребенок будет неимоверно бояться, будто способен разрушить счастливый союз.

Робин. Если родители чувствуют, что не могут «выразительно» закрыть перед ним дверь в спальню, то есть утаивают от ребенка сексуальную сторону своих отношений, брак может быть прочным, но ребенок подумает, что это не так, и вообразит (о, ужас!), что победил!

Джон. Ясно. Но, предположим, брак непрочен.

Робин. Тогда их всех подстерегает другая опасность: родители будут добиваться любви ребенка, соперничая друг с другом.

Джон. И слишком горячо ответят на его романтические чувства?

Робин. Да. Ребенок будет до крайности растревожен, он будет убежден, что разрушил брак. Он вообразит себя победителем, хотя в действительности совсем не на нем вина за осложнения в супружеских отношениях.

Джон. И что же произойдет с ребенком, который измучился от своей победы?

Робин. Мысль о том, что он разрушил родительский союз — основу собственного благополучия — настолько ужасает, что он будет страшиться пробуждающегося полового влечения, видя в нем причину всех бед в семье. И он может, так сказать, оборвать провода, чтобы больше «не слышать» тревожных звонков: заглушит зов пола, что обернется потом фригидностью или импотенцией... Причем эта мнимая победа поведет не только к половому бессилию, но и к психической «импотенции», к патологической боязни успеха.

Джон. Не в одних любовных битвах?

Робин. Нет. Будет страшить все принимаемое человеком за успех, все, в чем, как он или она думает, видят успех другие люди.

Джон. «Успешно» расстроив родительский брак, он — или она — будет бояться, что любой успех повлечет за собой катастрофу.

Робин. Именно. Можно сказать, что родители «не исключили» их полностью из своих супружеских отношений, и поэтому они зациклились на этой «эдиповой» фазе, то есть будут снова и снова «попадать» в ту же самую ситуацию неразрешимого любовного треугольника.

Джон. Будут соперничать с кем-то одного с ними пола за обладание кем-то другого пола.

Робин. Откуда и мужчины, которых тянет только к замужним женщинам, которые рвут связь, когда заходит речь об узах прочнее...

Джон. Им требуется муж — чтобы оградил их от полноценных отношений?

Робин. Точно так же, как женщинам, постоянно увлекающимся женатыми мужчинами, требуется жена. Тогда у них есть гарантия, что не придется вступать в настоящие супружеские отношения, к каким они не подготовлены. И все потому, что детьми так и не одолели положенную ступеньку, потому что родители позволили им вмешаться в свой тесный союз.

Джон. Или позволили думать, что они вмешались.

Робин. Верно. Пускай даже родительский союз достаточно прочен, у детей будут те же, хотя и не с такой крайностью выраженные осложнения, если родители прячут сексуальную сторону своих отношений от детей, как мы уже говорили, или родителей самих смущает секс. В любом случае у детей сложится впечатление, что их допустили в супружеский союз, и кончится тем, что дети отчасти «обзаведутся» родительской проблемой.

Джон. Как минимум дети решат, что в сексе «ничего хорошего».

Робин. Да. Но на этой ступеньке ребенок, помимо прочего, как раз должен с радостью переживать романтическое, сексуально окрашенное чувство, захватившее его,— наука ступеньки. Ребенок должен привыкнуть к чувству, не тревожиться и знать, что для родительского брака оно неопасно. Но если оно тревожит родителей, ребенок может «отключиться» от секса. Тогда, повзрослев, полюбив, он, вероятно, «не восстановит связь». Отец, отвечающий на кокетство маленькой дочери, не забывая о «границах», делает девочку увереннее в ее сексуальных возможностях, то же самое относится к матери и сыновьям.

Джон. Флирт не опасен, ведь ясно, что «настоящим» сексом занимаются за дверью спальни. А насколько детям положено знать, что делают за этой дверью?

Робин. Подробности родительского «дела» детей не касаются. Но детям полезно знать, что родители действительно занимаются любовью — с радостью и ко взаимному удовольствию.

Джон. Тогда ребенок затвердит две вещи. Первое: секс — это хорошо. Второе: от мамы и папы «сексуальненького» не получить.

Робин. Да, секс для ребенка должен быть все равно что морковка для ослика — должен вести во взрослую жизнь, где найдется партнер, с которым можно, наконец, «вкусить» удовольствие.

Джон. А «пуризм» в сексуальном воспитании оборачивается изъятием морковки — значит, ослику не за чем тянуться вперед...

Робин. В случае же с инцестом — реальным или, в миллион раз чаще, в ситуации, когда кто-то из родителей предлагает ребенку большую эмоциональную близость, чем та, что предназначена партнеру,— морковка осликом съедена. Опять же, меньше причин двигаться вперед... расти.

Джон. Значит, и пуританство, и инцест задержат рост ребенка. Возможно, в обеих ситуациях у нас родители, которые сами не хотят взрослеть. Хотят, чтобы все остались как есть, всё осталось как есть.

Робин. Да. Я думаю, к этому, в действительности, и сводится инцест. Еще раз замечу, не о «технической» стороне речь. Речь о ситуации, когда у родителей не налажены сексуальные отношения, партнеры не удовлетворяют друг друга и переносят на детей свое сексуальное влечение, впрочем, принимающее крайне замаскированные — и не осознаваемые ими — формы.

Джон. О'кей. Значит, мягко, но решительно остановив ребенка, пробующего нарушить их союз, дав ему понять, что они счастливы вдвоем за дверью спальни, родители позволяют ребенку успешно преодолеть «эдипову» ступеньку к шести годам. И тогда он перешагивает на следующую — третью из четырех — ступень сексуального развития. Пришла «латентная» пора.

Латентность. Интерлюдия

Робин. Фрейд назвал эту ступеньку «латентной», подразумевая, что сексуальное влечение и интерес к сексу скрываются «в подполье». Но тщательное изучение поведения и разговоров детей в этом возрасте показывает: на самом деле их интерес остается очень большим.

Джон. Вы, кажется, говорили, что секс для них перестает быть главным вопросом и теперь занимает место в ряду других важных предметов.

Робин. Исчезает романтическое чувство к одному из родителей — «привлеченные» эмоции уже не так подчиняют себе детей, к тому же они заучили правила, они держат свой сексуальный интерес про себя, как и ждут от них родители. Но любопытство не утолено, они проводят эксперименты. Неопасные и, вероятно, очень полезные.

Джон. Что за эксперименты? И все поголовно экспериментируют?

Робин. Здесь большие расхождения, имеет значение, к какому социальному классу принадлежат их семьи, где проживают — в городе или в сельской местности, ну, и так далее. Например, исследование, проведенное в одном из пригородов на американском Среднем западе — в довольно консервативной по устоям среде — показывает, что больше половины мальчиков в одиннадцатилетнем возрасте занимаются мастурбацией и столько же играют в эротические игры вместе с девочками. Больше четверти участвовали в гомосексуальной игре, столько же пробовали вступить в половые сношения.

Джон. Гомосексуальная игра в этом возрасте вполне естественна?

Робин. Да, вполне естественна. Эротическая игра у детей одного пола примерно в двенадцать лет — очень частое явление. Хотя я бы не стал называть игру «гомосексуальной», потому что совсем не обязательно дети, повзрослев, сделаются гомосексуалистами, просто они «пробуют» на ком-то из «своих»... Набираются опыта для будущего общения с противоположным полом.

Джон. Что-то вроде проверки теории в полевых условиях...

Робин. Но, разумеется, их теория во многом ошибочна, особенно что касается полового акта. Мама и папа очень бы их выручили, если бы разъяснили, что к чему.

Джон. Наверное, акт оглашения необходимых подробностей с родительской стороны был бы ясным доказательством: родители признают, что секс — хорошее дело в подходящее время в подходящем месте...

Робин. Совершенно верно. Если родители «спихнут» на школу эту обязанность старших, дети вряд ли поймут правильно. Рано или поздно дети узнают, что нужно, но без родительского благословения секс может для них остаться «темным делом», как бы ни просвещали их посторонние.

Джон. Как долго продолжается латентный период?

Робин. Примерно до двенадцати лет.

Джон. И тогда вот она, юность.

Критический момент

Джон. Итак, мы на четвертой ступени, в поре юности. Вы описывали юность как этап, на котором практически заново разыгрывается «эдипов» эпизод, уже игравшийся между тремя и шестью годами.

Робин. Что касается родителей, то интерес к ним, кажется, пропал у шестилетнего ребенка; даже если ребенок продолжал оставаться чрезвычайно заинтересованным, он таил свои чувства от родителей. Но достигнув переходного возраста, с которого начинается юность, он уже не в состоянии держать свои чувства под спудом, чувства разрослись, обострились — под воздействием химических превращений, идущих теперь в его организме. И — прорвались.

Джон. Подросток начинает впервые испытывать настоящую сексуальную потребность.

Робин. Да. Непривычные и очень мощные, временами тревожащие чувства, которые ужасно смущают подростков. Естественное желание испробовать свою растущую силу, «поиграть» подростки обычно «удовлетворяют» вначале за счет родителей противоположного пола — им кажется, так безопаснее всего... если отношения с родителями вполне дружеские.

Джон. «Эдипова» забава? «Языком» флирта — с тем из родителей, кто другого пола, «языком» ревности — со «своим»?

Робин. Да, но разница в том, что теперь родители оказываются в нелегком положении. Где смешной мамочкин рыцарь в сияющих доспехах? Где папина Мэрилин Монро? Теперь это почти взрослые люди, от которых идет ток настоящей мощной сексуальной силы, а ее родители, возможно, «не излучали» на своих романтических влюбленных так давно...

Джон. Ребенок становится по-настоящему развитым в половом отношении и физически привлекательным.

Робин. Да, теперь родителей в жар бросает!

Джон. А должны постараться и отвечать, как раньше, то есть естественно, с радостью, хотя придерживаясь строгих «границ», чтобы «игра» не перешла в сексуальное «действо».

Робин. Именно. Но все время удерживать равновесие нелегко. Беда еще и в том, что подросток ужасно нервозен, то распаляется, то остывает, то заигрывает, то неожиданно завопит: «Отвяжитесь!» ─ будто перед ним не родители, а растлители малолетних!

Джон. Понятно, до чего ж с этими «малолетними» сложно. Если родители совсем не отвечают или, с испугу и от смущения, хватаются за британскую чопорность, дети могут решить, что их отвергли, и тогда откажутся от дальнейших попыток заигрывания, чтобы опять не получить отпор. А это значит, не научатся верить в свои сексуальные возможности. Но если родители чуть подыграют, подростки могут рвануться назад, перепугавшись происходящего. Пожара, возможного из-за их разгоревшегося естества...

Робин. И если подростки действительно бросают игру, сникают, смущаются, родители могут подумать, что в чем-то допустили промах, и тоже придут в замешательство, почувствуют неловкость. Подростки, конечно же, не до конца понимают, что происходит, какие сигналы они посылают.

Джон. Да-а, родителям очень трудно с ними...

Робин. Еще как трудно! Часто, бедные, думают, что все делают неправильно. Конечно, временами им удается удержать верный тон с детьми, весело поиграть, дразня и согревая друг друга, впрочем, не заходить слишком далеко. Но им необходимо признать, что временами они действительно будут попадать впросак... Думая о благе детей, необходимо признать это, успокоиться и не выходить из своей роли.

Джон. Не гасить свои естественные чувства только потому, что подростки «выключили ток».

Робин. Это чрезвычайно важно. Подросткам необходимо «испытать» свои сексуальные возможности, но они встревожатся, если поймут, что способны управлять сексуальными реакциями родителей... в обоих направлениях.

Джон. Слишком распалять или, наоборот, легко гасить.

Робин. Да. Такая ответственность подросткам не по плечу. Почувствовав, что в их власти управлять ответной реакцией родителей, они могут испугаться и полностью «выключить ток» ─ ради «безопасности». И приобретут привычку.

Джон. Вы мне напомнили одну историю. Несколько лет назад у меня была чудесная девушка, но у нас ничего не получалось в постели. Сначала все нормально, но вдруг она «выключается». Я винил себя: что-то я сделал... или не сделал чего-то. Но хоть убейте, я не мог додуматься, где ж это я оплошал. Мы так и не нашли выход из затруднения. Расстались. Потом, через какое-то время, я встретил ее, и она сказала, что посещала психотерапевта, что распутывала свой «клубок» и добралась до отношений с отцом в те годы, когда была подростком. С отцом, человеком очень прямым и «правильным», очень интеллигентным, они иногда затевали легкий флирт, и вдруг... вдруг он понимал, что его влечет к дочери, но ведь это инцест! Какая мерзость! Какой ужас! Он тут же «выключался», как раз, когда она начинала приходить в восторг. И тогда она почувствовала себя хуже некуда ─ будто такое натворила, такое... Ну, и научилась «технике безопасности», научилась «выключаться», опережая его. А в наших с ней отношениях все прокручивалось заново, достигнув определенного момента, она «выключалась» потому что подсознательно боялась, что я вот-вот «выйду из игры».

Робин. Замечательный пример того, какие последствия может иметь неудачный подростковый опыт. Как она сейчас ─ не знаете?

Джон. Не так давно говорила, что, разобравшись, стала потихоньку отучать себя от привычки «выключаться», но по-настоящему справилась с ней совсем не сразу, ведь рефлекс

пустил глубокие «корни». Знаете, Вы меня растревожили, я понял, что родители теперь идут по проволоке над пропастью... А у меня дочь двенадцати лет, ужас, какая хорошенькая... Помогите!

Робин. Не волнуйтесь. Она Вас поддержит, то есть научит понимать, что ей требуется. Она попробует на Вас свои чары, когда ей будет нужно, поупражняется, сколько будет нужно, и если удовлетворится или если Вы переступите черту, отвечая, она отодвинется, переждет... А потом с новыми силами на Вас... Расслабьтесь и наслаждайтесь, как говорится,— Вам не до выбора. Разгорятся у нее глаза на папу — не смущайтесь и не расстраивайтесь, когда она отвернется, «насытившись». Здесь опять речь об ориентирах: Вам не следует, защищаясь, как-то сдерживать свою естественную реакцию, лучше никуда «не двигаться», точнее, лучше двигаться своей дорогой. Тогда девочке легче использовать Вас как мишень для учебной стрельбы. Как бы то ни было, родителям куда проще справиться со всеми этими трудностями, если у них прочный тыл — хорошо налаженные супружеские отношения, о чем они и «заявят» подросткам в семье. Тогда родителям незачем переживать, пускай временами и закружится голова при виде потомства, которое делается таким привлекательным, в конце концов, от «чуточки» возбуждения всем только спокойнее: значит, дела идут нормально в семье.

Джон. Потому что все знают: «настоящий» секс надежно заперт в родительской спальне.

Робин. Верно. И не забывайте, молодые люди опасаются и не стремятся взять верх над тем из родителей, которого используют как мишень, просто потому, что они разумные эгоисты: не хотят навредить обоим родителям, разрушить брак. Если знают, что у родителей в спальне «порядок» (а это значит — порядок в доме), тогда ясно, что и на флирт время найдется.

Джон. Да, но разве в эту пору не начинаются некоторые осложнения в доме? Родители достигают среднего возраста, уже ощущают спад сексуальной активности, замечают, что сами — в отличие от детей — утрачивают сексуальную привлекательность. У меня была знакомая... и не она одна, многие мне говорили, что дома едва ли не глушили их сексуальное развитие — матери завидовали им, совсем не радовались тому, что они распускались и расцветали как женщины, наоборот, даже осуждали за сексуальную... «распущенность».

Робин. Опять замечу, вряд ли родители будут испытывать что-то, кроме мимолетной зависти к детям, если их сексуальные отношения по-прежнему действительно в порядке. Притом серьезной зависти не будет места, если они в свои молодые годы — до вступления в брак — приобрели достаточно большой сексуальный опыт. Правда, благодаря предыдущему поколению, завоевавшему для общества сексуальную свободу, нынешние дети с сексуальным вопросом разбираются куда проще, чем их родители, они предаются своим радостям, особенно не таясь. Родителям, конечно, труднее подавить в себе естественную зависть к забавам молодых. Ну, а если родительский брак сдает, то его будет лихорадить от того, что влюбленные дети висят на телефоне, что возвращаются домой за полночь, что три часа прощаются у порога.

Джон. И если родители чернеют от зависти, они вынудят детей, не желающих ухудшения домашнего микроклимата, совсем «выключить» сексуальное влечение.

Робин. Да. Поэтому очень важно, чтобы родители постарались «поймать» и отвести свой завистливый взгляд от детей, чтобы призадумались над мерой строгости вводимого домашнего «протокола»: в какое время детям со свидания быть, каких мальчиков, девочек приводить.

Джон. И, конечно, правила касаются не только секса. Как решают родители вопрос о «границах» для подростков в других областях?

«Границы» для подростков

Джон. По Вашим словам, «подростковая» ступень ─ во многом заново проигранная «ходунковая». На той родительская обязанность ─ твердо указывать «границы» детям. Ну, а как в отношении подростков?

Робин. Подросткам просто крайне необходима родительская последовательность и твердость. Они созрели для независимости нового качества ─ от родной семьи. Вместо папиной поддержки, без которой не освободиться от стесняющей привязанности к маме, теперь им нужна поддержка за пределами семьи (особенно помогут друзья), чтобы стать свободнее от обоих родителей. Они пробуют утвердиться как отдельная личность, обрести уверенное ─ новое ─ «лицо». Тут для них вполне естественно немножко побунтовать.

Джон. Значит, где это... то самое, против чего бунтовать? Им не двинуться вперед без прочной стены, от которой можно было бы оттолкнуться?

Робин. Как «ходункам». По тем же причинам.

Джон. К тому же родители оберегают их ─ ограждая, ограничивая стенами?

Робин. Именно. Не забывайте, подростки страшно сомневаются в себе, их поведение чудовищно переменчиво. Они самонадеянны, требуют свободы и независимости, рвутся из «цепей» родительской заботы и ─ хлоп! ─ пали духом, кто бы, беспомощных, ободрил. В каком-то смысле они минуту взрослые, минуту дети. Они еще плохо стоят на собственных ногах и нуждаются в твердом руководстве.

Джон. Родители, вроде бы, все это уже «проходили».

Робин. Их счастье, если «прошли». Если же не сумели с достаточной твердостью указать «границы» детям на «ходунковой» ступеньке, теперь им будет намного труднее сделать это... когда дети подросли и набрались сил. Но родителям никуда не деться ─ пускай на время жизнь и превратится в кошмар!

Джон. Хорошо, помимо домашнего «протокола», какими еще мерами родители воспитывают у детей независимость?

Робин. Поощряют интересы, занятия, не касающиеся дома. А в доме лучше всего предоставить детям пространство, где бы они «упражнялись» в свободе,─ например, их собственные спальни. Каждый подросток стремится к одностороннему провозглашению независимости, поэтому превращает свою спальню в ни на что не похожую территорию в доме. И отлично. Но на общей территории, которую подросток делит с родителями, братьями, сестрами, он должен придерживаться, по настоянию родителей, норм общественного поведения: в ванной, например, помня о других, не должен «наследить», должен помочь по хозяйству.

Джон. Однажды Вы замечательно сказали, подправив старое выражение[1]: «Фурия в аду ничто в сравнении с дочерью, не приневоленной мыть посуду».

---

[1] Фурия в аду ничто в сравнении с брошенной женщиной» ─ строка из трагедии «Невеста в трауре» (1697) английского драматурга Уильяма Конгрива (1670─-1729).

Робин. «...своим отцом». Вы забыли конец. На определенной стадии семейной психотерапии пассивному отцу, который «хочет только покоя», обычно достается от юных дочерей, они обливают его презрением и позорят. «Больше того,— выкрикивают они, добравшись до главного пункта обвинения,— ты ДАЖЕ не заставляешь нас мыть посуду!»

Джон. Значит, подростки на самом деле жаждут домашней «конституции». По крайней мере, будет из-за чего вести разговоры.

Робин. Против чего чуточку побунтовать... На этом этапе личность подростка не всегда четко обозначилась, ему пока трудно утвердить свою независимость в «утвердительной форме». Он познает себя в основном «от противного». Сначала, во всяком случае.

Джон. То есть он учится независимости, чаще не поступая так, как хотят родители, или поступая так, как родители не хотят, чем поступая, как сам хочет.

Робин. Сначала, во всяком случае. Возможно, ему еще не совсем ясно, чего он хочет, что он за личность. Самосознание еще не выработалось. Кроме того, «мускулатуру» не развить, расслабившись, избегая нагрузок,— верно? Надо преодолевать сопротивление — «поднимать тяжести», «брать препятствия». Так «накачиваются» сила воли, твердость характера, уверенность.

Джон. Значит, подросткам, чтобы стать независимее, нужно против чего-то биться... Наверное, поэтому все молодые революционеры вечно кричат про «важность борьбы». Борьба помогает им взрослеть.

Робин. Ра-а-аз-веселенько!.. И если родители признают борьбу как меру помощи детям, они будут стоять стеной, чтобы детям было обо что биться. Разумеется, родителям следует время от времени пересматривать свою «позицию», ведь дети растут, они все независимее — им нужно все больше пространства. Но не следует цепляться к мелочам, настаивать на немедленной решительной схватке, тревожиться, что они в чем-то неправы и стараться «исправиться». Соглашаясь с требованиями молодых, пробуя угодить детям, осчастливить их, родители не просто кончают комплексом «неполноценности» они на самом деле допускают ошибку в стратегии. Смысл боевых действий ведь к тому и сводится, чтобы подростку было что атаковать. А если родители раз за разом сдают «позицию», подросток вынужден вступить на путь отчаянных поисков такого... поведеньица, на какое, наконец, отреагируют. Конфликт будет обостряться, пока либо родители не перейдут к противостоянию, либо дети не сожгут дом дотла.

Джон. Ага, значит, надо отстраниться и посмотреть, что за поступком, а не затевать препирательство. Та, ну а что Вы скажете про «форму одежды»?

Робин. Одни родители предоставляют тут подросткам больше свободы, другие — меньше, но очень плохо, если подростки вообще не узнали от родителей о каких-то нормах. Нисколько не лучше, если родители требуют в точности следовать их примеру. Любопытно, что детям на пороге подросткового возраста как раз бывает страшно неловко за родителей, явившихся в школу на вручение наград, на спортивный праздник «разодетыми». Помню, моя дочь отругала меня за галстук в три полосочки вместо «скромненьких» двух. Но перейдя «в подростки», дети обожают шокировать взрослых диковинным видом... рискуя, что за него им «влетит».

Джон. Значит, чтобы помочь подросткам, родители должны твердо стоять на своем.

Робин. Да. Они для детей ориентиры, по которым дети «определяются» и определяют, что им в себе самих нравится, что нет, от чего — отказаться. Разумеется, чтобы отталкиваться от ориентиров, нужно прежде иметь их.

Джон. То есть родителям следует высказывать свое мнение и не беспокоиться из-за того, что дети могут не согласиться, точнее, настроиться на то, что дети наверняка будут постоянно не соглашаться... с «тиранами», с «фашистскими диктаторами».

Робин. Совершенно верно. Приняв такую роль и радуясь «своей» жизни, родители, возможно, вообще «обойдутся» без осложнений «переходного» этапа. Изучение среднестатистической семьи показало, что в 85 случаях из 100 подростки уважают и любят родителей, ладят с ними. Живое экспериментирование детей родители вообще не считают «проблемой».

Джон. Тогда не слишком ли Вы сгустили краски, повествуя о перипетиях «борьбы»?

Робин. Я думаю, все родители воспрянут духом, узнав, что какие-то столкновения неизбежны и вполне естественны, ведь для родителей всегда такой поворот — неожиданность. Большинство иногда сомневается, правильно ли они действуют, отстаивая свое. Даже те родители, которые подпали под влияние распространенных идей о терпимости, возможно, займут твердую позицию, уяснив, что конфликт просто необходим.

Джон. Вы прекрасно обосновали, почему, на Ваш взгляд, вредна терпимость в широком смысле слова — когда родители не ставят детям «границ». Но что касается секса, Вы за терпимость — так?

Робин. Что Вы имеете в виду?

Фантазии

Джон. У меня впечатление, что Вы за то, чтобы молодые люди разбивались на пары и часто меняли партнеров: наберутся опыта в отношении чувств, а захотят — то и сексуального опыта.

Робин. Да, я считаю, это полезно, при условии, что человека не заставляют идти против его религиозных или моральных убеждений.

Джон. Почему Вы считаете, что это полезно?

Робин. Прочнее будет основа, на которой потом построят свой брак.

Джон. Ваш вывод психиатра?

Робин. Да. Я постоянно сталкиваюсь с ситуацией, когда супруги среднего возраста, упустившие время в юные годы, почти не знавшие веселья с мальчиками, девочками, запутываются во внебрачных связях совершенно несерьезных, подходящих разве что подросткам. Или, еще хуже, не живут, а мечтают, насколько счастливее были бы с кем-то другим.

Джон. Чувствуют, что стареют, а не позабавились?

Робин. Просто жалеют, что не испытали «другой» любви, их влечет эта романтизированная «другая». Они так и не постигли реальность зрелого брака, поэтому цепляются за мысль, что лучше там, где их, увы, нет. Неважно, действительно они неверны или постоянно изменяют в мечтах, они только и делают, что сравнивают супруга — супругу — с прелестным выдуманным образом. Чему удивляться, если от подобных «усилий» брак не приближается к мечте.

Джон. Они ждут от брака невыполнимого?

Робин. Да, невозможного. Но они же не убедились в этом. В то время как узнавшие много привязанностей, люди с опытом, поняли, что совсем не легко достичь сексуальной

гармонии, что она в огромной мере зависит от того, насколько слаженны отношения вообще. Они убедились, что слаженность не дается без труда, поэтому свою энергию скорее пустят на нужды брака, а не будут растрачивать на мечты о других партнерах.

Джон. Почему Вы считаете, что фантазировать об измене хуже, чем изменять?

Робин. Потому что фантазии разрушают существующий брак, не давая фантазерам возможности прочувствовать «реальную сложность» внебрачных связей.

Джон. То есть фантазеры никогда не узнают, как трудно «разорваться» на две связи, как жизненны на самом деле французские комедии.

Робин. Больше того, им никогда не представится случай узнать, что проблемы с партнером по браку, вероятно, повторятся во внебрачных отношениях.

Джон. Но будь у них эти отношения ─ был бы опыт?

Робин. И, возможно, они бы решили, что брак, в конце концов, не так плох.

Джон. Но, предположим, их брак ─ настоящий кошмар?

Робин. Тогда грезы о счастье превратят кошмарную реальность в терпимую. Но вместо того, чтобы терпеть такой брак дальше, для обоих было бы разумнее расстаться, пока еще есть время, чтобы каждому построить лучший.

Джон. Какое облегчение, что Вы указали фантазиям на дверь, я всегда чувствовал, что от них только вред, они всегда зовут на ложный путь, когда решаем, как жить. Я ─ не об игривых фантазиях, которые развлекут и исчезнут, когда в них нет нужды, я ─ о фантазиях, порожденных нелепой идеей романтической любви. Любая «романтическая» выдумка ─ какую ни возьми ─ увела не одно поколение в сторону от счастья. Будто-то составил перечень особенностей депрессивного типа личности и снабдил пометкой «свято»: чудесна привязанность, добродетельна зависимость, низко эмоциональную поддержку черпать не из одного-единственного источника, «пир» чувств начинается с предвкушения потери, а потеря бодрит, в целом, страдание ─ порука тому, что жизнь представляет ценность. Но мой взгляд на вещи что-то не находит отклика. Люди гордятся приверженностью к романтизму. «Я, знаете ли, немного романтик»,─ говорят с этой страной улыбкой, которая должна указывать на их одухотворенность и моральное превосходство. И по-настоящему рассердятся на вас, если попросите объяснить, как же, «увеча» себя, можно достичь совершенства. Особенно увлекают романтические идеи женщин. Удивительно ─ при их большей по сравнению с мужчинами проницательности и решительности в отношениях с противоположным полом.

Робин. Я не думаю, что между мужчинами и женщинами большая разница, что касается стремления жить в воображаемом мире, фактически я даже думаю, что мужчины живут дальше от реальности, но прикрывают свое бегство в фантастический мир такими «важными» словами, как «политика», «философия» и прочими подобными. В прежние, по крайней мере, времена женщины поощряли это «бегство» ─ чтобы побыстрее освободить от мужчин кухню и заняться серьезным делом.

Джон. Значит, лучше всего расстаться с иллюзиями?

Робин. Нет, крайней необходимости нет. Каждый сам решает. Лично я за то, чтобы расстаться с иллюзиями и жить ближе к реальности, однако я бы не прописывал это «средство» всем подряд. По опыту психиатра сужу, что преимущества у тех людей, которые хотят разделаться с иллюзиями. Но это процесс болезненный...

Джон. Потерять иллюзию бывает так же больно, как что-то реальное?

Робин. Да. И не каждый способен такое вынести, не каждый хочет пробовать... Поэтому я помогаю людям разглядеть их иллюзии и «переменить» взгляд лишь настолько,

насколько им требуется, чтобы справиться с проблемами, приведшими их ко мне,─ не больше. Нельзя разрушать иллюзию, пока человеку нечем заменить ее в реальности.

Джон. Значит, Вы одобряете молодых, которые проходят «школу» секса, потому что они, как Вы считаете, освобождаются от ложных представлений о любовной связи, глубже познают себя самих, свои потребности и противоположный пол, а отсюда у них больше шансов позже найти подходящего партнера, с которым смогут создать длительный и счастливый брак.

Робин. Совершенно верно. Если я за сексуальную свободу до брака, то именно потому, что считаю устойчивый брак важной основой семьи, высоко ценю верность и преданность. Супружеские пары скорее выберут эти ценности, обнаружив, что мимолетные, случайные связи ─ пускай и приносящие удовольствие ─ не вознаграждаются так, как отношения полновесные и проверенные. Впрочем, люди не склонны верить на слово, хотя, убедившись на опыте, выберут крепкий брак.

Лечение сексуальных расстройств

Джон. Хорошо, мы одолели ступени сексуального развития, мы на пороге брака. Итожим. Мы осознаем нашу половую принадлежность не сразу. Но к двум с половиной, к трем годам ребенок, если развивается нормально, твердо стоит либо на мужском, либо на женском берегу. Затем ─ между тремя и шестью ─ наступает «эдипова» фаза первой любви к родителям противоположного пола. Затем шесть лет относительной латентности, когда интерес к сексу сохраняется, но ─ неявен. А затем юность ─ гормоны «растормошат», и для подростков повторяется «эдипова» фаза, впрочем, на этот раз с настоящим сексуальным влечением. И тогда молодые люди могут идти набираться опыта, чтобы выбрать действительно подходящего партнера для брака. Так, давайте разберемся, чем помочь человеку, если он где-то сбился.

Робин. Многое зависит от того, на какой ступени развития произошел сбой. Чем выше ступень, тем легче помочь. Сегодня, благодаря новым методам, такие осложнения, как, например, импотенция, фригидность, преждевременная эякуляция излечиваются за неделю, а вот раньше годы лечения не давали особых результатов.

Джон. Но, предположим, проблема появилась до «эдиповой» фазы. То есть у нас проблема половой принадлежности.

Робин. Чаще всего здесь трудно чем-либо помочь. Большинство транссексуалов и гомосексуалистов даже не обращаются к психиатрам, чтобы как-то поправить свое отклонение от нормы, потому что они приспособились к нему, приняли его. Вопрос об изменении сексуального «самосознания» и не поднимается.

Джон. Но изменение возможно?

Робин. Да, конечно. Но тогда труд предстоит долгий, тяжелый, нередко мучительный, ведь перемена затрагивает основы личности. И скажется во всем. Изменение сексуального «самосознания» потребует от человека почти полного перерождения. Иными словами, придется творить человека заново. И каждому ─ самому решать, стоит ли цель усилий и мук. Многие, подумав, вероятно, откажутся, а для некоторых пробовать даже опасно. Как бы то ни было, психиатр должен считаться с намерениями ─ и помнить об уязвимости ─ каждого конкретного пациента. Пациент часто лучше психиатра знает, в чем для него польза. И если человек обратился за помощью с какой-то иной проблемой, психиатр обычно способен

помочь ему наладить жизнь, при этом считаясь с желанием пациента сохранить прежнее сексуальное «самосознание».

Джон. Вы употребляете слово «отклонение»...

Робин. Да, прежде в этом случае употреблялось слово «извращение», больше «нагруженное» негативными ассоциациями, что и требовалось во времена, когда было строжайше запрещено заниматься чем-либо, кроме половых отношений в браке. Поэтому сегодня правильнее говорить об «отклонениях».

Джон. Но многие гомосексуалисты возражают даже против «отклонения». Они предпочитают слово «вариация», подсказывающее, что одна сексуальная ориентация так же нормальна, как любая другая.

Робин. Я нисколько не буду оспаривать их право верить во что хотят и защищать свою веру при условии, что они согласны не причинять насилия, как те, кто придерживается «другой» ориентации. Но Вы, наверное, заметили, описывая ступени сексуального развития (а эта теория не только отвечает моему профессиональному и личному опыту, но и позволяет оказывать практическую помощь людям и менять их привычное поведение к лучшему), я исходил из мысли, что есть нормальный путь развития. В сравнении с ним как раз и можно отчетливее увидеть разные сексуальные ориентации. Я предпочитаю понимать вещи так, такой взгляд мне подходит, он «работает» и все объясняет. Но если кто-то считает, что отклонения берутся неизвестно откуда,— конечно, их точка зрения понятна: они не хотят менять свои привычки — прекрасно. Схема развития, описываемая мною, не предполагает никакого морального осуждения людей разных ориентация, о необходимости себя менять речь не идет.

Джон. Значит, проблема с изменением сексуального «самосознания» трудно решается, даже если пациент заинтересован в изменении. Личность построена на этом «самосознании», поэтому потребуется слишком много «снести» и «перестроить». Ну, а как решаются проблемы более поздних ступеней развития?

Робин. Давайте возьмем фригидность, импотенцию и преждевременную эякуляцию — проблемы, называемые «половыми дисфункциями». Эти проблемы «закладываются» после преодоления — вполне удовлетворительного — ступени осознания половой принадлежности. Что касается отклонений, то поезд ушел... ушел в неверном направлении. Что же касается дисфункций, то поезд отправился по назначенному пути, но семафор дал «красный», и поезд остановился. Задача психотерапевта — включить «зеленый».

Джон. «Красным» человеку воспрепятствовали развиваться в половом отношении на «эдиповой» ступени?

Робин. Да. Возьмем фригидность. Если отца очень смущают романтические чувства дочери к нему и он даст — от смущения и испуга — отрицательный «ответ», она будет думать, что эти новые для нее чувства — «плохие». И она попробует «выключить» их. А позже, когда она уже вырастет, привычка поведет к тому, что она, «выключившись», не сумеет «включиться».

Джон. И то же самое произойдет, если отец ответит слишком горячо?

Робин. Да, она опять ради собственной безопасности «выключится». Причиной может послужить также строгий запрет на явное проявление сексуальной потребности, идущий не из семьи, а извне — слишком строгие общественные нормы поведения. Иногда — правда, значительно реже — причиной может быть действительная травма... какая-то скверная семейная история.

Джон. А у импотенции — похожие причины? Только не так, как нужно, отвечает мать?

Робин. Именно. Но следует сказать, что любой мужчина может страдать временной импотенцией — то есть отсутствием эрекции или ее ослаблением во время любовной игры и полового акта — если он в стрессовом состоянии, нездоров, находится под действием каких-то наркотиков или алкоголя, даже если чрезмерно волнуется, чтобы не произошло сбоя,— например, при первом половом сношении с любимой женщиной или женой. Из-за случившегося сбоя может «завязаться» порочный круг: растущее беспокойство ведет к неудаче, неудача — к еще большему беспокойству. В результате развивается импотенция стойкого характера, если разорвать порочный круг не поможет чуткая женщина, терапия... Или человеку просто повезет...

Джон. Но Вы говорили, что фригидность и импотенция — какими бы причинам ни были вызваны — прекрасно лечатся.

Робин. Да. В легких случаях — к счастью, они и самые частые — как раз сталкиваемся с порочным кругом неудачи — тревоги, в который попадает по какой-то случайности мужчина, прежде нормально справлявшийся с половой функцией. Конечно, скорее такая неприятность произойдет с человеком, уже пробовавшим подавить половую потребность,— по причинам, которые мы упоминали. То же самое относится и к фригидности.

Джон. Так. А преждевременное семяизвержение? Это еще одна попытка «выключиться», «покончить» с сексом, по-настоящему за него не принявшись?

Робин. Нет, здесь немного другое. Новые эффективные методы лечения базируются на разных теориях, хотя для всех теорий главная мысль та, что мужчина «кончающий» поспешно, до партнерши, не чрезмерно чувствителен, а наоборот, не ощущает в полной мере естественного в продолжении любовной игры и полового акта удовольствия от физического раздражения эрогенных зон и прежде всего пениса. Здесь нам опять пригодится сравнение с незадачливым водителем, на ходу бросившим руль и забившимся на заднее сиденье. Машина — пенис, руль — его связь с ним, его чувство пениса. Его возбуждение при нем, но неуправляемая машина «тормознет» сама по себе.

Джон. Вы хотите сказать, что «возбуждение» не увязано как следует с физическим ощущением удовольствия? Что ему нужно полнее отдаться чувству удовольствия, чтобы контролировать себя?

Робин. Именно. И теперь Вам станет понятно, почему от советов, взятых из старых пособий, был только вред. Считалось, что мужчине нужно снизить возбуждение, сосредоточившись на каких-то посторонних вещах. Повторять таблицу умножения... Что-нибудь вроде этого. С заднего сиденья он же попадал в багажник!

Джон. А почему мужчина рвет связь со своими физическими ощущениями?

Робин. Возможно, он подавляет свои ощущения потому, что в семье «отвечали» неправильно, что с детства он усвоил: «неприличен» здоровый сексуальный аппетит, чувственность — это «похоть».

Джон. Так. Вы говорили, что за последние десять лет достигнут огромный успех в лечении всех этих дисфункций. Что сыграло роль?

Робин. Прежде всего начинание Мастерса и Джонсон[1] в Штатах. Вместо того, чтобы помогать кому-то одному из партнеров — страдающему дисфункцией — они приглашали на прием обоих... «пострадавших» (сами психотерапевты работали в паре, так что часто встре-

---

[1] Американские сексологи.

чались вчетвером). И дальше — не обсуждали с пациентами вероятные причины расстройства — опыт детства и так далее, но давали им совет и ставили перед ними задачи. Побуждали, поддерживая, еще раз попробовать и не расстраиваться, если потерпят неудачу вначале.

Джон. Не концентрировали внимание на причинах, просто заставляли пациентов поупражняться?

Робин. Да. Эффект был потрясающий... Другие специалисты добились таких же результатов.

Джон. А какого рода эти советы... задачи?

Робин. Если пара «пострадала» от фригидности или импотенции, если оба очень встревожены, боятся, что уже ничего не получится, надо, заручившись их доверием, убедить партнеров «договориться» о совместных действиях, посоветовать какое-то время не вступать в половой акт, а просто «поучиться» наслаждению, лаская друг друга.

Джон. Исключая из «игры» половой акт, вы исключаете тревогу о том, что «не получится». Хорошо, а какие задания даете?

Робин. Можно предложить им по очереди касаться, поглаживать друг друга с полчаса, доставляя друг другу удовольствие, при этом они намеренно не дотрагиваются до гениталий. Пассивного партнера другой просит «расслабиться и наслаждаться» только говорить, какая ласка ему приятнее всего. Таким образом, они совместными стараниями ищут путь, как можно больше порадовать друг друга.

Джон. Это принцип «поведенческой терапии» — так ведь? Начинаем с чего-то простого, не вызывающего особого волнения, и шаг за шагом двигаемся к цели, каждый раз останавливаясь с возникновением тревоги.

Робин. Верно. Согласившись на какое-то время «забыть» про половой акт, даже обходиться без прикосновения к половым органам в любовной игре, партнеры забывают прежнюю тревогу. А потом они могут «познавать друг друга» заново. Научившись чуткости и нежности, заботливому отклику на желание партнера, они открываются друг для друга и порой даже вновь влюбляются друг в друга.

Джон. И приближаются к полноценному половому акту?

Робин. Да. Постепенно. Как будут готовы. Например, если осложнения начались с импотенции, первым шагом после того, как привыкнут к ласкам без контакта с гениталиями, станет такой: женщина играет с пенисом, просто доставляя партнеру удовольствие, не настраиваясь на эрекцию у мужчины, не расстраиваясь, если эрекции не последует. Впрочем, избавившись от напряжения, мужчина обычно скоро «включается». Женщина ведет его, но не торопит — в ответ его желание становится все острее. И когда он почувствует уверенность, они попробуют совокупление, опять же не настраиваясь, что у мужчины сохранится эрекция. И если неудача — они просто делают шаг-два назад и проходят тот же путь заново. Но избегнут движения в порочном круге. Как правило, половая функция у мужчины восстанавливается за недели, а получаемое удовольствие «закрепит» их на верном пути.

Джон. А если пара «забежит вперед» и попробует вступить в половой акт раньше, чем ей советовали?

Робин. Не страшно. Повезет им — а часто так и бывает, потому что решая «задачки», они быстро продвинутся,— и дело с концом! А не повезет — в вами отведенных им «границах» они не почувствуют, что «провалились», наоборот, созорничав, оживятся.

Джон. Вы говорили, что другие психотерапевты считают такой метод лечения эффективным. Они добавляют что-то свое?

Робин. Да, конечно. Но все приемы фокусируются на непосредственном опыте.

Джон. То есть партнеров «поворачивают» к их ощущениям?

Робин. Да, все строится на том, чтобы в их «сиюминутных» отношениях партнеры налаживали утраченную связь с ощущениями сексуального свойства и отдавались бы чувствам полнее. Все это возможно и достижимо, ведь пациентам ставят задачи для решения их проблем, побуждают пробовать.

Джон. Психотерапевты не тратят времени на выяснение причин их расстройств.

Робин. Ну, сейчас многие психотерапевты начинают сочетать эти новые приемы с более традиционным психоаналитическим методом, в основе которого — прояснение причин расстройства. И половые дисфункции лечатся еще успешнее.

Джон. Так. Проблемы с половой принадлежностью «закладываются» на «ходунковой» ступени, половые дисфункции, в своей основе, возникают на «эдиповой» или позже... Где истоки мазохизма, садизма и фетишизма?

Робин. Все это проблемы, тоже объясняющиеся задержкой сексуального развития. Люди могли добраться до верного осознания своей половой принадлежности, но не приблизились к верному восприятию противоположного пола, которое есть основа естественных, любовью и доверием наполненных отношений. Поэтому они не способны отдаться половому влечению по-настоящему. Мешает страх и недоверие к партнеру. Откуда особые способы удовлетворения сексуальной потребности: человек стремится получить наслаждение и одновременно крепит оборону, защищаясь от страха.

Джон. Чего он боится?

Робин. Главное — что над ним возьмут верх, если он обнаружит свою открытость и уязвимость, но ведь победа в любовных «баталиях» дается только ценой открытости. Опыт ранних лет жизни научил его опасаться слишком «тесных» отношений, страшиться любви и вовлеченности. Поэтому он ищет секса на «особых условиях»: хочет какого-то удовольствия, но — никакого риска.

Джон. Но в смягченных формах садомазохизм довольно распространен — так ведь? У многих пар заведены поцелуи «до кровоподтеков», многие в момент возбуждения могут причинить партнеру боль.

Робин. Да-да, для многих пар любовная игра, по крайней мере, на определенных стадиях, не обходится без «раздразнивания», укусов, инсценировки насилия. Если все это ко взаимному удовольствию, не о чем беспокоиться: нормальные вещи. За рамками нормы эти действия оказываются, если партнеры не доверяют друг другу, не свободны друг с другом, иными словами, если эти действия — замещение любви и доверия, способ дорваться до сексуального удовольствия, избегая эмоциональной близости, которая в норме неотделима от него.

Джон. За рамками нормы секс оказывается без любви?

Робин. Да. А любви нет уже потому, что нет сочувствия к себе подобному — человека к человеку. Систематически причиняя боль партнеру — и только при этом условии получая сексуальное удовольствие,— человек добивается иллюзии близости вместо настоящей близости любящих людей, которые вверяют себя друг другу, добровольно отдаются во власть друг друга и подчиняются любви — пусть ведет. Садомазохизм, наоборот, разделяет партнеров и отдаляет друг от друга. Что касается садиста, то для него партнер всего лишь объект, вещь, ею можно пользоваться беззаботно и безжалостно. А боль, причиняемая жертве, для садиста — желанная связь... убогая и порочная замена любовной связи, на какую он не отважится из-за страха, что будет в руках у жертвы. Жертва, получающая «мазохистское» удо-

вольствие, также лишена реальной связи и любви. Страх и боль вынуждают мазохиста «уйти в себя», откуда неизбежный эмоциональный разрыв между партнерами садомазохистского акта. Они оба «защищены» от близости, они ничего не дают друг другу, но переживаемое сексуальное возбуждение может удерживать их вместе.

Джон. И принцип «защиты» себя от вовлеченности справедлив для всего спектра садомазохистских отношений?

Робин. Да. Я думаю, так.

Джон. На одном полюсе которого ─ причинение сильной боли партнеру, на другом... Что на другом?

Робин. Ну, «насильник» в сниженном варианте ─ это мужчина, пробующий шокировать женщин эксгибиционизмом, или вуайёр, соглядатай, пользующийся случаем возбудиться, оставшись незамеченным. Кстати, порнография в основном держится тем же принципом ─ стремлением отделить секс от любви, «освободить» от нежности, теплоты, сопутствующих сексуальному возбуждению.

Джон. Значит, в основе садизма, мазохизма, фетишизма, вуайеризма, эксгибиционизма и порнографии ─ боязнь вовлеченности?

Робин. Да, человек не способен справиться с сексом и любовью. Страшится, что тогда попадет во власть партнера. И действительно попадет, ведь в этом она, любовь! Но он избегает любви, потому что у него был печальный опыт: тот, кого он в детстве любил, кому доверился, причинил ему зло.

Джон. Значит, в каком-то смысле извращение сводится к защите своей сексуальности от дополнительного травмирования?

Робин. Именно. В ранние годы жизни сексуальная потребность завела человека в беду, и чтобы сохранить эту свою естественную потребность, он, безопасности ради, должен ее прятать. Должен маскировать ее, чтобы никто ее не разглядел, укрывать где-то, куда «не доберутся» другие, несущие ей угрозу. Иными словами, его «человечная» сексуальность заперта от людей. Его сексуальная потребность может выражаться только в искаженном виде ─ без риска, что его «человечностью» опять, как в детстве, кто-то воспользуется.

Джон. А проблема усугубляется еще тем, что общество осуждает такое «безопасное» проявление его сексуальной потребности.

Робин. И человек живет с ней, как с преступной тайной. Конечно, он вынужден держаться своих привычек, ведь это для него единственный способ удовлетворения сексуальной потребности. И он удовлетворяет ее от случая к случаю, когда может.

Джон. Эти люди обращаются за помощью?

Робин. Редко. А если обращаются и хотят изменить свои привычки, как правило, не хотят вникать, от чего стремятся избавиться, потому что их мучит чувство вины и стыд. Но, конечно же, если мы хотим продвинуться вперед, начинаем с того места, где стоим!

Джон. Они, по-Вашему, хотят отыскать нормальную сексуальность, не желая вспоминать, куда ее спрятали.

Робин. Да. Они действуют, как тот, кто потерял ключ и пошел искать его к фонарю за пятьдесят ярдов ─ там «виднее». Поэтому понятно, что просто побуждать их пробовать более здоровые способы удовлетворения половой потребности совершенно бесполезно. Надо начинать с того, на чем стоим, высвободить свойственое человеку сексуальное побуждение, и тогда оно, вырвавшись из тисков, может сделаться естественнее, связаннее со всеми иными естественными человеческими побуждениями и чувствами. Тогда-то сексуальное побуж-

дение будет легче контролировать. Иными словами, лечение всегда начинается с поисков свойственного человеку — и замаскированного — сексуального побуждения, отыскав которое, учите пациента принять его и даже насладиться мучительными фантазиями.

Джон. Насладиться? Он же пришел к Вам, чтобы избавиться от них!

Робин. Я знаю, «странный» совет. Но ведь вы не советуете пациенту навязывать его фантазии другим. Однако там, откуда протискивается его извращенное побуждение, откуда прорываются его фантазии, там спрятана естественная, истинная, «человечная» сексуальность. И если пациент из-за страха и чувства вины избегает всматриваться в отталкивающие «видения», он никогда не доберется до спрятанного за ними благополучия. Но если вы поддержите его, пока он нащупывает «включатель» своего извращенного сексуального возбуждения, потом он сможет высвободить и то, что скрыто глубже. Освобожденные чувства потекут по правильному руслу, и для человека откроется «человечная» сексуальность.

Джон. А новые методы лечения, наподобие предложенных Мастерсом и Джонсон, тут дают результат?

Робин. Напрямую — нет. Я уже говорил, отклонения этого типа занимают место где-то между проблемами с половой принадлежностью, такими, как транссексуализм, гомосексуализм, и дисфункциями, такими, как импотенция, фригидность. При желании человека... с ними легче справиться, чем с гомосексуализмом, но куда сложнее, чем с теми, где нужно просто переключить сигнал с «красного» на «зеленый». Тут требуется год, может быть, несколько лет непрерывного лечения по методу психоанализа.

Сам себе злейший враг

Джон. Скольким же людям не без усилий даются здоровые сексуальные отношения — а ведь сегодня такое стремление находит одобрение и широкую поддержку общества. Но что их заботы в сравнении с бедой тех, у кого какие-то отклонения, кто должен сжиться с фактом: даже немногое, на что они способны, осуждается, считается позорным.

Робин. И, конечно, такая позиция вредит осуждающему их обществу.

Джон. Каким образом?

Робин. Вспомните о гомосексуалистах, о других людях с отклонениями. Там, где нетерпимость, где неприятие отклонений, люди вынуждены уходить в подполье, и для них, вроде объявленных вне закона, не остается иного выбора, как объединяться в группы меньшинств в целях обороны от общества. Враждебно настроенное к ним общество, можно сказать, толкает их на ответную враждебность.

Джон. Они поневоле не принимают всего «нормального» вместо того, чтобы свободно ориентироваться на лучшее.

Робин. Что не на пользу ни им, ни обществу. Нет, не легче и тем, кто на «нормальной» стороне. Возьмите тот же гомосексуализм. Если он «под запретом, люди будут вечно тревожиться и подозревать за какой-то своей нормальной склонностью «гомосексуальную» основу.

Джон. А ведь по складу личности большинство, как Вы говорили, обладает гомосексуальными склонностями в том смысле, что способны испытывать наслаждение от общения с людьми своего пола.

Робин. Но если они смущаются своих чувств, они попытаются их подавить, сунуть за «ширму».

Джон. Они в ужасе отдернут руку, вздумав, выражая расположение, прикоснуться к человеку,— ведь примут за приглашение к предосудительным отношениям!

Робин. Дело серьезнее. И гомосексуальные, и гетеросексуальные побуждения питает та же энергия. Обуздывая чувства одного свойства, человек одновременно не дает ходу всей «упряжке», он не сможет себя «отпустить», не сможет получить сексуальное удовлетворение в общении с противоположным полом в отличие от человека, который в ладу со всеми естественными чувствами.

Джон. Это прямо обо мне сказано. У меня была девушка, с сексом все было замечательно. Но потом мы обнаружили, что нас тревожит одно и то же чувство. У нее на работе какая-то девица принялась кокетничать с ней, что очень смущало мою знакомую. А я ей сообщил, что в спортзал, где тренировался, ходило несколько симпатичных и жутко крепких парней, которые вечно демонстрировали мускулы и шутя упражнялись с тяжестями,— эти бравые атлеты меня раздражали. Мы с моей девушкой договорились «снять тормоза». Она стала отвечать кокетством той, другой, и поняла, что больше не смущается, ей даже приятно. Я пошел в спортзал и, скрежеща зубами, попробовал не отводить восхищенного взгляда от тех мужественных парней. Сначала я чувствовал себя ужасно, в основном боялся, что примут за гомика, но потом — алле-гоп! — просто залюбовался людьми, на самом деле красивыми! Я смог наслаждаться зрелищем, забыв положенную британцам холодность, и меня уже не раздражал некоторый нарциссизм парней... А с девушкой мы заметили, что любовь у нас теперь «делается» горячее. «Осадив» на какое-то время тревогой сексуальную энергию, мы сумели ее освободить.

Робин. Вот смысл настоящего, любовью напитанного секса. Надо, как волне, отдаться ему, отдать себя в руки друг друга. Вы абсолютно... вы неудержимо свободны, ни себя не останавливаете, ни партнера, но захвачены цепной реакцией наслаждения и любви. Но вы не способны на это, если ограждаете себя от чего-то со стороны партнера. Не способны и тогда, когда опасаетесь со своей стороны «неположенного» чувства, действия. И речь, конечно, не только о гомосексуальном «штрихе», речь обо всех «цветах» эмоционального спектра. В идеале нам, взрослым, положено «не перечеркивать» — хранить опыт всех предшествовавших ступеней развития. И секс — чудо уже потому, что, «творя любовь», мы каждый раз можем заново творить себя... «пуская в действие» опыт любой из ступеней. Поэтому неважно, с чего у двоих «все» начинается. Они могут приходить в восторг от игры во власть и покорность, могут ласкать «малыша», в какого превращается то один, то другой, оба могут превращаться и в озорника — «ходунка», «пораблезианствовать» досыта, могут, «сбросив» свои повседневные роли, поменяться ими и взять реванш. Если их отношения построены на любви, такая игра — великая вещь. Ведь это значит, что все и всевозможные потребности личности открываются и удовлетворяются, что взрослые обретают упущенное на «детских» ступенях развития и, восполняя опыт, высвобождают энергию для максимального наслаждения друг другом и жизнью.

Джон. Мысль об «игре» тут кажется крайне важной. Ведь в игре — если у нас двоих игра — нам легче дается свобода, нам легче «отпустить» себя и дерзнуть — верно?

Робин. Да. Но не забывайте, суть «игры» в том, что у нее должны быть «границы». Иными словами, ей должно быть «время и место», чтобы вы знали: вот она начинается... вот кончается и вновь действуют правила будней. Люди без опаски дадут себе волю, только зная, что защищены «границами». Если «границы на месте, тогда можно рушить барьеры, можно полностью раскрепоститься и слиться.

Джон. И вернуться назад... когда им захочется.

Робин. Верно. Эта способность сливаться в целое и возвращаться «в себя», не опасаясь предельной близости по временам, не страшась на время оказаться далеко друг от друга, как раз и есть секрет счастливейшей, здоровой семьи. Именно к этому нужно стремиться, чтобы сделать брак совершеннее. Человек только тогда «растворится», если уверен, что потом «границы» вновь будут его хранить.

Джон. Вы хотите сказать, что опасение вызывает такая близость, когда потом уже не отделиться?

Робин. Да. Это случается, если люди не преодолели полностью ступеней роста в семье — семья им не помогла — и они отстали: не способны на самом деле покинуть своих отцов и матерей. Они либо по-прежнему привязаны к ним, а не к партнеру в браке, либо — пускай их с родителями и разделяет физическое расстояние — прикипели к ним чувствами, не изжили «зависимых» чувств и направляют эти чувства на партнера в браке, на детей... будто те им родители.

Джон. Вот мы и завершили полный оборот, стоим у исходной Вашей мысли: причина, объединяющая людей в пару,— это... «неснятый вопрос».

Робин. Да, здесь ключ. Но мы должны «снять» вопрос, чтобы повзрослеть и сделаться самостоятельными людьми, то есть должны отойти от родителей и не ждать, что они дадут нам еще что-то. Нет, не надо отказываться от них, терять с ними дружбу. И не возбраняется — хотя фактический инцест под запретом — не возбраняется выбирать в партнеры того, у кого привлекательности, доброты, чувственности и любви не меньше, чем у вашей мамы, у вашего папы, у вашего брата, сестры, бабушки, дедушки или у всех у них вместе.

Джон. Истинной свободой повеяло...

Робин. На том стоим. Ведь вы даже и не вникнете, насколько ваш выбор партнера определен вашими ранними привязанностями к членам семьи, пока не будете знать, что с таким выбором все в порядке, никаких правил вы не нарушили.

Джон. Вообразите, я увидел все в новом свете! И многие проблемы брака как раз потускнели. Я хочу сказать, что люди, наверное, «выключают» свое сексуальное побуждение часто потому, что не знают: все в порядке, нет ничего плохого в хороших чувствах, которые вызывает партнер и которые раньше предназначались кому-то в семье. Если причина выбора партнера упрятана за «ширму», отношения могут тревожить как инцестуозные... хотя на самом деле это не так.

Робин. Совершенно верно. Разбираясь с проблемами брачных и вообще сексуальных отношений, вы скоро замечаете: многие проблемы отсюда — от представления, будто близость с партнером инцестуозна... Ведь такие «похожие» чувства... Нет тут инцеста. Запутались люди. И скорее запутаются, если их родители не умели «обращаться» с сексом, не определили сексу в доме «время и место». Для блага детей — и для своего блага — родители должны радовать друг друга в спальне и не делать из этого тайну.

Джон. Значит, с сексом — так же,как и с любыми не решенными нами в семье задачами... Если мы достанем спрятанное за «ширмой», то можем найти решение, опираясь на поддержку партнера в браке.

Робин. Смешно, но большинство проблем, из-за которых у нас болит голова, просто выдуманы! На последнем сеансе пациенты, уже, наконец, разглядевшие, куда себя завели, не осознавая, что делают, обычно спрашивают у меня — почему я не сказал им этого сразу. А ведь я с первого до последнего сеанса только тем и занимался, что втолковывал это им, но они на меня безумно злились.

Джон. Вместо ответа на последний вопрос пациентов, как я помню, Вы над ними смеетесь.

Робин. И если они над собой посмеются, значит, здоровы.

СОДЕРЖАНИЕ